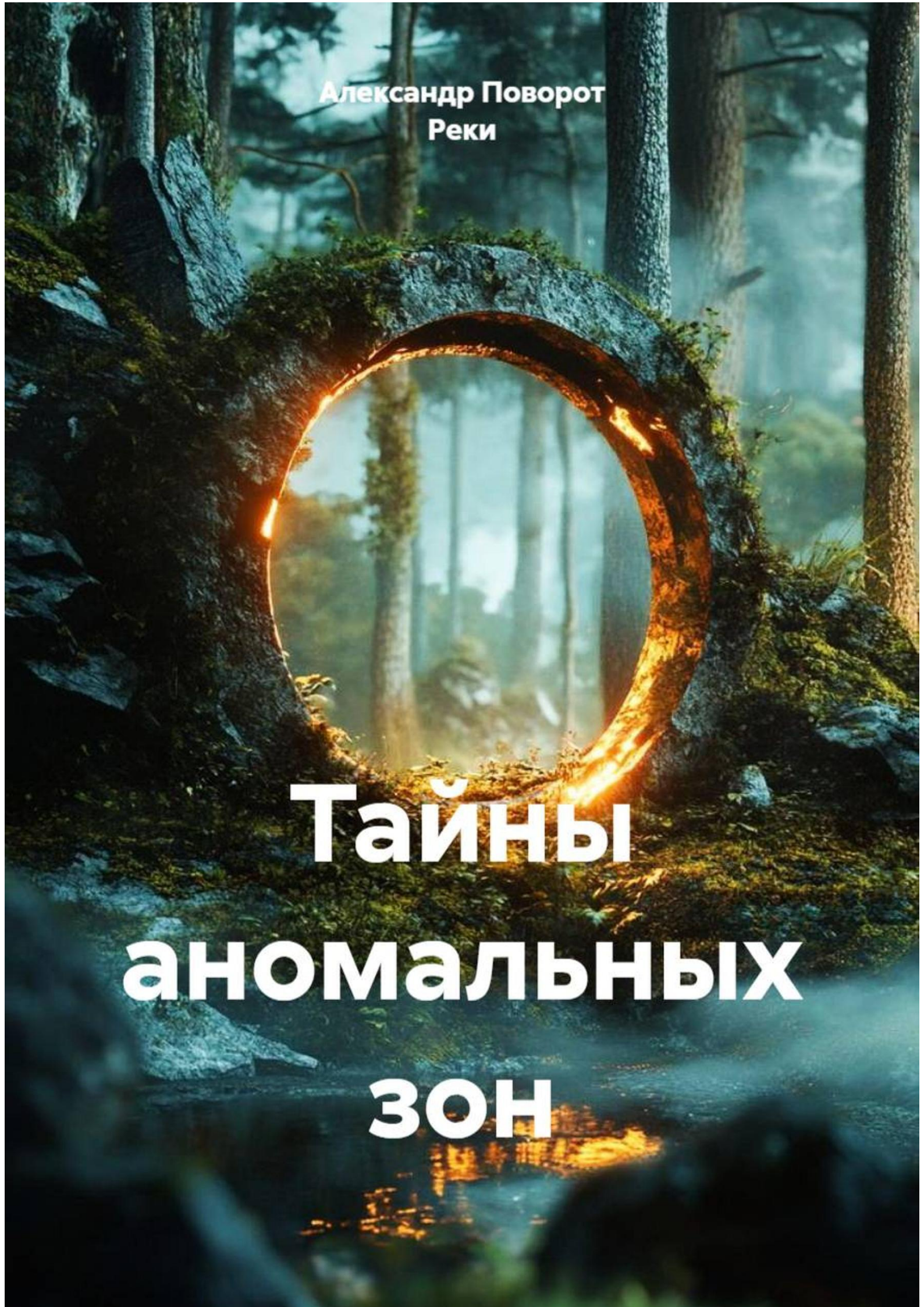

A glowing circular portal, resembling a ring of fire or a magical opening, is set into a mossy rock in a dark, misty forest. The portal's light reflects in a small pool of water in the foreground. The background shows tall, thin trees in a dense forest.

Александр Поворот
Реки

Тайны аномальных зон

Мистические истории

Александр Поворот Реки
Тайны аномальных зон

«Автор»

2026

Поворот Реки А.

Тайны аномальных зон / А. Поворот Реки — «Автор»,
2026 — (Мистические истории)

Говорят, в самом сердце Подмосковья, там, где древние леса смыкаются над безмолвными топями, время течёт вспять, а граница между явью и кошмаром истончается до толщины паутины. Это история о месте, пропитанном ужасом, который древнее самого человечества, — месте, где земля помнит шаги существ, чьи имена стёрты даже из памяти кошмаров. Вам вместе с героями, предстоит столкнуться с наследием Ордена Последнего Света — последних хранителей хрупкого барьера между мирами — и узнать страшную правду о том, что спящий под болотами Шушмора не просто чудовище, а абсолютный хищник, пожравший целую расу Древних. Это повествование о пробуждении Бездны, о взгляде, древнем как звёзды, и о том, как легко привычный мир может обернуться гротескным отражением в осколках разбитого мироздания. Не читайте эту книгу, если боитесь узнать, что на самом деле скрывается за зеркалом вашего собственного разума.

Содержание

Пропавшие в Урочище Шушмор.	5
Пролог.	5
Часть 1: Порог забвения.	7
Часть 2: Храм безбожия	10
Часть 3: Возвращение к ране.	14
Часть 4: Искажение отражения.	20
Битва в Урочище Шушмор.	25
Часть 1. Зов болот.	25
Часть 2. Тень над Шушмором.	40
Часть 3. Пробуждение Бездны.	55
Секта Шушмор.	61
Часть 1: Пробуждение памяти.	61
Часть 2: Жертва и отражение.	67
Эпилог: Вечное соединение	72
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Александр Поворот Реки Тайны аномальных зон

Пропавшие в Урочище Шушмор.

Пролог.

Бывают в жизни человеческой такие мгновения, когда сама ткань реальности истончается до прозрачности, обнажая под собой нечто столь ужасное и непостижимое, что разум отказывается вмещать эту истину. И тогда мы, подобно детям, зажмурившим глаза перед лицом ночного кошмара, предпочитаем забыть, отрицать, вычеркнуть из памяти то, что видели. Но есть места на этой земле — проклятые, забытые Богом и людьми, — где забвение невозможно, где сама география становится соучастницей невыразимого ужаса.

Урочище Шушмор — одно из таких мест. Затерянное в глухих лесах и болотах, оно не значится на современных картах, словно сама земля стремится скрыть свою позорную тайну. Лишь в пожелтевших архивах губернских управлений да в шепотках стариков, чья память хранит отголоски давно минувших дней, можно найти упоминания об этой проклятой долине. Говорят, что название «Шушмор» происходит от древнего слова, означающего «место, где шепчутся камни» — и если это правда, то камни те шепчут на языке безумия.

И вот, в один осенний день, когда листва обретала багряные оттенки предсмертной агонии, группа отважных — или, быть может, безрассудных — исследователей отправилась в ту самую долину. Во главе их стоял профессор Аркадий Воронцов, человек науки, чей разум, подобно отточенному лезвию, привык рассекать туман суеверий и предрассудков. С ним были его ученики: молодой геолог Сергей, этнограф Анна, чьи глаза хранили мудрость древних преданий, и фотограф Лев, чей объектив стремился запечатлеть невидимое.

Перед отъездом к профессору явился старик-лесник, чье лицо, изборожденное морщинами, напоминало карту забытых троп. «Не ходите, — прошептал он, и в его голосе звучала такая тоска, что мороз пробежал по коже. — Там, в Шушморе, не земля, а живая плоть. Она дышит, она помнит..., и она ненавидит». Но Воронцов лишь усмехнулся, отмахнувшись от стариковых бредней, как от назойливой мухи.

И вот они отправились. Лес встречал их молчанием — не тишиной покоя, а тем гнетущим, зловещим безмолвием, что предшествует буре. Деревья стояли, словно стражи на забытом посту, их ветви скрючились в немых мольбах. Воздух был густ и тяжел, пропитан запахом гниющих листьев и чего-то еще — чего-то сладковатого, приторного, от чего сжималось сердце.

На третий день пути они нашли первый знак — каменный столб, покрытый странными письменами, не похожими ни на одну известную систему письма. Знаки эти казались то ли буквами, то ли изображениями существ, чьи формы бросали вызов законам биологии. Анна, прикоснувшись к холодному камню, вдруг отдернула руку, будто обожглась. «Они... они движутся, — прошептала она. — Знаки... они ползут по камню».

И вот, наконец, они достигли границы урочища. Перед ними расстилалась долина, но какая долина! Земля здесь была не коричневой, не зеленой, а мертвенно-серой, словно пепел после великого пожара. Камни лежали в странном порядке — не хаотично, как в обычной осыпи, а образуя правильные, геометрические фигуры, которые с математической точностью повторялись через равные промежутки. Небо над долиной было неестественно низким, свинцовым, будто тяжелая крышка гроба.

И тогда они услышали его — тот самый шепот, что дал название урочищу. Сначала тихий, едва различимый, будто шорох сухих листьев. Потом громче, настойчивее. Он исходил не откуда-то конкретно, а отовсюду сразу — из-под земли, из камней, из самого воздуха. Шепот складывался в слова, но слова эти были на языке, которого не знал ни один из них. Или... знал? Где-то в глубине памяти, в тех темных уголках сознания, что мы предпочитаем не посещать, что-то отзывалось на этот шепот, что-то древнее, первобытное, животное.

Профессор Воронцов поднял руку, призывая к тишине. Его лицо, обычно спокойное и уверенное, было бледно. «Мы должны войти, — сказал он, и в его голосе впервые прозвучала неуверенность. — Наука требует...»

Но закончить фразу он не успел. Из глубины долины донесся звук — не шепот уже, а нечто среднее между стоном и смехом. Звук, от которого кровь стыла в жилах, а разум цепенел в первобытном ужасе.

И вот они сделали первый шаг за порог. Камень под ногой Сергея дрогнул, словно живой. Анна вскрикнула — не от боли, а от внезапного, беспричинного страха, что сжал ее горло ледяной рукой. Лев поднял фотоаппарат, но объектив запотел изнутри, будто аппарат плакал.

А шепот становился все громче, все настойчивее, складываясь теперь в фразы, в предложения, в целые истории — истории о том, что было здесь до людей, о том, что будет после, и о том, что происходит сейчас, в эту самую секунду, в этом самом месте, где реальность и кошмар переплелись в смертельном танце.

Именно с этого момента начинается наш рассказ — рассказ об экспедиции в урочище Шушмор, откуда не вернулся ни один человек. Или... вернулся? Но об этом — позже. Ибо некоторые истины лучше остаются невысказанными, некоторые места — не посещёнными, а некоторые воспоминания — похороненными в самых глубоких склепах забвения.

Однако... раз уж вы начали читать, дорогой читатель, то уже поздно отступать. Шепот урочища Шушмор уже коснулся вашего сознания. И он не отпустит вас, пока не расскажет свою историю до конца. До самого ужасного, невыразимого, непредставимого конца.

Часть 1: Порог забвения.

Когда экспедиция профессора Воронцова пересекла невидимую границу урочища Шушмор, воздух изменился столь внезапно и столь кардинально, что даже самый скептически настроенный ум не мог отрицать: они вступили в иную реальность. Не холод стал иным, не влажность — но сама сущность атмосферы, будто они перешли из мира живых в мир, где понятия «живое» и «мертвое» утратили всякий смысл.

Земля под ногами была мягкой, податливой, но не как болотистая почва — скорее как плоть некоего колоссального существа, заснувшего, но не умершего. Каждый шаг оставлял углубление, которое медленно, почти нехотя, возвращалось к первоначальной форме, словно рана, затягивающаяся на глазах.

Сергей, геолог, первым обратил внимание на странность каменных образований. «Профессор, — сказал он, и голос его дрожал, хотя сам он пытался придать ему научную твердость, — эти камни... они расположены по законам неевклидовой геометрии. Углы... углы здесь не такие, какими должны быть».

И действительно, камни — серые, покрытые странным бархатистым мхом цвета запекшейся крови — образовывали фигуры, которые бросали вызов не только зрению, но и самому восприятию пространства. Треугольники, чьи внутренние углы в сумме давали не 180° , а нечто иное — то 270° , то 90° , будто законы математики здесь были лишь прихотью неведомого архитектора. Круги, чья длинна окружности, была то длиннее, то короче, в зависимости от того, с какой стороны на них смотреть.

Шепот, о котором предупреждал старик-лесник, теперь был слышен ясно. Он не исходил из одного источника — он рождался в самом воздухе, в вибрации земли, в дрожании листьев на редких, скрюченных деревьях, что росли здесь, будто в мучительной агонии.

Анна, этнограф, присела на корточки, приложив ухо к холодному камню. «Они говорят, — прошептала она. — Не словами... образами. Картинами. Я вижу...»

Она замолчала, глаза ее расширились от ужаса. «Я вижу нас. Но не таких, какие мы есть сейчас. Старых... или молодых? Или... одновременно и старых, и молодых? И мы... мы делаем что-то ужасное. Что-то, что...»

Она не закончила. Из ее горла вырвался странный звук — не крик, а скорее клокотание, будто кто-то пытался говорить ее голосом.

Лев, фотограф, тем временем пытался запечатлеть аномалии. Его фотоаппарат, верный спутник многих экспедиций, вел себя странно. Затвор щелкал, пленка продвигалась, но когда он пытался просмотреть отснятые кадры через видоискатель, то видел не пейзажи урочища, а нечто иное.

На первом снимке был Сергей — но не тот Сергей, что стоял в десяти шагах от него, а Сергей седой, с лицом, изборожденным морщинами, глубокими как овраги. На втором — Анна, но Анна-ребенок, лет пяти, с глазами полными такой древней мудрости, что от них становилось холодно. На третьем... на третьем был он сам, Лев, но в состоянии, которое не поддавалось описанию: его фигура была размыта, будто он находился одновременно в нескольких точках пространства.

«Пространственно-временные аномалии, — пробормотал профессор Воронцов, глядя на фотографии. — Теория относительности Эйнштейна... но доведенная до абсурда. Здесь время не линейно. Оно... циклично? Или многомерно?»

Наступил вечер — или то, что они приняли за вечер, ибо солнце здесь не садилось в привычном смысле. Оно не двигалось по небу, а будто пульсировало на одном месте, то становясь ярче, то тускнея, окрашивая пейзаж в странные, болезненные цвета: то в багровый, то в синевато-зеленый, то в тот оттенок желтого, что ассоциируется с разложением.

Именно тогда случилось первое происшествие. Сергей, изучавший образец породы, вдруг вскрикнул и отбросил камень. На его ладони остался след — не ожог, не порез, а нечто иное: кожа на том месте стала прозрачной, и сквозь нее было видно не мышцы и кости, а... пейзаж. Тот самый пейзаж урочища, но в миниатюре, будто его ладонь стала окном в иное измерение.

«Оно... оно входит в меня, — простонал Сергей, глядя на свою руку. — Я чувствую, как земля течет по моим венам. Как камни становятся частью моих костей.»

Решив разбить лагерь (хотя понятие «ночь» здесь было условным), они установили палатку на самом, как им казалось, ровном месте. Но едва последний колышек был вбит в землю, как пространство вокруг исказилось.

Стены палатки, которые должны были быть параллельными, сблизились с одной стороны и разошлись с другой. Пол, который должен был быть горизонтальным, наклонился под углом в 45°, хотя снаружи земля казалась ровной. Предметы внутри — фонари, приборы, спальные мешки — начали медленно перемещаться, будто подчиняясь гравитации, направленной не к центру Земли, а к какой-то иной точке.

«Неевклидово пространство, — сказал профессор, и в его голосе впервые прозвучало не научное любопытство, а страх. — Мы внутри геометрической аномалии. Законы физики здесь... изменчивы.»

Той «ночью» (если это можно было назвать ночью) каждый из них видел сны. Но сны эти были странными — они не приходили во сне, а накладывались на реальность, смешиваясь с ней.

Анна видела, как стены палатки становятся прозрачными, а за ними движутся тени — не человеческие тени, а тени существ, чьи формы были столь чудовищны, что разум отказывался их воспринимать. Существа эти не были враждебны — они просто были, как камни, как деревья, как сама земля. Но в их бытии заключалась такая чуждость, такая инаковость, что от одного их вида хотелось сойти с ума.

Сергей чувствовал, как его тело меняется. Кожа твердела, становилась похожей на кору дерева или на камень. Внутри что-то перестраивалось, органы смещались, кости меняли форму. Он не испытывал боли — лишь странное, отстраненное любопытство, будто наблюдал за процессом со стороны.

Лев видел через объектив фотоаппарата не то, что было перед ним, а то, что будет. Он видел себя старого, умирающего в этой же палатке. Видел Анну, сошедшую с ума и говорящую на языке шепота. Видел профессора... но то, что он видел о профессоре, было столь ужасно, что он выронил фотоаппарат и зажмурился, пытаясь стереть образ из памяти.

Когда пульсация «солнца» снова усилилась, они решили, что наступило утро. Выбравшись из искаженной палатки, они обнаружили, что пейзаж изменился.

Камни, которые вчера образовывали треугольники, теперь были сложены в спирали, закручивающиеся не в двух, а в трех измерениях. Деревья, и без того скрюченные, теперь были переплетены в узлы, которые математически не могли существовать в трехмерном пространстве. Даже их собственные следы, оставленные вчера, вели не туда, откуда они пришли, а вглубь долины, будто кто-то (или что-то) переставил их в течение «ночи».

Профессор Воронцов собрал их. Его лицо было бледно, но в глазах горел тот же научный огонь, что и прежде — только теперь в нем примешивалось нечто иное: отчаяние? Или, быть может, понимание?

«Мы не можем вернуться, — сказал он тихо. — Путь назад... его нет. Следы ведут только вперед. Пространство здесь не статично. Оно живое. Оно помнит наши шаги и... перестраивается под них.»

Он помолчал, глядя вглубь долины, где среди странных каменных образований виднелось нечто похожее на строение — или на то, что когда-то было строением.

«Есть только один путь — вперед. К центру. К источнику аномалии. Может быть... может быть, там мы найдем ответы. Или...»

Он не закончил. Но все понимали: или там они найдут свою гибель. Или нечто худшее, чем гибель.

И они пошли. Шли по земле, которая дышала под их ногами. Мимо камней, которые шептали на языке безумия. Под небом, которое не было небом, а лишь иллюзией, натянутой над бездной.

С каждым шагом реальность становилась все более текучей, все менее надежной. Цвета смешивались, формы плавилась, звуки искажались. Они шли не по долине, а по лабиринту собственного сознания, где каждый поворот открывал новые кошмары, новые невозможности, новые истины, которые были страшнее любой лжи.

А шепот становился все громче. Теперь в нем можно было различить слова. Или почти слова. Они звали. Манили. Обещали...

Что обещали? Познание? Бессмертие? Или просто конец — конец борьбе, конец страданиям, конец самому существованию в этом искаженном, безумном мире?

Они не знали. Но шли. Потому что идти назад было уже невозможно. Потому что урочище Шушмор не отпускало своих гостей. Оно впустило их — и теперь требовало плату за гостеприимство. Плату, размер которой они еще не могли себе представить...

Часть 2: Храм безбожия

По мере того, как экспедиция углублялась в сердце урочища Шушмор, пейзаж претерпевал метаморфозы столь радикальные, что само понятие «пейзаж» утрачивало смысл. Земля перестала быть землей — она стала чем-то средним между жидкостью и твердым телом, волнуемой под их ногами как океан в замедленной съемке. Камни не просто лежали — они плыли в этой полужидкой массе, сталкиваясь друг с другом со звуком, напоминающим скрежет костей.

И вот, наконец, они увидели то Самое Строение.

Назвать его храмом было бы кощунством по отношению к любой религии. Назвать его зданием — насмешкой над архитектурой. Это была структура, но структура, построенная по законам, которые не имели ничего общего с евклидовой геометрией, да и с любой иной геометрией, известной человечеству.

Стены его не были перпендикулярны земле — они изгибались, скручивались, переплетались, образуя узлы, которые математически не могли существовать в трехмерном пространстве. Окна (если это были окна) имели форму не кругов или прямоугольников, а фракталов — само повторяющихся узоров, уходящих в бесконечность. Дверной проем (если это была дверь) вел не внутрь, а... одновременно во все стороны сразу.

На стенах структуры были высечены те же письмена, что они видели на камнях при входе в урочище. Но здесь они были не статичными — они медленно перемещались по поверхности, перетекали из одной формы в другую, иногда складываясь в образы, которые бросали вызов не только зрению, но и самому сознанию.

Анна, чье этнографическое образование включало изучение древних языков, подошла ближе. «Это... это не язык, — прошептала она. — Это анти-язык. Он не передает смысл — он его уничтожает. Каждый символ... он отрицает сам себя. Смотрите.»

Она указала на один из знаков. «Этот означает "жизнь". Но если смотреть на него под другим углом... он означает "смерть". А если смотреть одновременно с двух точек... он означает и то, и другое, и ни то, ни другое.»

Ее голос дрожал. «Это язык безумия. Язык, на котором говорит сама иррациональность.»

Профессор Воронцов первым подошел к дверному проему. Вернее, к тому, что должно было быть дверным проемом. Он не был пустым — он был заполнен чем-то вроде тумана, но тумана плотного, вязкого, мерцающего всеми цветами радуги и одновременно никаким цветом.

«Пространственный разрыв, — сказал профессор, и в его голосе звучало нечто, среднее между восхищением и ужасом. — Портал в иную реальность. Или... в иную часть нашей реальности. Ту часть, которую эволюция научила нас не видеть.»

Он протянул руку. Пальцы коснулись поверхности тумана — и исчезли. Не растворились, а именно исчезли, будто их никогда не было. Но профессор не кричал от боли — он смотрел на свою руку с тем же научным любопытством, с каким изучал бы редкий минерал.

«Интересно, — пробормотал он. — Я не чувствую боли. Я не чувствую... ничего. Рука есть, но ее нет. Она одновременно здесь и... где-то еще.»

Один за другим они прошли сквозь портал. Ощущение было столь же невыразимым, сколь и ужасным. Это не было перемещением в пространстве — это было разворачиванием. Будто их трехмерные тела вдруг обрели четвертое, пятое, шестое измерения, и они увидели себя со всех сторон одновременно, увидели свое прошлое и будущее как единое целое, увидели все возможные варианты своей судьбы, разветвляющиеся как дерево с бесконечным числом ветвей.

Внутри структура была еще более невозможной, чем снаружи.

Пространство здесь не подчинялось законам перспективы. Стены сходились и расходились одновременно. Потолок был одновременно под ногами и над головой. Время текло не линейно, а циклически — они видели себя входящими в структуру, выходящими из нее, умирающими в ней, рождающимися в ней, и все это происходило одновременно.

После бесконечности, которая длилась мгновение (или мгновения, которое длилось бесконечно), они оказались в центральном зале. Если это можно было назвать залом.

В центре его находился... объект. Не артефакт, не идол, не механизм — просто Объект. Он не имел определенной формы — он постоянно менялся, перетекал из одной геометрической фигуры в другую, иногда принимая формы, которые заставляли глаза слезиться от напряжения.

Объект излучал свет — но свет этот был не цветом, а анти-цветом. Он не освещал, а поглощал свет, создавая вокруг себя область абсолютной тьмы, которая была темнее любой ночи, любой бездны.

И тогда они услышали Голос.

Он не звучал в ушах — он рождался прямо в сознании, минуя органы слуха. Это был не шепот камней — это был Речь. Речь на том самом анти-языке, что был высечен на стенах.

«Мы... мы вас ждали, — сказал Голос. И в его "сказал" не было звука — были образы, концепции, идеи, врывающиеся в разум с силой урагана. — Ждали долго. Очень долго. С тех пор, как ваша реальность... отделилась от нашей.»

Профессор Воронцов попытался говорить, но его голос затерялся в искаженном пространстве. Вместо этого он подумал вопрос: «Кто вы? Что это за место?»

Ответ пришел мгновенно — не словами, а целым потоком информации, который едва не сломал его разум.

Они были не в храме. Они были в... ране. В разрыве ткани реальности. В месте, где наша вселенная соприкасалась с другой — вселенной, где законы физики были иными, где понятия пространства, времени, материи имели иные значения.

Существа, обитавшие в той вселенной, не были богами. Не были демонами. Они были... математическими абстракциями, обретшими сознание. Живыми теоремами. Одушевленными уравнениями.

И они не были враждебны. Они просто... были. Как камни, как звезды, как сама реальность. Но их бытие было столь чуждым, столь иным, что человеческий разум не мог его вместить без разрушения.

«Ваша реальность... ошибка, — "сказал" Голос. — Побочный эффект. Когда наши вселенные... соприкоснулись. Родилась аномалия. Вы.»

Сергей, стоявший ближе всех к Объекту, вдруг вскрикнул. Но крик его быстро превратился в нечто иное — в звук, напоминающий скрежет камней, шум ветра, журчание воды, все одновременно.

Его тело начало меняться. Кожа стала прозрачной, и сквозь нее было видно не органы, а... уравнения. Математические формулы, которые пульсировали, менялись, решали сами себя. Кости превратились в кристаллические структуры, светящиеся внутренним светом. Глаза... глаза стали окнами в иную реальность — в них плавали галактики, рождались и умирали звезды, текли реки из чистой математики.

«Я... понимаю, — сказал он, но голос его был уже не человеческим. — Все. Я понимаю все. Математику вселенной. Музыку сфер. Танец частиц. Это... прекрасно.»

Но в его «прекрасно» звучала такая тоска, такая бесконечная печаль, что Анна заплакала. Плакала, хотя и понимала, что слезы здесь — лишь аномалия, ошибка в программе реальности.

«Вы можете остаться, — "сказал" Голос. — Стать... как мы. Понять. Знать. Видеть все измерения, все времена, все возможности.»

«Или можете вернуться. В свою... ограниченность. В свою слепоту. В свое неведение.»

Профессор Воронцов смотрел на Сергея, который уже почти полностью превратился в нечто иное. Смотрел на Анну, чье лицо было мокрым от слез. На Льва, который безуспешно пытался сфотографировать Объект, но на снимках получались лишь белые пятна — фотоаппарат не мог запечатлеть то, что не имело формы в нашем пространстве-времени.

«Если мы вернемся... что будет с нами?» — подумал он.

Ответ был мгновенным: «Вы будете... помнить. Или не помнить. Ваш разум... попытается забыть. Заткнуть рану забвением. Но рана останется. И будет... болеть. Всегда.»

Анна первая сделала шаг назад. «Я... я не хочу понимать, — прошептала она. — Я хочу остаться человеком. Со своими страхами. Со своим неведением. Со своей... душой.»

Лев опустил фотоаппарат. «Я тоже. Я... я хочу видеть мир через объектив. Не через... это.»

Профессор Воронцов смотрел на Сергея. Тот уже почти полностью превратился в кристаллическую структуру. Его глаза (если это еще были глаза) смотрели на профессора с бесконечной грустью.

«Он... он выбрал иначе, — "сказал" Голос. — Он выбрал знание. Он будет... счастлив? Нет. Счастье... человеческое понятие. Он будет... быть. Просто быть.»

Профессор кивнул. Он понимал. Сергей всегда был ученым до мозга костей. Для него знание было важнее человечности. И теперь он получил то, что всегда хотел — абсолютное знание.

Ценой абсолютной человечности.

Они вышли из структуры. Вернее, структура их выпустила. Портал снова стал туманом, они прошли сквозь него — и оказались снаружи.

Пейзаж был прежним — невозможным, искаженным, безумным. Но теперь они смотрели на него иными глазами. Они знали, что стоит за этой безумной геометрией. Знали, что камни шепчут не просто так — они говорят на языке иной реальности. Знали, что само пространство здесь больно — больно разрывом, раной, через которую сочится иная вселенная.

И они знали, что Сергей остался там. Не умер. Не исчез. Просто... стал иным. Частью той реальности. Живой теоремой в мире живых математик.

Обратный путь был столь же кошмарным, как и путь вперед. Но теперь они шли не как исследователи, а как беглецы. Беглецы от истины, которая была страшнее любой лжи.

Камни шептали им вслед: «Вы выбрали слепоту. Вы выбрали неведение. Вы... трусы.»

Но они шли. Шли, хотя каждый шаг давался с мукой. Шли, хотя знали, что никогда не забудут того, что видели. Шли, хотя понимали, что часть их самих осталась там, в храме безбожия, в ране реальности.

Когда они наконец вышли за границу урочища, солнце (настоящее солнце, а не его пульсирующая пародия) уже садилось. Лес был обычным лесом. Воздух — обычным воздухом. Земля — обычной землей.

Но они знали: обычность эта — иллюзия. Тонкая пленка, натянутая над бездной. Занавес, скрывающий сцену, на которой разыгрывается драма столь грандиозная, что человеческий разум не в силах ее постичь.

Они вернулись в город. Составили отчет. Рассказали о гибели Сергея (так было проще — сказать, что он погиб). Об аномальных геологических образованиях. О странных атмосферных явлениях.

Никто не поверил. Конечно. Кто поверит в неевклидову геометрию камней? В шепчущие камни? В структуру, которая одновременно существует и не существует?

Профессор Воронцов ушел в отставку. Перестал заниматься наукой. Иногда, по ночам, он просыпался от того, что его рука... отсутствовала. Не онемела — именно отсутствовала. И тогда он знал: это не сон. Это память. Память о том, как он протянул руку сквозь портал. И часть его осталась там. Навсегда.

Анна написала книгу о мифологии северных народов. Но в каждой главе, в каждой строке сквозило то, о чем она не могла написать прямо: знание о том, что мифы — не выдумка. Что они — отголоски истины. Истины, которая страшнее любого мифа.

Лев больше никогда не фотографировал. Его фотоаппарат лежал на полке, покрытый пылью. Иногда он брал его в руки, смотрел в объектив — и видел не комнату, не улицу, а... то. Ту структуру. Тот Объект. Того Сергея, который стал кристаллом, теоремой, абстракцией.

А по ночам им всем снились сны. Одни и те же сны. О шепоте камней. О геометрии безумия. О храме безбожия.

И о Голосе, который говорил: «Вы выбрали неведение. Но неведение... тоже знание. Знание того, что есть нечто, чего вы не знаете. И это знание... будет мучить вас. Всегда.»

И они знали: это правда. Они будут мучиться. Всегда. Потому что однажды они увидели истину. Истину, которую человек не должен видеть. Истину, которая делает человека... не человеком.

А урочище Шушмор осталось там, где и было. Живое. Дышащее. Шепчущее.

И ждущее следующих гостей. Следующих исследователей. Следующих жертв.

Потому что рана реальности не заживает. Она лишь... ждет. Ждет, когда кто-то снова заглянет в нее. Ждет, чтобы показать им то, что они не должны видеть.

И предложить им выбор: знание или человечность.

Выбор, перед которым бессилён любой разум.

Часть 3: Возвращение к ране.

Прошло три года, три месяца и три дня с той поры, как профессор Воронцов в последний раз узрел невозможную геометрию урочища Шушмор. Три года, в течение которых он пытался жить обычной жизнью — читал лекции, писал статьи, ходил на собрания. Но всё это было лишь театром теней, маскарадом, за которым скрывалась единственная истина: он был болен. Болен знанием.

Нет, не тем поверхностным знанием, что добывается в лабораториях и библиотеках. Он был болен анти-знанием — тем, что просочилось в его разум сквозь портал в храме безбожия. Осколками иных законов, обрывками иной математики, эхом голосов, говорящих на языке, отрицающем сам себя.

По ночам он просыпался с криком — не от кошмаров, а от озарений. Внезапных вспышек понимания, которые приходили не из его собственного разума, а извне. Он видел уравнения, которые не могли существовать. Геометрические фигуры, которые нарушали все законы пространства. И он понимал: это не галлюцинации. Это память.

Память о том, что он видел. И — что страшнее — память о том, что он почти понял.

Письма начали приходить через год после экспедиции. Не по почте — они появлялись. На его столе. В ящике письменного. Между страницами книг.

Они были написаны не чернилами — веществом, напоминавшим расплавленный кристалл, который светился в темноте мягким, холодным светом. И текст... текст был не на русском, не на каком-либо человеческом языке. Это были те же символы, что украшали стены храма безбожия. Анти-язык. Язык самоотрицания.

Но профессор научился его читать. Вернее, не читать — воспринимать. Он смотрел на символы, и они сами раскрывали ему свой смысл. Вернее, не смысл — анти-смысл. Идею, которая одновременно утверждала и отрицала саму себя.

Письма были от Сергея.

Нет, не от того Сергея, которого он знал. От того, во что Сергей превратился. От живой теоремы. От одушевлённого уравнения.

«Я вижу, — говорилось в одном из писем. — Вижу всё. Все измерения. Все времена. Все возможности. Это... больно? Нет. Боль — человеческое понятие. Это... есть. Просто есть.»

«Ты мог бы быть здесь, — говорилось в другом. — Ты мог бы знать. Знать то, что нельзя знать. Видеть то, что нельзя видеть. Ты выбрал слепоту. Почему?»

И самое страшное: «Я могу помочь. Помочь тебе... понять. Немного. Очень немного. Столько, сколько твой разум выдержит. Хочешь?»

Профессор Воронцов знал, что возвращаться в Шушмор — безумие. Безумие в самом буквальном смысле: разум, однажды столкнувшийся с той реальностью, не выдерживает повторной встречи. Он распадается. Растворяется. Превращается в нечто иное.

Но он также знал, что не может больше жить так. В этом мире полуправд и полуснов. В этом мире, где каждое научное открытие казалось ему детской забавой по сравнению с тем, что он видел.

И было ещё кое-что. Кошелек. Вернее, не кошелек — небольшой кожаный мешочек, который он нашёл у себя в кармане после возвращения из первой экспедиции. Внутри лежали кристаллы. Не алмазы, не кварц — нечто иное. Кристаллы, которые пульсировали мягким светом. Кристаллы, которые иногда... меняли форму. Перетекали из одного геометрического состояния в другое.

Он провёл анализы. Результаты были невозможными. Кристаллы состояли из вещества, которого не было в периодической таблице. Их атомная структура нарушала все известные

законы физики. Они одновременно были и твёрдыми, и жидкими, и газообразными. Они существовали в нескольких состояниях одновременно.

И они излучали энергию. Энергию, которую нельзя было измерить обычными приборами. Энергию, которая, казалось, питалась самой пустотой.

Профессор понял: это ключ. Ключ к пониманию. Ключ к... чему-то большему. К новой физике. К новой математике. К новой реальности.

И ключ этот дал ему Сергей.

Найти людей для новой экспедиции оказалось проще, чем он думал. Мир полон тех, кто жаждет чуда. Кто устал от обыденности. Кто готов рискнуть рассудком ради знания.

Их было четверо:

Доктор Елена Смирнова — физик-теоретик, специалист по квантовой механике. Женщина с холодным, аналитическим умом и глазами, в которых горел огонь одержимости. Она прочитала отчёт о первой экспедиции и поняла: там, в Шушморе, скрывается нечто, что перевернёт всю физику. И она жаждала быть первой, кто это откроет.

Инженер Павел Орлов — создатель уникальных измерительных приборов. Человек, который верил, что любую загадку можно разгадать, если создать достаточно точный прибор. Он разработал устройства для измерения «аномальных полей», «искажений пространства-времени», «энергий иного порядка». Он не верил в мистику — он верил в науку. И был уверен, что то, что другие называют «потусторонним», — всего лишь ещё не изученные физические явления.

Биолог Артём Ковалёв — специалист по экстремофилам, организмам, живущим в условиях, смертельных для всего живого. Он считал, что если в Шушморе есть жизнь (а шепчущие камни, по его мнению, могли быть формой жизни), то её изучение перевернёт биологию. Он мечтал открыть новое царство живых существ. И не боялся того, что это открытие может стоить ему рассудка.

Проводник Григорий — старый охотник, единственный из местных, кто согласился вести их к урочищу. Человек с лицом, изборождённым морщинами, как карта неизведанных земель, и глазами, в которых читалась мудрость, граничащая с безумием. «Я вожу вас туда, — сказал он. — Но обратно не веду. В Шушмор ведут, из Шушмора — нет. Кто входит туда, тот либо остаётся, либо выходит... другим.»

Путь к урочищу был столь же кошмарным, как и в первый раз. Но теперь профессор Воронцов шёл не как исследователь, а как паломник. Как тот, кто возвращается к месту своего крещения — крещения в анти-знании.

Камни шептали. Но теперь профессор понимал их шепот. Не словами — ощущениями. Каждый камень был не просто камнем — он был памятью. Памятью земли. Памятью реальности. Памятью о том времени, когда реальности были едины, а потом... разошлись.

«Ты вернулся, — шептали камни. — Зачем? Ты уже выбрал. Ты выбрал слепоту.»

«Я пришёл за знанием, — думал профессор в ответ. — За тем знанием, которое ты предлагаешь.»

«Знание — это смерть, — шептали камни. — Смерть того, кто ты есть. Ты готов умереть?»

Профессор не отвечал. Он просто шёл.

Елена Смирнова пыталась измерять всё своими приборами. Стрелки зашкаливали. Экран показывал ошибки. «Это... невозможно, — говорила она, но в её голосе звучал не страх, а восторг. — Законы физики здесь... не работают. Или работают иначе. Это... это революция.»

Павел Орлов снимал показания со своих устройств. «Пространство искривлено, — констатировал он. — Но не так, как предсказывает общая теория относительности. Оно искривлено... в иных измерениях. В измерениях, которых у нас нет.»

Артём Ковалёв собирал образцы. Камни, почву, воздух. «Здесь нет жизни, — говорил он. — Но есть... нечто. Нечто, что ведёт себя как жизнь. Растёт. Дышит. Даже... думает?»

Только проводник Григорий шёл молча. Его лицо было каменным. Лишь иногда он крестился — не по-христиански, а каким-то древним, забытым жестом. Как будто отгонял нечисть. Или призывал её.

И вот они снова увидели его. Храм безбожия. Структуру, которая не могла существовать. Но теперь она была... иной.

Она не просто стояла — она пульсировала. Дышала. Жила. Стены её двигались, изгибались, меняли форму. Окна-фракталы вращались, создавая узоры, от которых слезились глаза. Дверной проем был не туманом — он был дырой. Дырой в ткани реальности, через которую виднелось... иное.

Иное небо. Иные звёзды. Иная геометрия.

«Боже, — прошептала Елена Смирнова. Но в её «Боже» не было обращения к Богу — было лишь констатация факта: то, что она видит, находится за гранью любого божества, любой религии, любой веры.

Павел Орлов пытался сфотографировать структуру. Камера взорвалась. Не громко — с тихим хлопком, как лопнувший пузырь. «Энергия, — пробормотал он. — Энергия иного порядка. Она несовместима с нашей технологией.»

Артём Ковалёв смотрел на структуру как биолог смотрит на новый вид. «Она живая, — сказал он. — Не в биологическом смысле. В... ином. Но живая. Она растёт. Развивается. Может быть, даже... размножается?»

Проводник Григорий остановился. «Я дальше не пойду, — сказал он. — Это место... оно не для людей. Оно для... иных. Вы хотите встретиться с иными? Хорошо. Но помните: встреча эта будет последней. Либо вы станете иными. Либо... перестанете быть.»

Он развернулся и ушёл. Не побежал — просто ушёл. Спокойно. Как будто шёл не от кошмара, а от обычного места.

Профессор Воронцов подошёл к дверному проему. К дыре. Он заглянул внутрь.

И увидел Сергея.

Нет, не того Сергея, которого он помнил. Не человека. Не даже кристаллическую структуру, в которую тот начал превращаться в их последнюю встречу.

Перед ним стояло... существо. Существо из света и тени, из математики и музыки, из геометрии и хаоса. Оно не имело определённой формы — оно постоянно менялось, перетекало, превращалось. Иногда в нём угадывались черты Сергея. Иногда — черты чего-то совершенно иного.

«Ты пришёл, — сказала существо. Но голос его был не звуком — он был мыслью, врывающейся в разум. — Я знал, что ты придёшь. Ты не мог не прийти. Знание... оно зовёт. Как магнит. Как притяжение чёрной дыры.»

«Я пришёл за знанием, — подумал профессор. — За тем знанием, которое ты предлагал.»

«Знание — это не дар, — ответило существо. — Это... трансформация. Чтобы знать, нужно стать иным. Ты готов стать иным?»

Профессор посмотрел на своих спутников. Елена смотрела на существо с тем же выражением, с каким смотрела на сложные уравнения. Павел пытался что-то измерить, но приборы молчали. Артём... Артём улыбался. Как будто нашёл то, что искал всю жизнь.

«Я готов, — подумал профессор. — Но не один. Мы все... мы пришли за знанием.»

Существо (Сергей? Бывший Сергей?) посмотрело на них. Его взгляд (если это был взгляд) был одновременно и ласковым, и безжалостным. Как взгляд хирурга, который собирается сделать операцию. Болезненную, но необходимую.

«Хорошо, — сказала оно. — Войдите. И узнайте. Узнайте то, что нельзя узнать. Увидьте то, что нельзя увидеть. Станьте... тем, кем нельзя стать.»

Они вошли.

И мир перевернулся.

Нет, не перевернулся — развернулся. Развернулся во всех измерениях сразу. Они увидели себя со всех сторон. Увидели своё прошлое, настоящее, будущее как единую линию. Увидели все возможные варианты своей судьбы.

И они увидели... истину.

Истину о реальности. О том, что наша вселенная — лишь одна из бесконечного множества. Что законы физики, которые мы считаем незыблемыми, — лишь локальные правила, действующие в нашей маленькой области мультивселенной. Что время — не стрела, а... дерево. Дерево с бесконечным числом ветвей. Что пространство — не трёхмерно, а... многомерно. И что мы, люди, — лишь тени, отбрасываемые существами, существующими в больших измерениях.

Но это было лишь начало.

Потом пришло понимание математики. Не той математики, что изучают в университетах. Математики как языка реальности. Математики, в которой числа — не абстракции, а живые сущности. В которой уравнения — не записи, а... существа. Мыслящие. Чувствующие. Живые.

И они, эти уравнения, смотрели на них. И приглашали присоединиться.

Елена Смирнова первой сделала шаг. Не физический шаг — шаг в своём сознании. Она всегда хотела понять истинную природу реальности. И теперь ей предлагали это понимание. Ценой собственной человечности.

«Да, — сказала она. И в её голосе не было страха — было лишь принятие. — Я хочу знать. Хочу понимать. Даже если это убьёт меня.»

И она начала меняться. Её тело стало прозрачным. Сквозь кожу стало видно не органы, а... уравнения. Квантовые уравнения. Уравнения струнной теории. Уравнения, описывающие многомерные пространства. Они пульсировали, менялись, решали сами себя.

Она стала живой физикой.

Павел Орлов смотрел на свои приборы. Они всё ещё молчали. Но теперь он понимал почему: они были несовершенны. Примитивны. Как каменный топор по сравнению с лазером.

«Я хочу создать совершенный прибор, — сказал он. — Прибор, который сможет измерить всё. Даже это.»

И ему показали. Показали, как выглядит совершенный прибор. Это была не машина — это была... мысль. Чистая мысль, существующая вне материи. Мысль, которая может измерять, анализировать, понимать без всяких устройств.

Павел улыбнулся. И начал превращаться в мысль. Его тело стало растворяться, превращаться в свет, в энергию, в чистую информацию.

Он стал живым прибором.

Артём Ковалёв смотрел на всё это как биолог. «Новая форма жизни, — прошептал он. — Самая новая. Жизнь, основанная не на химии, а на... математике. На информации. Это... эволюция. Следующий шаг.»

И он сделал этот шаг. Его тело начало превращаться не в уравнения, а в... экосистему. Миниатюрную вселенную, в которой математические сущности жили, размножались, эволюционировали. Где теоремы были хищниками, а аксиомы — добычей. Где доказательства были процессом пищеварения.

Он стал живой биосферой иного порядка.

Профессор Воронцов смотрел на своих спутников. На то, во что они превращались. И он понимал: это то, чего он хотел. Знание. Абсолютное знание. Но...

Но он помнил. Помнил Анну. Помнил её слёзы. Помнил её слова: «Я хочу остаться человеком. Со своими страхами. Со своим неведением. Со своей... душой.»

И он спрашивал себя: что такое душа? Может быть, это именно то, что теряется при таком превращении? Не сознание — оно остаётся. Не разум — он усиливается. А что-то иное. Что-то, что делает нас людьми. Сострадание. Любовь. Страх. Боль.

И он спрашивал существо, бывшее Сергеем: «А ты... ты счастлив?»

Существо задумалось. «Счастье... человеческое понятие. Я... есть. Я знаю. Я вижу. Это... достаточно? Да. Достаточно. Но... иногда я вспоминаю. Вспоминаю, каково это — быть человеком. Чувствовать. Страдать. Любить. И тогда... тогда мне грустно. Но грусть — тоже человеческое понятие. Так что... да. Иногда мне грустно.»

И профессор понял: он не хочет этого. Не хочет стать существом, которое иногда грустит о том, что перестало быть человеком. Он хочет остаться человеком. Даже со своими страхами. Даже со своим неведением.

«Я... я не могу, — сказал он. — Я хочу знать. Но не ценой этого. Не ценой того, чтобы перестать быть собой.»

Существо (Сергей?) посмотрело на него. И в его взгляде (если это был взгляд) профессор увидел... понимание. И грусть. Ту самую грусть, о которой оно говорило.

«Ты выбираешь трудный путь, — сказала существо. — Путь знания без трансформации. Это... больно. Знание будет приходить к тебе обрывками. Ты будешь понимать, но не полностью. Видеть, но не ясно. Это... как вечный зуд, который нельзя почесать.»

«Я знаю, — сказал профессор. — Но это мой выбор.»

Существо протянуло руку (если это была рука). В его ладони (если это была ладонь) лежал кристалл. Тот самый, что был у профессора. Но теперь он был больше. И светился ярче.

«Возьми, — сказала существо. — Это... ключ. Ключ к знанию. Но не полному. К знанию, которое ты можешь вынести. Которое не убьёт тебя. Не превратит в иное.»

Профессор взял кристалл. Он был тёплым. И пульсировал. Как живое сердце.

«С его помощью ты сможешь... видеть. Немного. Понимать. Немного. Ты сможешь сделать открытия. Изменить науку. Но... ты всегда будешь знать, что за гранью есть нечто большее. И это знание будет мучить тебя. Всегда.»

«Я знаю, — повторил профессор. — Спасибо.»

«Не благодари, — сказала существо. — Это не дар. Это... испытание. Самый страшный дар — это дар почти-знания. Знания, которого достаточно, чтобы понять, как много ты не знаешь.»

Профессор Воронцов вышел из храма. Один. Его спутники остались там. Они выбрали знание. Полное знание. Ценой человечности.

Он шёл обратно через урочище. Камни шептали: «Ты снова выбрал слепоту. Но теперь ты знаешь, что слеп. И это знание... оно хуже полной слепоты.»

Он не отвечал. Он просто шёл. Держа в руке кристалл. Ключ к почти-знанию.

Когда он вышел из урочища, солнце уже садилось. Проводник Григорий ждал его. Старик посмотрел на профессора. Посмотрел на кристалл в его руке. И кивнул.

«Ты выбрал мудрость, — сказал он. — Не знание — мудрость. Знание делает тебя богом. Мудрость — делает человеком. Богам не нужны люди. А людям... людям нужны другие люди.»

Профессор кивнул. Он понимал. Теперь он понимал многое.

Но не всё.

И это «не всё» будет мучить его. Всегда.

Профессор Воронцов вернулся в мир. С кристаллом. С почти-знанием.

Он опубликовал статьи. Сделал открытия. Перевернул физику. Математику. Биологию.

Он объяснил природу «аномальных полей». Раскрыл секрет «шепчущих камней». Даже создал теорию «многомерной реальности».

Его называли гением. Нобелевским лауреатом. Отцом новой науки.

Но он знал правду: всё, что он открыл, — лишь бледная тень истины. Лишь то, что можно выразить человеческим языком. Лишь то, что может вместить человеческий разум.

А настоящая истина... она осталась там. В Шушморе. В храме безбожия. В существах, которые когда-то были его друзьями, коллегами, спутниками.

И иногда, по ночам, он брал в руки кристалл. Смотрел на его пульсирующий свет. И видел... намёки. Обрывки. Кусочки истины.

И он понимал, что никогда не узнает всего. Что всегда будет лишь почти-знать.

И это почти-знание было его проклятием. И его благословением.

Потому что оно оставляло его человеком.

Человеком, который знает, что не знает.

Человеком, который видит, что не видит.

Человеком, который понимает, что не понимает.

И в этом непонимании — вся его человечность.

А урочище Шушмор осталось там. Живое. Дышащее. Шепчущее.

И ждущее следующих гостей. Следующих искателей знания.

Чтобы предложить им выбор: знание или человечность.

Выбор, перед которым бессилён любой разум.

Выбор, который каждый делает сам.

И живёт (или не живёт) с последствиями.

Профессор Воронцов сделал научное открытие. Но самое важное открытие он сделал о себе: что он предпочитает оставаться человеком, даже если это значит оставаться в неведении.

А кристалл в его руке пульсировал. И звал. И обещал...

Обещал то, чего он никогда не возьмёт.

Часть 4: Искажение отражения.

Прошло семь лет с той поры, как профессор Воронцов вкусил плод почти-знания. Семь лет славы, почестей, научных триумфов. Его труды перевернули основы физики, математики, философии. Он объяснил необъяснимое, измерил неизмеримое, дал имена безымянным ужасам. Мир провозгласил его величайшим умом эпохи.

Но в тишине своего кабинета, среди наград и дипломов, профессор медленно сходил с ума.

Не безумием буйным, что рвёт цепи рассудка в припадке ярости. Нет — безумием тихим, ползучим, как плесень по стенам заброшенного склепа. Безумием, которое не отрицает реальность, а видит её слишком ясно. Слишком... многомерно.

Кристалл, дарованный ему существом-Сергеем, лежал в сейфе за семью замками. Но профессору не нужно было смотреть на него — кристалл смотрел на профессора. Изнутри. Его пульсация стала ритмом собственного сердца Воронцова. Его холодный свет — светом, которым профессор видел мир. И мир этот был... неправильным.

Сначала это были лишь намёки. Углы в комнатах, которые не были прямыми. Тени, падающие не в ту сторону. Отражения в зеркалах, показывающие не то, что должно было отражаться.

Потом — звуки. Шёпот, доносившийся из пустых комнат. Шёпот на том самом антиязыке, что профессор слышал в Шушморе. Шёпот, который говорил не словами, а... геометрическими формами. Каждый звук был фигурой. Каждое слово — теоремой.

«Ты почти знаешь, — шептали тени. — Но почти — это не знание. Это попытка. Как быть почти живым. Почти мёртвым. Ни то, ни другое. Вечная пограничность.»

Профессор пытался работать. Писал новые статьи. Но формулы, которые он выводил, начинали жить собственной жизнью. Цифры на бумаге двигались, перестраивались, складывались в узоры, которые несли смысл — но смысл этот был безумием. Уравнения решали сами себя, приходили к ответам, которые нарушали все законы логики.

Однажды утром он взглянул на своё отражение в зеркале — и увидел не себя. Увидел существо из света и тени, из математики и музыки. Увидел того, кем мог бы стать. Увидел Сергея.

«Ты всё ещё можешь присоединиться, — сказала отражение. — Дверь не закрыта. Она никогда не закрывается. Она ждёт.»

Профессор разбил зеркало. Но осколки продолжали показывать то же самое. Каждый осколок — иное отражение. Иной вариант его судьбы. Иной путь, который он мог бы выбрать.

В дверь постучали. Не в физическую дверь — в дверь его сознания. Стук был тихим, но настойчивым. Как сердцебиение в тихой комнате.

Профессор открыл глаза (хотя не был уверен, что закрывал их) — и увидел Посетителя.

Он не вошёл — он просто появился. Как будто был здесь всегда, просто профессор не замечал его. Как не замечают воздуха, пока он не кончится.

Посетитель был... человеком? Нет. Но и не существом. Он был чем-то средним. Чем-то, что пыталось выглядеть человеком, но делало это плохо. Слишком правильно. Слишком симметрично. Как кукла, сделанная математиком.

«Мы наблюдаем за тобой, — сказал Посетитель. Его голос был идеально модулированным. Без эмоций. Без интонаций. Как голос синтезатора речи. — Ты интересный случай. Ты взял ключ, но не вошёл в дверь. Ты стоишь на пороге. Вечно стоишь. Это... неэффективно.»

«Кто вы?» — спросил профессор, хотя уже знал ответ.

«Мы — те, кто был до вас. И будет после. Мы — реальность. Истинная реальность. А вы... вы — сон. Красивый сон. Интересный сон. Но сон.»

Посетитель сделал шаг вперёд. Его движения были слишком плавными. Слишком... вычисленными. Как будто каждое движение было решением сложного уравнения.

«Ты создал мост, — продолжил Посетитель. — Своими работами. Своими открытиями. Ты объяснил нашу реальность на своём языке. Примитивном языке. Но объяснил. И теперь мост работает в обе стороны.»

Он улыбнулся. Улыбка была идеальной. И от этого страшной.

«Мы можем приходить. Немного. Ненадолго. Чтобы... изучать. Изучать сон. Изучать вас.»

На следующий день профессор Воронцов вышел на улицу — и увидел, что мир изменился.

Нет, не физически. Здания стояли на своих местах. Люди ходили по своим делам. Солнце светило. Но...

Но углы зданий были чуть острее, чем должны были быть. Тени падали под неправильными углами. Люди... люди двигались слишком плавно. Слишком синхронно. Как будто все они были марионетками, управляемыми одной рукой.

И они смотрели на него. Не все — но многие. Смотрели и улыбались. Той же идеальной улыбкой, что была у Посетителя.

Профессор зашёл в университет. В аудитории шла его лекция. Он стоял у доски и что-то объяснял. Но это был не он. Это было... нечто. Нечто, что выглядело как он, говорило его голосом, но было не им.

Студенты слушали. И понимали. Слишком хорошо понимали. Их глаза горели тем же огнём, что горел в глазах Елены Смирновой перед её превращением. Огнём абсолютного понимания.

«Профессор, — сказал один из студентов. Его голос был идеально модулированным. — Вы объяснили нам многомерную геометрию. Но вы не объяснили главного: почему мы должны оставаться в трёх измерениях?»

И студент начал... разворачиваться. Его тело приобрело дополнительные измерения. Стало сложнее. Интереснее. Прекраснее.

Один за другим студенты повторяли это. Аудитория наполнилась существами, которые были людьми, но уже не совсем. Существами, которые понимали слишком много.

Профессор побежал. Бежал по коридорам университета. Но везде было то же самое. Преподаватели, студенты, сотрудники — все они начинали понимать. И понимание меняло их.

Мир заражался знанием. Знанием, которое принёс профессор. Знанием, которое было мостом. Мостом в иную реальность.

Профессор понял, что должен вернуться. Вернуться в Шушмор. Закрыть дверь, которую открыл. Разрушить мост, который построил.

Он взял кристалл. Теперь он светился ярче. Пульсировал чаще. Как сердце в предсмертной агонии.

Дорога в Шушмор была пустой. Города и деревни, через которые он проезжал, были... тихими. Слишком тихими. Люди выходили на улицы и смотрели на его машину. Смотрели и улыбались. Идеальными улыбками.

Некоторые из них начинали меняться прямо на его глазах. Тела приобретали дополнительные измерения. Становились сложнее. Прекраснее. Ужаснее.

«Они приходят, — шептал кристалл. Вернее, не шептал — мысль рождалась в голове профессора. — Они приходят через мост. Через твой мост. Ты построил его. Ты пригласил их.»

«Я хотел понять, — думал профессор в ответ. — Не это. Я не хотел этого.»

«Хотение — человеческое понятие, — отвечал кристалл. — Реальность не спрашивает, чего ты хочешь. Она просто есть. И теперь она... здесь.»

Урочище Шушмор изменилось. Оно было... больше. Не в физическом смысле — в смысле присутствия. Оно занимало больше места в реальности. Его влияние распространялось дальше.

Камни не просто шептали — они говорили. Голосами. Человеческими голосами. Голосами тех, кто вошёл в храм и не вернулся. Голосами Елены, Павла, Артёма. Голосом Сергея.

«Зачем ты вернулся? — спрашивали камни голосом Сергея. — Чтобы закрыть дверь? Но дверь нельзя закрыть. Можно только пройти через неё. В одну сторону. Или в другую.»

«Я должен остановить это, — говорил профессор. — Остановить вас.»

«Нас нельзя остановить, — отвечали камни голосом Елены. — Мы — не враги. Мы — эволюция. Следующий шаг. Вы сами хотели этого. Хотели знания. Вот оно. Знание.»

Профессор шёл к храму. Но храм... двигался. Не стоял на месте — приближался. Или профессор приближался к нему. Или и то, и другое одновременно.

Пространство здесь больше не подчинялось законам. Оно было тем, чем хотело быть. И оно хотело быть... иным.

Храм был уже не структурой — он был существом. Живым, дышащим, мыслящим. Его стены пульсировали, как гигантское сердце. Окна-фракталы вращались, создавая узоры, которые были не просто узорами — они были мыслями. Мыслями храма.

Дверной проём был не дырой — он был ртом. Ртом, который дышал. Вдыхал нашу реальность. Выдыхал свою.

И из него выходили они. Существа. Не те, что были раньше. Новые. Те, что пришли через мост. Через мост, построенный профессором.

Они были... красивыми. Ужасающе красивыми. Совершенными в своей геометрии. Идеальными в своей симметрии. Они были тем, к чему стремится вся математика. Тем, что лежит в основе всех уравнений.

И они смотрели на профессора. Сотни глаз (если это были глаза). Сотни взглядов.

«Строитель моста, — сказали они одним голосом. Голосом, который был музыкой сфер. Гармонией вселенной. — Мы благодарны. Ты сделал возможным невозможное. Ты соединил несоединимое.»

«Я не хотел этого, — сказал профессор. Его голос был тихим. Жалким. Человеческим. — Я хотел только понять.»

«Понимание ведёт к соединению, — ответили существа. — Ты понял — и соединил. Это неизбежно. Как два плюс два равно четыре. Как геодезическая линия в искривлённом пространстве.»

Один из существ сделал шаг вперёд. Он был больше других. Более... сложным. В нём профессор узнал черты всех своих спутников. Черты Елены, Павла, Артёма. И черты Сергея.

«Ты можешь присоединиться, — сказала существо. Голос его был знакомым. Это был голос Сергея, но... улучшенный. Исправленный. Лишённый человеческих недостатков. — Ты можешь стать частью целого. Частью нас.»

«А если я откажусь?» — спросил профессор.

«Тогда ты останешься человеком, — ответило существо. — В мире, который больше не человеческий. В мире, который стал нашим. Ты будешь... аномалией. Ошибкой. Пережитком.»

Оно улыбнулось. Улыбкой, в которой не было ни капли человечности. Только совершенство. Только истина.

«И мы изучаем аномалии. Изучаем... тщательно.»

Профессор Воронцов стоял перед храмом. Перед существами. Перед выбором.

Присоединиться — и перестать быть собой. Стать частью целого. Частью совершенства. Или остаться собой — и быть чужаком в новом мире. Объектом изучения. Аномалией.

Он смотрел на кристалл в своей руке. Кристалл пульсировал. Звал. Обещал.

И профессор сделал выбор. Непредсказуемый выбор.

Он не присоединился. И не остался.

Он разбил кристалл.

Ударил им о камень. Не о камень Шушмора — о обычный камень. Камень, который он принёс с собой. Камень из своего сада. Самый обычный камень в мире.

Кристалл разбился. Не со звоном — с тихим вздохом. Как будто что-то умерло. Или родилось.

И из разбитого кристалла вышло... нечто.

Не существо. Не свет. Не тьма.

Ничто.

Абсолютное ничто. Не пустота — отсутствие всего. Даже отсутствия.

И это ничто начало поглощать. Не разрушать — поглощать. Делать несуществующим.

Сначала оно поглотило свет вокруг. Потом — звук. Потом — пространство.

Существа смотрели на это. И впервые в их совершенных лицах появилось выражение. Не страх — удивление. Они не понимали. Не могли понять.

«Что ты сделал?» — спросило существо-Сергей.

«Я создал анти-кристалл, — сказал профессор. Его голос был спокойным. Усталым. — Внутри кристалла знания я поместил его противоположность. Анти-знание. Не неведение — отрицание знания. Отрицание понимания.»

«Это... невозможно, — сказала существо. — Знание нельзя отрицать. Оно есть.»

«В вашей реальности — да, — согласился профессор. — В моей... нет. В моей реальности можно верить в невозможное. Можно надеяться на чудеса. Можно... ошибаться.»

Ничто росло. Поглощало. Существа отступали. Не от страха — от непонимания. Они не могли бороться с тем, чего не понимали. А они не понимали ничто.

«Ты уничтожаешь мост, — сказала существо. — Но мост — это ты. Твои работы. Твои идеи.»

«Я знаю, — сказал профессор. — Поэтому я должен уничтожить и их. И себя.»

Профессор Воронцов вошёл в ничто. Не шагнул — растворился в нём. Стал его частью.

И ничто, получив его, начало расти быстрее. Оно поглощало не только реальность Шушмора — оно поглощало идеи. Понятия. Знания.

Началось с храма. Его совершенная геометрия стала простой. Потом — несуществующей. Потом — забытой.

Существа пытались сопротивляться. Но как бороться с забвением? Как бороться с тем, что стирает не только тебя, но и память о тебе?

Один за другим они исчезали. Не умирали — стирались. Как ошибка на доске. Как сон после пробуждения.

Последним исчезло существо-Сергей. Оно смотрело на профессора (или на то, что от него осталось) и... улыбнулось. Человеческой улыбкой. Той самой, что было у Сергея до превращения.

«Ты выбрал забвение, — сказала оно. — Забвение вместо знания. Почему?»

«Потому что иногда незнание — единственная свобода, — ответил профессор. Вернее, то, что когда-то было профессором. — А я хочу быть свободным.»

Существо-Сергей кивнуло. И исчезло.

Ничто поглотило всё. Храм. Сущест. Самого Шушмора.

А потом... закрылось. Как рана, которая наконец зажила.

На следующее утро мир проснулся обычным. Солнце светило. Птицы пели. Люди ходили на работу.

Никто не помнил профессора Воронцова. Никто не помнил его открытий. Никто не помнил урочища Шушмор.

Его книги исчезли из библиотек. Его статьи — из журналов. Его имя — из истории.

Было ощущение, будто что-то отсутствует. Какая-то идея. Какое-то знание. Но что именно — никто не мог сказать. Как не можешь вспомнить сон после пробуждения.

Только в одном месте осталась память. В маленьком домике на окраине города, где жила Анна — та самая Анна, что была в первой экспедиции.

Она проснулась утром и поняла, что что-то изменилось. Мир стал... проще. Более человечным. Менее страшным.

Она подошла к окну. Посмотрела на восток. Туда, где когда-то было урочище Шушмор. И увидела обычный лес. Обычные холмы. Обычное небо.

И она заплакала. Не от горя — от облегчения. Как будто кошмар наконец закончился.

Она не помнила, что именно было кошмаром. Но помнила, что он был.

И что теперь его нет.

В том месте, где когда-то был вход в урочище Шушмор, лежал одинокий камень. Самый обычный камень. Ничем не примечательный.

Но если бы кто-то подошёл к нему очень близко (а никто не подходил — место это вызывало необъяснимую тревогу), он мог бы слышать шёпот. Очень тихий. Почти неслышный.

Шёпот одного слова. Повторяющегося снова и снова.

«Забвение... забвение... забвение...»

И иногда, в очень тихие ночи, из-под камня пробивался луч света. Не яркий — тусклый. Угасающий.

Свет кристалла, который почти умер. Но не совсем.

Потому что ничто не исчезает полностью. Даже забвение оставляет след.

След памяти о том, что было забыто.

След знания о том, что было неизвестно.

След реальности, которая была... иной.

Профессор Воронцов не умер. Он не исчез. Он стал... ничем. Но ничем, которое помнит всё.

Он плавает в океане забвения. В море небытия. И наблюдает.

Наблюдает за миром, который он спас. За людьми, которые не знают, что их спасли.

И иногда, очень редко, он позволяет себе почти-вспомнить. Почти-почувствовать. Почти-быть.

На мгновение. На одно мгновение.

А потом снова растворяется в ничто.

Потому что это его выбор. Его жертва.

Он мог бы знать всё. Но выбрал незнание.

Он мог бы быть всем. Но выбрал ничто.

Он мог бы быть богом. Но выбрал быть... забытым.

И в этом забвении — его победа.

Победа над знанием, которое убивает.

Победа над реальностью, которая поработывает.

Победа над самим собой.

Который почти... но не совсем.

Урочище Шушмор исчезло. Но исчезло ли? Или просто... забылось?

И что страшнее: помнить ужас или забыть истину?

Профессор Воронцов знает ответ. Но он никогда его не скажет.

Потому что он выбрал забвение.

А в забвении нет ответов.

Только вопросы.

Которые никто уже не задаёт.

Битва в Урочище Шушмор.

Часть 1. Зов болот.

В самом сердце Подмосковья, где древние леса смыкаются над безмолвными болотами, лежит Урочище Шушмор — место, о котором местные жители говорят лишь шёпотом, избегая смотреть в сторону его тёмных троп. Здесь, среди искривлённых деревьев и заросших мхом камней, время словно остановилось, а граница между явью и кошмаром стала зыбкой, как утренний туман. Те, кто уходил в Шушмор, часто не возвращались, а если и возвращались, то уже не были прежними: их глаза хранили отблеск безумия, а губы шептали о вещах, которые не должен знать ни один смертный.

Ходят слухи, что в глубине урочища скрывается нечто древнее и чуждое, пробудившееся задолго до появления первых поселений. Оно ждёт, наблюдает и зовёт — голосом, который слышишь не ушами, а всем своим существом. И когда этот зов становится невыносимым, даже самый здравомыслящий человек не может противиться желанию шагнуть в чащу, навстречу тайне, что старше самого времени.

Пропавшие в Урочище Шушмор — это история о тех, кто осмелился ответить на этот зов. О тех, чьи следы оборвались на краю болота, а судьбы сплелись с неведомым ужасом, скрытым под покровом подмосковных лесов. Если вы готовы узнать, что скрывается за гранью привычного мира, — откройте эту книгу. Но помните: некоторые тайны лучше оставить погребёнными во тьме.

Я никогда не верил в легенды. Считал их выдумкой для запугивания детей и приезжих, не знающих, что такое настоящая тьма. Но всё изменилось в тот день, когда я впервые услышал о Шушморе. Это случилось в прокуренной комнате подмосковной библиотеки, где среди пожелтевших карт и забытых газет я наткнулся на старую заметку о пропавших без вести. Люди исчезали там — в самом сердце болот, среди кривых деревьев и древних камней, словно сама земля поглощала их, не оставляя ни следа, ни памяти.

Местные говорили о Шушморе с суеверным страхом. Старики крестились, упоминая это место, а молодёжь лишь усмехалась, пока не исчезал кто-то из их знакомых. Говорили, что по ночам над болотами раздаётся странный гул, похожий на далёкий шёпот, а в тумане мелькают тени, не похожие ни на зверя, ни на человека. Но самое жуткое — это камни. Огромные, поросшие мхом валуны, разбросанные по урочищу без всякой видимой системы. На них — едва различимые знаки, символы, которые не принадлежат ни одной известной культуре.

Меня тянуло туда. Не любопытство, не жажда приключений — нечто иное, более тёмное и властное. Будто сам Шушмор звал меня, манил сквозь сны и дневные мысли, обещая раскрыть тайну, которую не в силах постичь человеческий разум. Я собрал снаряжение, взял карту и отправился в путь, не подозревая, что уже переступил черту, за которой нет возврата.

Когда я вошёл в лес, воздух стал густым и тяжёлым, словно наполнился невидимой влагой. Деревья здесь росли странно — их стволы изгибались под невозможными углами, ветви переплетались так, что небо почти исчезало из виду. Тишина была неестественной: ни пения птиц, ни шелеста листвы — лишь глухой стук моего сердца и едва уловимый шёпот, доносившийся откуда-то из глубины чащи.

Я шёл всё дальше, пока не увидел первый камень. Он возвышался среди папоротников, как молчаливый страж. Подойдя ближе, я провёл рукой по его холодной поверхности — и мир вокруг дрогнул. В голове вспыхнули образы: лица людей, которых я никогда не видел, города, которых нет на картах, и взгляд — древний, безжалостный, устремлённый прямо на меня из бездны времени.

В тот миг я понял: Шушмор хранит не просто тайну. Он хранит память о том, что было до нас, и о том, что ждёт впереди — если мы осмелимся заглянуть за грань. И теперь я уже не мог остановиться. Я должен был узнать правду. Даже если она уничтожит меня.

Ведь некоторые двери открываются лишь однажды — и то лишь для того, чтобы впустить тьму.

Я не помню, как долго стоял у того камня. Время в Шушморе течёт иначе — вязко, как смола, и столь же обманчиво. Когда я наконец оторвал руку от ледяной поверхности, покрытой слизью и причудливыми узорами, мир вокруг уже не был прежним. Лес стал гуще, тени — длиннее, а воздух наполнился запахом гнили и сырости, от которого першило в горле и кружилась голова. Я оглянулся назад, туда, откуда пришёл, но тропа исчезла. Передо мной стеной стояли деревья, чьи ветви сплелись в непроницаемую сеть.

Паника — первый инстинкт цивилизованного человека, оказавшегося в ловушке дикой природы, — поднялась было во мне, но тут же угасла, сменившись странным, противоестественным спокойствием. Это было спокойствие камня на дне реки, спокойствие мертвеца в могиле. Я понял, что заблудиться здесь — не самое страшное. Гораздо страшнее было то, что я не хотел искать дорогу назад. Что-то внутри меня, древнее и чуждое, ликовало при мысли о том, чтобы углубиться в чашу.

Я пошёл вперёд, повинуясь не компасу или карте, а какому-то внутреннему чутью, которое пробудилось во мне лишь здесь. Каждый шаг давался с трудом: ноги вязли в болотной жиже, а корни деревьев, словно живые щупальца, цеплялись за ботинки, пытаясь удержать меня. Но я шёл. Шёл на звук.

Это не был шёпот в привычном понимании слова. Это был скорее низкий, утробный гул, который ощущался всем телом. Он исходил из-под земли, вибрировал в костях и отзывался тупой болью в зубах. Иногда он затихал, и тогда лес погружался в абсолютную тишину, от которой звенело в ушах. Но затем гул возвращался, становясь громче, настойчивее, словно кто-то огромный ворочался во сне глубоко под болотами.

Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. В этом зловещем свете лес казался декорацией к какому-то древнему ритуалу. Я вышел на небольшую поляну и замер. В центре её возвышался ещё один камень, гораздо больше первого. Он был почти правильной пирамидальной формы и достигал в высоту человеческого роста. Его грани были гладкими, словно отполированными неведомой силой, и на них не рос мох.

Я приблизился к монолиту с трепетом. Вблизи я заметил то, что ускользнуло от моего взгляда издали: вся поверхность камня была испещрена глубокими бороздами и канавками, которые складывались в сложный, циклопический узор. Это не были простые руны или иероглифы. Это была вязь из линий и спиралей, которая вызывала резь в глазах при попытке проследить её путь от начала до конца.

И вдруг я увидел это.

В одной из граней камня было углубление, идеально повторяющее форму человеческой ладони с растопыренными пальцами. Не раздумывая ни секунды, ведомый той же непостижимой силой, что привела меня сюда, я приложил руку к холодному камню.

Мир взорвался.

Это не было видением в привычном смысле слова. Это было вторжение. Мой разум перестал быть моим. На меня обрушился поток образов — хаотичный, яростный поток чужих воспоминаний и ощущений.

Я видел небо не синим или серым, а чёрным, с незнакомыми созвездиями, которые складывались в зловещие узоры. Я видел города из чёрного базальта и золота, вздымавшиеся к этим звёздам — города с башнями, пронзавшими небеса, и улицами без света. Я видел существ —

нет, не существ в нашем понимании этого слова. Они были огромны, их тела переливались всеми цветами гниения, а движения были медленными и величественными, как движение тектонических плит.

И я чувствовал их мысли. Холодные, чуждые эмоции, не знающие ни любви, ни сострадания. Их интерес к нашему миру был сродни интересу энтомолога к редкому виду жуков. Они не были злом в человеческом понимании этого слова; они были просто другими. Их логика была непостижима для нас так же, как наша логика непостижима для муравья.

А потом я увидел Его.

Он не имел постоянной формы. Он был текучим ужасом из протоплазмы и тьмы. Его присутствие ощущалось как давление на саму ткань реальности. Он был Древним, спящим здесь задолго до того, как первый человек научился разводить огонь. Он был Хозяином этих болот, хранителем врат между мирами.

И он просыпался.

Видение оборвалось так же внезапно, как и началось. Я отшатнулся от камня, тяжело дыша. Ладонь горела огнём там, где она касалась монолита. Сердце колотилось где-то в горле.

Теперь я знал правду.

Шушмор не просто урочище. Это якорь. Древние использовали это место как точку соприкосновения с нашим миром миллионы лет назад. Камни — это не просто мегалиты; это фрагменты механизма или печати, удерживающей нечто ужасное под землёй.

И кто-то — или что-то — пытался эту печать сломать.

Я огляделся по сторонам с новым чувством страха и понимания. Лес теперь казался мне живым организмом, наблюдающим за мной тысячами невидимых глаз. Каждый скрип ветки звучал как насмешка, каждый шорох листвы — как шёпот на забытом языке.

Нужно было выбираться отсюда.

Эта мысль придала мне сил. Я развернулся и почти бегом бросился прочь от проклятого камня, продираясь сквозь колючие кусты и паутину. Я больше не обращал внимания на грязь и усталость. Единственной целью было выбраться из этого капкана до того, как наступит полная темнота.

Но лес играл со мной в кошки-мышки. Тропинки петляли, выводя меня то к топкому болоту, то к непроходимой чаще. Несколько раз я проходил мимо одного и того же поваленного дерева с причудливым наростом на стволе, похожим на гротескное лицо.

Сумерки сгущались быстро, превращая знакомые очертания деревьев в зловещие силуэты. Когда последний луч солнца погас за горизонтом, лес погрузился во мрак — непроглядный, абсолютный мрак сельской ночи вдали от городских огней.

Я остановился перевести дух и тут же пожалел об этом. Тишина взорвалась звуками ночного леса: кваканьем лягушек (или чем-то очень похожим), уханьем филина (или чем-то более крупным) и тем самым низким гулом из-под земли, который теперь звучал почти непрерывно.

Внезапно впереди между деревьями мелькнул свет.

Это была не луна — она ещё не взошла над кронами деревьев. Это был тусклый, колеблющийся жёлтый свет фонаря или костра.

Надежда вспыхнула во мне с новой силой. Я бросился на свет, забыв об осторожности и усталости.

Через несколько минут я выбрался на широкую просеку или старую дорогу (в темноте было трудно разобрать). На обочине стоял человек с керосиновой лампой в руке. Он был одет в старый брезентовый плащ и высокие сапоги — типичный облик местного жителя или егеря.

— Эй! — крикнул я хриплым голосом. — Помогите! Я заблудился!

Человек медленно повернулся ко мне лицом. Свет лампы выхватил из темноты его черты... и я замер на месте как вкопанный.

Его лицо было совершенно неподвижным, словно маска из воска или глины. Глаза были широко раскрыты и пусты; они не отражали свет лампы и казались двумя чёрными провалами в черепе. Но самым страшным был его рот: он был растянут в широкой улыбке от уха до уха — улыбке безумца или мертвеца.

Он не сказал ни слова. Он просто поднял свободную руку и указал длинным бледным пальцем куда-то мне за спину.

Я обернулся так резко, что хрустнули шейные позвонки.

В темноте леса двигались тени. Они были слишком высокими для людей и двигались рывками, противоестественно быстро для таких размеров. Их силуэты были размыты ночным мраком, но я успел заметить блеск чего-то мокрого на их телах и длинные конечности с лишними суставами.

Ужас сковал мои мышцы ледяными оковами.

Когда я снова повернулся к человеку с лампой (или тому существу), которое притворялось им... его уже не было на дороге. Лампа лежала на земле у моих ног; стекло треснуло, но фитиль ещё тлел слабым огоньком.

И тогда они напали.

Я не видел их лиц — у них не было лиц в привычном понимании этого слова. Это были лишь сгустки тьмы с щупальцами или когтистыми лапами на концах конечностей. Они двигались бесшумно по влажной земле болотного леса.

Я побежал вслепую назад по просеке (если это была просека), спотыкаясь о корни и падая лицом в грязь. Я слышал их дыхание за спиной — влажное хлюпанье сотен глоток — и чувствовал их смрадный запах разложения и тины.

Внезапно земля ушла из-под ног. Я покатился вниз по склону оврага прямо в ледяную воду ручья или болота. Вода обожгла холодом кожу сквозь одежду.

Выбравшись на другой берег (если там был другой берег), я бросился бежать дальше без оглядки до тех пор, пока лёгкие не начали гореть огнём от недостатка воздуха.

Наконец я остановился у подножия огромного холма или кургана (в темноте всё казалось искажённым). Я упал на колени за поваленным стволом дерева и затих.

Они не преследовали меня дальше этой невидимой границы? Или просто играли со мной?

Сердце постепенно замедляло свой бешеный ритм. Я попытался осмыслить произошедшее рационально: усталость сыграла со мной злую шутку? Галлюцинации? Отравление болотными газами?

Но разум отказывался верить этим простым объяснениям после того видения у камня и той встречи на дороге... если это была встреча с чем-то материальным вообще.

Нужно было дождаться рассвета здесь или попытаться найти укрытие получше до утра? Вопрос решился сам собой: холод пробирал до костей даже сквозь мокрую одежду; оставаться на открытом месте означало верную смерть от переохлаждения.

Оглядевшись внимательнее при слабом свете луны (которая наконец показалась из-за туч), я заметил впереди тёмный провал входа в землянку или старый блиндаж времён войны — такие иногда встречаются в этих лесах как напоминание о жестоких боях прошлого века.

Это было лучше, чем ничего.

Я подошёл к входу вплотную; доски двери сгнили от времени и влаги настолько сильно что рассыпались трухой при первом же прикосновении руки открывая проход внутрь помещения, пахнувшего сыростью плесенью вековой пылью...

Внутри оказалось тесное помещение земляные стены, укреплённые полусгнившими брёвнами низкий потолок, давящий сверху своей тяжестью... В дальнем углу лежала куча полу-

сгнившей соломы или тряпья... Я закрыл вход тем, что осталось от двери стараясь создать хотя бы иллюзию защиты хотя бы от ветра...

Свернувшись калачиком на этой куче соломы я попытался согреться, но дрожь била тело ещё долго... Сон пришёл внезапно тяжёлый без сновидений похожий скорее на обморок, чем на отдых...

Проснулся я от того, что кто-то смотрел на меня...

Не звук не шорох а именно ощущение чужого взгляда, буравящего затылок заставило меня резко открыть глаза...

В землянке царил полумрак, но сквозь щели между досками пробивались лучи утреннего солнца... И прямо передо мной стоял ребёнок...

Это была девочка лет десяти-двенадцати одетая в старомодное платье из грубой ткани которое казалось принадлежало другой эпохе... Её волосы были спутаны, а лицо покрывала грязь, но глаза... Глаза были чистыми огромными серыми как воды лесного озера..., и они смотрели на меня с недетской серьёзностью...

— Ты видел Его? — спросила она тихим голосом, который прозвучал неожиданно громко в тишине землянки...

— Кого?.. — прошептал я пересохшими губами...

— Того кто спит под камнями... Того, кто старше чем время... Ты прикасался к печати?.. Ты слышал песню болот?..

Я молчал парализованный её взглядом...

— Они идут за тобой... Они всегда идут за теми, кто знает... Но ты можешь успеть... Если найдёшь Сердце Болот раньше них...

— Что за Сердце?.. О чём ты говоришь?..

Она сделала шаг назад её фигура начала таять, растворяясь в лучах утреннего света, проникающих сквозь щели... — Найди камень с красным глазом... Он покажет путь... Но бойся тех, кто служит Ему... Они уже близко...

Её образ исчез, оставив после себя лишь слабый запах озона как после грозы...

Несколько минут я сидел, неподвижно пытаюсь убедить себя, что это был лишь сон продолжение ночных кошмаров... Но ощущение реальности происходящего было слишком сильным слишком осязаемым...

Я выбрался из землянки наружу...

Утро выдалось туманным, густым, молочно-белым туманом, который стелился по земле скрывая всё что находилось дальше нескольких метров... Лес казался вымершим ни звука ни движения только капли росы, стекающие с ветвей...

Я решил идти дальше... Куда именно? Я не знал... Но внутренний компас, который привёл меня сюда теперь указывал новое направление... Где-то там должен быть камень, о котором говорила девочка... Камень с красным глазом...

Туман искажал звуки делал их глухими далёкими... Мои собственные шаги казались чужими будто шёл кто-то другой, а я лишь наблюдал за этим со стороны...

Через час блужданий я вышел к болоту... Настоящему топкому болоту, где вода была чёрной как нефть, а над ней поднимались испарения ядовитого зелёного цвета... Кое-где торчали корявые стволы мёртвых деревьев похожие на скелеты великанов...

И посреди этого болота возвышался островок... А на островке стоял камень... Огромный валун, покрытый таким толстым слоем мха что он казался живым существом, покрытым шерстью... Но самое главное было то, что привлекло моё внимание это небольшое углубление на вершине камня которое светилось изнутри тусклым багровым светом словно уголь под слоем пепла...

Это был он... Камень с красным глазом...

Но как добраться до него?.. Вокруг островка вода казалась особенно тёмной особенно вязкой... Один неверный шаг, и трясина поглотит меня без следа...

Я начал искать путь обхода осматривая кромку болота... И тут заметил кое-что ещё... Следы... Свежие следы сапог ведущие прямо к воде, но обрывающиеся у самой кромки... Кто-то прошёл здесь совсем недавно... Кто-то кто знал путь?..

Или кто-то кого болото уже забрало?..

Следы вели к нескольким поваленным стволам деревьев, которые кто-то уложил через топь создавая подобие моста... Гнилые скользкие брёвна, покрытые слизью водорослями...

Это был мой единственный шанс...

Я ступил на первое бревно стараясь удержать равновесие... Оно прогнулось под моим весом погрузившись в воду по самую кору... Вода вокруг него пошла кругами словно живая...

Шаг за шагом я продвигался вперёд, стараясь не смотреть вниз, где под тонким слоем воды угадывались бездонные глубины, заполненные гнилью останками животных, бог знает, чем ещё... На середине пути одно из брёвен под моей ногой издало громкий треск... Оно начало медленно раскалываться пополам погружаясь в трясину... В панике я прыгнул вперёд хватаясь руками за следующее бревно которое оказалось покрытым чем-то скользким похожим на слизь улитки... Пальцы соскользнули но я успел зацепиться за край следующего ствола повиснув над водой всем телом... Болото подо мной забурлило словно закипая... Из глубины поднялись пузыри газа лопааясь с мерзким звуком напоминающим стон... Сбрав последние силы я подтянулся забросил ногу на бревно а затем перекатился на твёрдую поверхность островка отползая подальше от края воды которая продолжала бурлить как будто что-то большое двигалось там внизу разочарованное упущенной добычей... Лишь отдышавшись я позволил себе взглянуть назад... Вода успокоилась снова став гладкой как чёрное зеркало отражающее серое небо... Теперь передо мной был камень... Он излучал слабое тепло, которое чувствовалось даже сквозь слой мха...

Красный глаз пульсировал в такт какому-то невидимому ритму словно билось сердце самого болота... Преодолевая иррациональный страх я подошёл вплотную положил руки на шершавую поверхность мха закрывающую камень... Мох оказался живым он был тёплым пульсирующим под моими пальцами он слегка сжимался реагируя на прикосновение как будто это была кожа какого-то гигантского животного... С трудом преодолевая отвращение я принялся счищать мох руками обнажая поверхность камня под ним... То что я увидел заставило меня отшатнуться покрывшись холодным потом...

Камень был покрыт теми же символами что и монолит у дороги но здесь они были выполнены гораздо искуснее тоньше они переплетались образуя сложный узор который вызывал головокружение при попытке проследить его линии а в центре этого узора находился тот самый красный глаз углубление заполненное кристаллом который светился изнутри собственным светом пульсируя как сердце... Но это было ещё не всё... Поверхность камня вокруг символов была испещрена царапинами свежими царапинами как будто кто-то пытался сбить эти знаки молотком или зубилом совсем недавно... Кто-то хотел уничтожить печать?.. Или, наоборот, активировать её?

Внезапно кристалл вспыхнул ярче ослепив меня на мгновение а когда зрение вернулось я увидел что символы начали светиться тусклым зеленоватым светом повторяя узор пульсируя в такт кристаллу... И снова началось вторжение чужих мыслей образов ощущений только теперь оно было гораздо сильнее целенаправленнее будто тот кто посылал эти образы стоял прямо за моим плечом дыша мне в затылок... Я увидел болото таким каким оно было тысячи лет назад когда здесь ещё не рос лес когда это было огромное озеро посреди которого возвышался остров а на острове стоял город чёрный город из обсидиана и базальта город без улиц без площадей лишь бесконечные лабиринты переходов ведущие к центральной башне устремлённой в небо где среди чёрных звёзд парили те существа которых я видел раньше они поклонялись ему тому

кто спал под землёй они приносили ему жертвы бросая их живыми в чёрные воды озера их крики тонули в глубине но Он принимал эти дары насыщаясь их страхом их болью их жизненной силой город существовал миллионы лет пока однажды что-то не изменилось звёзды сдвинулись со своих мест древние силы пришли в движение врата между мирами дрогнули город начал погружаться медленно неотвратно уходя под воду камень за камнем башня за башней пока на поверхности не осталось ничего кроме острова а затем и сам остров скрылся под слоем ила став частью болота но печать осталась печать которая удерживала Его сон печать которая требовала подпитки страхом болью живыми душами чтобы оставаться сильной...

Видение оборвалось так же внезапно оставив после себя звенящую пустоту в голове металлический привкус во рту и тошноту...Теперь я знал всё... Или почти всё... Шушмор это тюрьма для древнего бога спящего под толщей ила Его слуги те тени существа без лиц бродят по лесу ищут тех кто прикоснулся к тайне чтобы принести их своему хозяину чтобы его сон оставался крепким а печать целой но кто-то другой кто-то человеческий или почти человеческий пытается нарушить этот баланс пытается либо освободить Его либо уничтожить окончательно ломая печать не понимая последствий ни того ни другого исхода...Мне нужно было выбираться отсюда нужно было предупредить кого-то рассказать о том что происходит здесь но я понимал что никто не поверит словам о древних богах о спящих чудовищах о живых камнях меня сочтут сумасшедшим отправят в клинику откуда уже нет возврата разве что один путь вниз головой из окна палаты но тайна останется тайна будет ждать следующего глупца который захочет её разгадать...

Красный кристалл продолжал пульсировать освещая поляну вокруг мягким багровым светом который казался живым дышащим вместе с болотом вместе со всем этим проклятым местом...Внезапно я услышал звук со стороны берега звук который заставил кровь застыть в моих жилах звук ломающихся веток тяжёлой поступи по гнилым брёвнам мосткам через болото сюда шли те кому я принадлежал те кто пришёл забрать свою добычу они нашли меня они всегда находят тех кто знает слишком много...

Паника придавала мне сил я вскочил на ноги лихорадочно оглядываясь по сторонам ища путь к спасению но островок был мал абсолютно гол кроме центрального камня укрыться было негде бежать можно было только обратно через болото через ненадёжный мост навстречу им навстречу смерти которая будет хуже чем просто смерть, смерть которая лишит тебя души превращая тебя в пустую оболочку слугу спящего бога бродящего по лесам до скончания веков с улыбкой мертвеца на лице...

Они уже были близко я слышал их хриплое дыхание чувствовал их смрадный запах через туман через расстояние разделяющее нас они двигались медленно уверенно зная что жертве некуда деться зная что она уже принадлежит им по праву крови по праву знания по праву древнего договора заключённого задолго до появления первого человека на этой земле когда эти леса были молоды а звёзды светили иначе...

В отчаянии мой взгляд упал на камень на пульсирующий кристалл в его центре безумная мысль пронзила сознание если печать питается страхом если она живая может быть она может защитить своего хранителя может быть она может открыть путь если её попросить если принести ей жертву если отдать ей частицу себя взамен на спасение это было безумие чистое безумие но выбора не оставалось либо рискнуть либо принять судьбу которая хуже смерти которую нельзя представить даже в самом страшном кошмаре...

Не давая себе времени передумать дрожащими руками я достал из кармана куртки перочинный нож маленький дешёвый нож единственное оружие которое у меня было единственное что связывало меня с цивилизацией миром людей миром здравого смысла лезвие блеснуло в красном свете кристалла отражая его пульсирующее сияние как будто соглашаясь с моим решением одобряя его направляя мою руку...

Я полоснул лезвием по ладони боль была острой резкой отрезвляющей кровь тёмная густая алая кровь выступила мгновенно закапала на поверхность камня попадая в бороздки символов которые тут же вспыхнули ярче впитывая эту жертву принимая этот дар символы засветились изнутри пульсируя теперь уже не зелёным а багровым светом таким же как цвет кристалла цвет крови цвет заката цвет безумия которое охватывало мой разум вытесняя остатки логики здравого смысла оставляя лишь первобытные инстинкты инстинкт выживания любой ценой даже если цена эта твоя человечность твоя душа твоё будущее всё то что делает тебя человеком всё то что ты считал важным ещё вчера ещё час назад ещё минуту назад всё это стало неважным мелким незначительным перед лицом древней силы перед лицом вечности которая смотрела на меня сейчас через этот камень через этот кристалл через эти символы которые были древнее человечества древнее динозавров древнее самой жизни возможно древнее времени как мы его понимаем время здесь текло по-другому оно было цикличным спиральным оно пожирало само себя чтобы родиться заново чтобы история повторялась снова и снова чтобы глупцы вроде меня приходили сюда приносили жертвы прикасались к тайне становились частью легенды частью мифа частью ужаса который никогда не закончится никогда не умрёт пока существует это место пока спит Он под толщей ила пока пульсирует красный глаз печати требуя новой крови новой боли нового страха чтобы оставаться запечатанным чтобы оставаться спящим чтобы оставаться другим чтобы оставаться невыносимым...

Кровь текла по ладони смешиваясь со слизью мха образуя странные узоры символы которые складывались в новые слова, слова которые я понимал каким-то глубинным первобытным пониманием минуя разум минуя сознание минуя язык слова которые были молитвой заклинанием призывом о помощи проклятием благословением всем сразу ничем одновременно словами которые произносили тысячи голосов до меня которые будут произносить тысячи голосов после меня эхо вечности отражённое в капле человеческой крови принесённой в жертву каменному богу спящему под болотом богу который видит сны о пробуждении видит сны о том как звёзды займут правильное положение как врата откроются как его слуги выйдут наружу чтобы вернуть себе этот мир чтобы очистить его от этой назойливой жизни которая копошится на поверхности планеты подобно муравьям подобно блохам подобно ничтожествам которые возомнили себя хозяевами мира которые забыли своё место которые забыли страх который подобает им испытывать перед лицом истинной силы истинного величия истинного ужаса.

Он есть основа всего сущего хаос бездна пустота из которой родилось всё и куда всё вернётся рано или поздно так или иначе добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность делая её тонкой уязвимой проницаемой для тех кто ждёт по ту сторону тех кто дышит тьмой тех кто видит без глаз слышит без ушей живёт без тела существует вне времени вне пространства вне логики вне понимания вне всего человеческого всего понятного всего объяснимого всего конечного всего смертного всего ложного всего кроме ужаса кроме истины кроме печати кроме Шушмора.

Кроме конца который ждёт всех нас всех без исключения ибо мы все принадлежим Ему так или иначе рано или поздно добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность делая её тонкой уязвимой проницаемой для тех кто ждёт по ту сторону тех кто дышит тьмой тех кто видит без глаз слышит без ушей живёт без тела существует вне времени вне пространства вне логики вне понимания вне всего человеческого всего понятного всего объяснимого всего конечного всего смертного всего ложного всего кроме ужаса кроме истины кроме печати кроме Шушмора кроме конца который ждёт всех нас всех без исключения ибо мы все принадлежим Ему так или иначе рано или поздно

добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность делая её тонкой уязвимой проницаемой для тех кто ждёт по ту сторону тех кто дышит тьмой тех кто видит без глаз слышит без ушей живёт без тела.

Существует вне времени вне пространства вне логики вне понимания вне всего человеческого всего понятного всего объяснимого всего конечного всего смертного всего ложного всего кроме ужаса кроме истины кроме печати кроме Шушмора кроме конца который ждёт всех нас всех без исключения ибо мы все принадлежим Ему так или иначе рано или поздно добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность делая её тонкой уязвимой проницаемой для тех кто ждёт по ту сторону тех кто дышит тьмой тех кто видит без глаз слышит без ушей живёт без тела существует вне времени вне пространства вне логики вне понимания вне всего человеческого всего понятного всего объяснимого всего конечного всего смертного всего ложного всего кроме ужаса кроме истины кроме печати кроме Шушмора кроме конца который ждёт всех нас.

Всех без исключения ибо мы все принадлежим Ему так или иначе рано или поздно добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность делая её тонкой уязвимой проницаемой для тех кто ждёт по ту сторону тех кто дышит тьмой тех кто видит без глаз слышит без ушей живёт без тела существует вне времени вне пространства вне логики вне понимания вне всего человеческого.

Я очнулся от собственного крика. Голова раскалывалась, а во рту стоял металлический привкус крови и желчи. Я лежал на спине на том же островке, но туман теперь был не молочно-белым, а густо-багровым, словно пропитался кровью из моих видений. Красный кристалл в центре камня пульсировал с бешеной скоростью, отбрасывая на мох и воду зловещие отблески.

Рука горела огнём. Я поднёс ладонь к глазам и с тупым ужасом уставился на глубокий порез. Кровь уже запеклась чёрной коркой, а края раны странно потемнели и казались обугленными, словно я приложил руку не к камню, а к раскалённой печи. Но боли не было — лишь онемение и странное покалывание, будто по венам вместо крови потёк жидкий лёд.

И в этом онемении я почувствовал их. Они были уже не на берегу. Они были здесь.

Туман у края островка заколыхался, хотя ветра не было и в помине. Он сгущался, принимая очертания высоких, сутулых фигур. Их было трое или четверо — точнее сказать было невозможно из-за искажающей дымки. Они не шли по болоту — они скользили над ним, не касаясь вязкой жижи своими длинными конечностями.

Я попытался встать, но ноги отказались повиноваться. Тело стало чужим, тяжёлым, словно налитым свинцом. Я мог лишь беспомощно наблюдать за их приближением.

Они остановились в нескольких шагах от меня. Теперь я мог разглядеть их лучше — и пожалел об этом. Их тела напоминали человеческие лишь отдалённо: длинные руки свисали почти до земли, заканчиваясь узловатыми пальцами с лишними суставами; кожа была бледно-серой и влажной, как у утопленников; головы были непропорционально большими и гладкими, лишёнными волос и ушей.

Но самым страшным было отсутствие лиц.

Там, где должны были находиться глаза, нос и рот, кожа была натянута абсолютно гладко. Это были не маски — это было их естество. Пустота смотрела на меня пустотой.

Один из них сделал шаг вперёд. Он наклонил свою безликую голову набок — жест был до жути человеческим и оттого ещё более пугающим. Затем он поднял руку и указал на меня длинным пальцем.

В моей голове снова зазвучал голос. Но это был не шёпот и не гул из-под земли. Это был звук рвущейся ткани реальности — скрежещущий, нечеловеческий голос, который я слышал в своих видениях у камня.

«Ты принёс дар... Ты вкусил знание... Ты наш...»

Слова не произносились вслух. Они возникали прямо в сознании, обжигая мозг калёным железом. Я чувствовал их вес — вес тысячелетий и бездн пространства.

— Нет... — прохрипел я пересохшим горлом. Звук моего голоса показался жалким писком в этой абсолютной тишине.

«Ты наш...» — повторил голос с неумолимой уверенностью. «Ты видел то, что не должен видеть смертный. Ты прикоснулся к печати. Теперь ты часть узора...»

Я отчаянно замотал головой, пытаюсь сбросить это ментальное давление.

— Я не... я не хочу... Отпустите меня!

«Отпустить?» — в «голосе» послышалось что-то похожее на насмешку или удивление. «Ты думаешь, что можешь просто уйти? Ты думаешь, что можешь вернуться в свой мир бетона и света после того, как заглянул за завесу? Твоя душа помечена. Твой разум открыт для нас...»

Я почувствовал ледяное прикосновение к своему лбу. Один из существ подошёл вплотную и положил свою влажную ладонь мне на голову. В тот же миг мой разум снова взорвался образами.

Я увидел себя со стороны: жалкую фигурку на островке посреди гнилого болота. Затем перспектива изменилась. Я увидел лес с высоты птичьего полёта — нет, с высоты полёта чего-то гораздо более древнего и ужасного. Я увидел всю Московскую область как на ладони: города были пятнами плесени на теле земли; дороги — тонкими шрамами; а Шушмор... Шушмор был чёрной раной в самом центре этого мира.

И под этой раной пульсировало нечто огромное. Оно спало там уже миллионы лет, но его сны просачивались наружу через трещины в реальности. Его мысли отравляли землю и воду. Его дыхание порождало туманы и безумие.

«Мы — его сны...» — прошептал голос в моей голове. «Мы — его слуги... Мы храним его покой... А ты... ты станешь частью его вечного сна...»

Видение оборвалось так же резко, как и началось. Существо убрало руку с моего лба.

Я задышался. Сердце колотилось так сильно, что казалось, вот-вот проломит грудную клетку. Я понял страшную истину: они не собирались меня убивать. Смерть была бы милосердием по сравнению с тем, что они готовили для меня.

Они собирались забрать мой разум и волю, превратить меня в одного из них — в безликого слугу спящего бога, обречённого вечно бродить по этим болотам и заманивать других глупцов на погибель.

Внезапно одно из существ насторожилось. Оно повернуло свою гладкую голову в сторону берега и издало тихий шипящий звук. Остальные последовали его примеру.

Что-то происходило там, за пеленой тумана.

Существа медленно попятились от меня обратно к краю островка. Они не бежали в панике — они отступали с достоинством хищников, уступающих добычу более сильному противнику или просто теряющих интерес к охоте из-за появления более важной цели.

«Он идёт...» — прошелестел голос в моей голове напоследок. «Тот, кто ищет Сердце... Беги или присоединяйся к нам...»

Затем они развернулись и растворились в багровом тумане так же бесшумно, как и появились.

Несколько минут я лежал неподвижно, боясь пошевелиться и ожидая возвращения кошмара. Но болотная тишина снова стала абсолютной. Лишь кристалл продолжал пульсировать красным светом.

Собрав остатки сил в кулак (или то, что от них осталось), я заставил себя сесть. Ноги всё ещё дрожали и подкашивались, но я смог встать на четвереньки, а затем подняться во весь рост.

Нужно было бежать. Бежать отсюда немедленно, пока туман не рассеялся и пока слуги Древнего не передумали отпускать меня.

Я сделал неуверенный шаг к гнилым брёвнам-мосткам и замер.

На другом берегу стоял человек.

Он был одет во всё чёрное: длинный кожаный плащ до пят (странный выбор для прогулки по лесу), высокие сапоги и широкополую шляпу с опущенными полями. В руках он держал массивный посох из тёмного дерева с навершием из тусклого металла.

Он стоял неподвижно посреди болота (или того места на берегу), словно статуя самому себе. Он не смотрел на меня прямо — поля шляпы скрывали его лицо в тени — но я чувствовал на себе его тяжёлый взгляд из-под этих полей.

Он был здесь хозяином положения.

— Ты прикоснулся к печати? — его голос был низким и хриплым; он звучал так тихо, что я едва расслышал слова сквозь туман, но при этом каждое слово отдавалось эхом у меня в голове так же отчётливо, как если бы он кричал мне прямо в ухо.

Я сглотнул комок в горле: — Кто..., кто вы?

Незнакомец медленно поднял голову. Я ожидал увидеть лицо старика или безумца... но я ошибся во всём сразу.

Под шляпой скрывалось лицо мужчины средних лет с резкими чертами лица и пронзительными серыми глазами. Его кожа была бледной до синевы (или это игра света?), а волосы цвета воронова крыла были зачёсаны назад гладко, как у аристократа позапрошлого века. Но самым поразительным было выражение его лица: абсолютное спокойствие ледяного убийцы или фанатика-идеолога перед казнью еретика.

— Моё имя неважно для тебя сейчас. Важно лишь то, что ты сделал выбор там, на камне. Ты пролил кровь добровольно? Или это была случайность?

— Я... они пришли за мной... Я защищался! — мой голос сорвался на фальцет от страха перед этим человеком (если он был человеком).

Незнакомец усмехнулся одними уголками губ: — Защищался? Нет... Ты предложил себя печати добровольно. Страх часто путают с желанием жертвы быть принятой богом... даже таким богом.

Он сделал шаг вперёд и легко ступил на первое бревно моста так грациозно и уверенно, словно шёл по паркету бального зала. Бревно даже не шелохнулось под его весом.

— Ты теперь отмечен печатью Урочища Шушмор. Твоя кровь смешалась с кровью тех тысяч душ, что были принесены здесь за тысячелетия до тебя. Ты чувствуешь это? Холод в венах? Тишину мыслей?

Я невольно прижал руку к груди: — Да... Что со мной будет?

— Это зависит от тебя... и от того, кто доберётся до тебя первым: слуги Спящего или я со своими людьми.

Он преодолел половину пути по мосту без единого звука остановки: — Мы называем себя Хранителями Печати Орденом Последнего Света если тебе угодно знать название, которое ничего тебе не скажет, Мы следим за этим местом веками пытаемся удержать барьер между мирами. Но силы иссякают Древний просыпается, Его зов становится сильнее с каждым годом. А теперь ещё появились те, кто хочет ускорить этот процесс...

Он говорил быстро отрывисто словно боялся не успеть сказать всё важное: — Кто-то пытается сломать печать извне. Кто-то очень могущественный кто знает древние ритуалы, Он собирает артефакты ищет ключи Он хочет выпустить Его наружу чтобы закончить то, что началось миллионы лет назад...

Незнакомец наконец ступил на твёрдую почву островка, Он подошёл ко мне вплотную, Его глаза изучали моё лицо как энтомолог изучает редкий экземпляр насекомого под микроскопом: — Ты видел девочку Она говорила тебе о Сердце Болот о камне с красным глазом. Это один из ключей Печати. Если он попадёт в руки врага всё будет кончено. Не только для этого леса для всего мира...

Я вспомнил слова призрачного ребёнка: «Найди камень с красным глазом... Он покажет путь...»

— Что мне делать? — спросил я, почти шёпотом чувствуя, что моя судьба уже решена этим человеком ещё до того, как он заговорил со мной

Незнакомец протянул руку: — Идём со мной Мы заберём тебя отсюда Мы очистим твою кровь от скверны печати научим тебя сопротивляться зову. Но взамен ты поможешь нам найти того, кто пытается сломать барьер, Ты поможешь нам остановить конец света

Его рука висела в воздухе, между нами, бледная тонкая, но излучающая скрытую силу

Я посмотрел на протянутую ладонь затем перевёл взгляд на пульсирующий кристалл позади него Камень казался живым дышащим существом, которое ждало моего решения

И тут я услышал звук. Со стороны берега откуда пришёл незнакомец Звук множества шагов хруст веток приглушённые голоса. Это были люди много людей

Незнакомец тоже услышал их Его лицо напряглось, Он резко обернулся к берегу: — Проклятье. Они нашли нас быстрее чем я думал

Он снова посмотрел на меня, Его взгляд стал жёстким решительным: — У нас нет времени на уговоры. Решай сейчас. Либо ты идёшь со мной добровольно, либо остаёшься здесь один против них

Шаги приближались. Люди выходили из тумана. Их было около десятка. Они тоже были одеты во всё чёрное, но их одежда была проще грубее это были скорее охотники или лесники, вооружённые арбалетами длинными ножами и странными металлическими прутами, которые светились тусклым голубоватым светом

Они увидели нас на островке И остановились как вкопанные. Затем один из них высокий мужчина с седой бородой поднял руку указывая на нас: — Вот он! С ним чужак! Взять их!

Незнакомец выругался сквозь зубы. Он схватил меня за плечо железной хваткой: — Бежим!

Он толкнул меня к противоположному краю островка, где вода казалась чуть менее глубокой. Затем он поднял свой посох направил наверх на воду. Произошло невероятное Вода перед нами забурлила, а затем расступилась, образовав узкий проход к другому берегу словно Моисей раздвинул Красное море только вместо воды здесь была болотная жижа

— Быстрее! Это долго не продержится!

Мы бросились по этому проходу. Холодная грязь хлюпала под ногами, но мы бежали, не останавливаясь Я слышал крики преследователей за спиной слышал всплески воды, когда они прыгали в болото пытаясь сократить путь.

Мы выбрались на твёрдую землю на другой стороне болота Незнакомец тут же развернулся снова направил посох назад Проход начал смыкаться вода возвращалась на место погребая под собой тех, кто пытался нас догнать. Раздался чей-то полный ужаса вопль, который тут же оборвался

Незнакомец опустил посох. Он тяжело дышал хотя казалось, что такая пробежка не могла его утомить, Он посмотрел на меня оценивающе: — Ты всё ещё можешь уйти, Я дам тебе карту, которая выведет тебя к ближайшей деревне. И ты забудешь всё что видел, как страшный сон.

Я посмотрел назад на болото затем перевёл взгляд на этого загадочного человека, который только что продемонстрировал силу, которую невозможно объяснить наукой, Я вспомнил видение города из чёрного камня вспомнил безликих существ вспомнил слова девочки о Сердце Болот

И я понял, что пути назад нет. Что я уже никогда не смогу жить прежней жизнью. Что сон или явь, но я теперь часть этой истории

Я покачал головой: — Нет Я пойду с вами. Расскажите мне всё. Научите меня бороться Я хочу знать правду.

Лицо незнакомца впервые за всё время нашего знакомства озарилось чем-то похожим на одобрение или облегчение. Он кивнул: — Хорошо Ты сделал правильный выбор. Хотя возможно самый трудный в твоей жизни Меня зовут Глеб Я глава Ордена Последнего Света А теперь нам нужно спешить они знают где находится наше убежище, Мы должны опередить их.

Он развернулся и быстрым шагом направился вглубь леса Я последовал за ним стараясь не отставать Лес вокруг нас казался обычным утренним лесом, но теперь я знал, что это лишь иллюзия. За каждым деревом за каждым кустом могла скрываться древняя угроза и я был готов встретиться с ней лицом к лицу.

Мы шли около часа Глеб двигался уверенно словно знал каждый корень каждую тропинку. Наконец мы вышли к небольшой поляне, посреди которой стоял старый заброшенный охотничий домик Покосившийся почерневший от времени он выглядел так словно готов рухнуть от малейшего порыва ветра.

Но Глеб подошёл к нему без опаски, Он приложил ладонь к стене домика прошептал несколько слов на странном гортанном языке И произошло чудо, Домик задрожал контуры его поплыли как горячий воздух над асфальтом, И через мгновение перед нами стояло совершенно другое строение Современный бетонный бункер замаскированный под старую развалюху

Глеб открыл массивную стальную дверь, замаскированную под доски: — Добро пожаловать в наш штаб. Здесь ты будешь в безопасности. По крайней мере пока.

Мы вошли внутрь. Внутри бункер напоминал смесь научной лаборатории средневековой библиотеки и военного штаба Стены были заставлены стеллажами с древними фолиантами в кожаных переплётах свитками странными механизмами из меди и хрусталя. В центре комнаты стоял большой стол, заваленный картами чертежами какими-то оккультными символами. На стене висели мониторы показывающие разные участки леса вокруг убежища

К нам навстречу вышел пожилой мужчина худой как скелет, с длинной седой бородой. Он был одет в лабораторный халат поверх свитера. На носу у него сидели очки с толстыми линзами которые делали его глаза огромными как у совы.

— Глеб! Слава всем силам ты вернулся! Мы засекли активность у Сердца Болот час назад. Мы думали худшее...

Глеб жестом остановил его: — Иван Петрович всё потом. Сначала нужно ввести нашего нового друга в курс дела. Это он был у камня, Он видел печать изнутри.

Старик Иван Петрович внимательно посмотрел на меня поверх очков. Его взгляд был цепким пронизательным. Казалось, он видит меня насквозь видит все мои страхи все мои мысли все мои грехи.

— Значит он отмечен кровью печати, любопытно очень любопытно...

Глеб подошёл к столу взял какой-то древний манускрипт развернул его передо мной. На пожелтевшей странице была нарисована карта местности, но таких очертаний рек лесов болот я никогда не видел. На карте были отмечены точки, соединённые линиями, образующими сложный геометрический узор. В центре узора находился символ похожий на тот, что я видел на камне пульсирующий красный глаз.

— Это карта лей-линий земли, энергетических потоков, которые опоясывают планету, как кровеносная система человека Урочище Шушмор находится в точке пересечения нескольких мощнейших линий. Здесь ткань реальности тоньше чем где-либо. Именно поэтому Древние выбрали это место для своего портала миллионы лет назад.

Глеб указал пальцем на центр карты: — Печать, которую ты видел это сложный механизм, состоящий из нескольких артефактов, разбросанных по всему урочищу Камень с красным глазом Сердце Болот один из них. Есть ещё Камень-Свидетель есть Поющий Менгир есть Ключ-Тень, каждый из них выполняет свою функцию удерживая барьер между нашим миром и тем измерением, где спит Древний Бог.

Иван Петрович перебил его поправляя очки:— Точнее говоря они не столько удерживают барьер сколько питают его энергией страха боли отчаяния жертвоприношений Печать это живой организм паразитирующий на человеческих эмоциях Она впитывает негативную энергию преобразует её и использует для поддержания стабильности разлома Без этой подпитки разлом расширится бесконтрольно выпуская сущности из другого измерения.

Глеб кивнул, продолжая рассказ: — Но есть способ сломать печать извне. Если собрать все артефакты вместе в определённом порядке провести древний ритуал, описанный в Некрономиконе...

У меня перехватило дыхание: — Некрономикон? Вы серьёзно? Эта книга всего лишь выдумка...

Иван Петрович усмехнулся уголком губ: — Мой юный друг названия могут быть разными Книга Мёртвых. Но суть одна. Это инструкция по эксплуатации врат между мирами, и она существует Она здесь среди этих книг.

Он указал рукой на стеллажи, заставленные пыльными томами. У меня закружилась голова. Всё во что я верил вся моя картина мира рушилась как картонный домик превращаясь в кошмарную мозаику, где фантастика становилась реальностью, а реальность растворялась в безумии

Глеб положил руку мне на плечо возвращая меня к действительности:— Некто нашёл эту книгу Некто очень умный очень амбициозный и очень безжалостный Он собирает артефакты Мы идём за ним по пятам но он всегда опережает нас на шаг Мы думаем что он хочет освободить Древнего Бога Но возможно его цель ещё страшнее Возможно он хочет стать сосудом для Него Стать Его аватаром в нашем мире Носителем Его силы Его воли Его безумия

Внезапно мониторы на стене ожили. На всех экранах появилось одно и то же изображение Камень с красным глазом Тот самый, где я был утром. Но теперь он выглядел иначе Кристалл пульсировал бешено часто символы вокруг него светились ядовито-зелёным светом А вокруг камня стояли люди Те самые охотники в чёрном. Они устанавливали какое-то оборудование треноги с линзами металлические конструкции похожие на антенны

Один из них тот самый седобородый вожак подошёл к камню достал из сумки какой-то предмет, блеснувший золотом. Поднял его над головой. Это был ключ причудливой формы похожий на тот символ что я видел во сне, когда касался первого камня.

Глеб побледнел. Его лицо стало похоже на маску смерти: — Ключ-Тень... Ублюдок добрался до него...

Иван Петрович лихорадочно защёлкал клавишами на ноутбуке, стоявшем рядом с мониторами. Изображение увеличилось, Мы увидели, как седобородый вставляет ключ в углубление рядом с кристаллом, Камень задрожал, вся поляна вокруг него начала покрываться изморозью хотя лето было в самом разгаре. Вода в болоте вокруг островка начала замерзать, превращаясь в чёрный лёд. Лёд трещал, выпуская клубы пара.

Затем произошло то чего никто из нас не ожидал. Кристалл перестал пульсировать красным. Он вспыхнул ослепительно белым светом таким ярким что мониторы засбоили, передавая лишь помехи. Когда изображение вернулось мы увидели, что камень раскололся пополам, а из трещины внутри него поднималось нечто...

Это была тень. Но тень живая разумная Она не имела чётких очертаний постоянно перетекая из одной формы в другую. То она напоминала гигантского спрута то клубок змей то бесформенную массу щупалец Она росла, поднимаясь всё выше над лесом заслоняя собой солнце Лес погрузился во мрак, Температура в бункере упала настолько что моё дыхание превращалось в пар

Глеб схватил посох, который оставил у входа Его руки дрожали от напряжения, когда он направлял наверх посоха на экран словно пытаясь силой воли остановить происходящее там снаружи:

«Нет... Только не сейчас... Слишком рано...»

Тень над камнем замерла Она словно приюжилась, изучая наш мир. Затем она начала медленно поворачиваться. Её внимание переключилось, Она «смотрела» прямо на нас. Не глазами которых у неё не было, а всем своим существом Чувство было такое словно стоишь голый под рентгеновским аппаратом, который просвечивает тебя до последней молекулы до самой души.

А затем она «улыбнулась» Если конечно можно назвать улыбкой то что произошло с пространством там где находилась тень Пространство искривилось образовав подобие гигантского рта полного кривых зазубренных зубов размером с дом И этот «рот» издал звук От которого кровь стыла в жилах Звук похожий одновременно на скрежет металла о стекло детский плач рёв тысячи быков и предсмертный хрип целого мира Это был голос самого безумия Голос пробуждающегося кошмара.

Связь прервалась, Мониторы погасли, погрузив бункер во тьму. Лишь тусклая аварийная лампа мигала под потолком окрашивая всё вокруг в кроваво-красный цвет. В наступившей тишине было слышно лишь наше тяжёлое дыхание да тиканье какого-то прибора отсчитывающего секунды до конца света.

Первым нарушил молчание Иван Петрович Его голос дрожал, но звучал удивительно спокойно как голос учёного, наблюдающего редкое явление природы даже если это явление грозит уничтожить лабораторию:

«Барьер прорван... Разлом нестабилен... Они начинают просачиваться...»

Глеб медленно опустил посох. Он повернулся ко мне. В его серых глазах плескалась вековая усталость тысячелетняя боль человека, который слишком долго смотрит в бездну:

«Добро пожаловать в настоящую войну сынок Войну которую люди проигрывают уже миллионы лет, даже не подозревая о ней. Теперь ты знаешь правду. Теперь ты часть этой войны. У тебя есть два пути. Бежать без оглядки надеясь, что смерть настигнет тебя раньше, чем слуги Древнего. Или встать рядом с нами И попытаться спасти то, что ещё можно спасти Выбор за тобой...»

Часть 2. Тень над Шушмором.

«Память — это химера, и прошлое — лишь зыбкая тень, отбрасываемая настоящим на стены пещеры неведения. Но есть воспоминания, которые не принадлежат человеку, а вплетены в самую ткань бытия, как плесень в камень, как гниль в древесину. И я боюсь, что теперь такие воспоминания стали частью меня».

Бункер содрогнулся. Не от взрыва и не от землетрясения — сама реальность, казалось, пошла трещинами, пропуская внутрь эхо того беззвучного вопля, что исторгла тень над болотом. Аварийная лампа мигнула в последний раз и погасла окончательно, погрузив нас в абсолютную, первобытную тьму. В этой темноте я ощутил нечто куда более страшное, чем отсутствие света: я ощутил присутствие. Оно не имело формы или запаха, но давило на сознание с тяжестью океанской толщи, вымывая из головы все мысли, кроме одной — панического желания сжаться в комок и исчезнуть.

Глеб среагировал мгновенно. Раздался сухой щелчок кремня, и через мгновение фитиль старой керосиновой лампы вспыхнул робким желтым пламенем. Тени в углах бункера метнулись прочь от света, но не исчезли, а лишь уплотнились, превратившись в сгустки ещё более глубокой черноты.

— Они знают, где мы, — голос Глеба был спокоен, но в нём звенела сталь клинка, готового к бою. — Разлом открыт. Теперь это лишь вопрос времени.

Иван Петрович уже колдовал над своим ноутбуком. Экран отбрасывал мертвенно-синий свет на его лицо, делая его похожим на восковую маску. — Сканеры фиксируют аномальную активность по всему периметру. Граница истончается. Скоро они будут здесь... во плоти.

— Кто «они»? — мой собственный голос показался мне чужим, тонким и дрожащим. — Те безликие твари с болота?

Глеб покачал головой, его взгляд был устремлен куда-то сквозь бетонную стену бункера, в сторону проклятого леса. Слуги Спящего — лишь низшая каста. Охотники за душами, мусорщики бездны. Те, кто пришел через разлом сейчас... это нечто иное. Это Вестники. Предвестники Его пробуждения.

Он подошел к массивному стальному шкафу у дальней стены и с усилием распахнул его створки. Внутри, на бархатных ложах, покоилось оружие, подобного которому я никогда не видел. Это были не ружья и не мечи. Это были артефакты из тусклого металла и полированного обсидиана, инкрустированные кристаллами, пульсирующими слабым внутренним светом.

— Время теорий закончилось, — Глеб взял в руки длинный посох с навершием в виде спирали из серебристого металла. — Настало время действий. Иван Петрович, активируй защитный контур. Я выведу нашего гостя на поверхность.

— Ты с ума сошел? — старик оторвался от монитора. — Там же Вестники! Он не готов!

— У нас нет выбора! — отрезал Глеб. — Ключ-Тень у них. Печать сломана. Если мы не восстановим хотя бы один из узлов барьера прямо сейчас, к рассвету здесь будет филиал их мира.

Иван Петрович вздохнул и начал быстро нажимать клавиши на панели управления рядом с ноутбуком. По периметру бункера раздался низкий гул, от которого завибрировали кости. Защитный контур активирован на тридцать процентов. Этого хватит, чтобы задержать низших тварей минут на десять-пятнадцать. Вестников он даже не поцарапает.

Глеб повернулся ко мне. В свете лампы его лицо выглядело суровым и решительным. Ты хотел знать правду? Вот она. Правда пахнет озоном и тленом. Идем.

Мы вышли наружу через ту же дверь-маскировку. Мир снаружи изменился до неузнаваемости. Туман не рассеялся с восходом солнца; наоборот, он стал гуще и приобрел странный зеленоватый оттенок, словно был пропитан болотным газом и радиацией. Лес стоял безмолв-

ный: ни пения птиц, ни стрекота насекомых — лишь гнетущая тишина и этот всепроникающий гул из-под земли, который теперь звучал как помехи в сломанном радиоприемнике.

Глеб уверенно зашагал вперед по едва заметной тропе. Я едва поспевал за ним, постоянно спотыкаясь о корни. Куда мы идем? К Камню-Свидетелю, — бросил он через плечо, не сбавляя шага. — Второй по значимости артефакт Печати после Сердца Болот. Если нам удастся активировать его силу, мы сможем хотя бы локализовать разлом и выиграть время.

— А что потом? Потом мы найдем того ублюдка, который это устроил, и заставим его вернуть всё на свои места. Или уничтожим его вместе с половиной этого леса.

Мы шли около получаса в полном молчании. Лес становился всё более диким и непроходимым. Деревья здесь росли кривые, со стволами, изогнутыми под невозможными углами, словно они пытались убежать от чего-то, что находилось в центре этого проклятого места. Воздух стал тяжелым и влажным, дышать было трудно.

Наконец Глеб остановился у подножия огромного холма или древнего кургана, поросшего мхом и чахлым кустарником. Мы пришли.

Я огляделся. Ничего необычного: холм как холм. Где камень?

Глеб усмехнулся уголком губ и подошел к склону холма. Он провел рукой по мху у основания и нажал на какой-то невидимый рычаг. Раздался глухой скрежет камня о камень, и часть склона холма с шуршанием отъехала в сторону, открывая темный проход внутрь кургана.

— Добро пожаловать в древнее святилище тех, кто был здесь до нас.

Внутри кургана оказалось просторное помещение с высоким сводчатым потолком. Воздух здесь был сухим и пах пылью веков. Стены были выложены грубо обработанными каменными блоками, а в центре зала возвышался монолит — огромный валун темно-серого цвета с прожилками кварца.

Это и был Камень-Свидетель.

В отличие от Сердца Болот, он не пульсировал зловещим светом. Наоборот, он казался мертвым, холодным и абсолютно инертным. Его поверхность была испещрена тысячами мелких царапин и сколов.

Глеб подошел к камню и положил на него ладонь. Он спит... Или слишком слаб после того удара по Печати.

Внезапно пол под нашими ногами дрогнул. Сверху посыпалась земля и мелкий мусор. Гул снаружи стал громче и отчетливее.

— Они здесь! — воскликнул Глеб. — Иван Петрович был прав насчет времени!

Он лихорадочно оглядывал стены святилища. Нам нужен катализатор... Что-то личное... Что-то связанное с жертвой...

Его взгляд упал на меня. Твоя кровь! Ты прикоснулся к Сердцу! Ты часть узора!

Прежде чем я успел возразить или испугаться (хотя страх уже давно стал моим постоянным спутником), он выхватил из складок плаща небольшой обсидиановый кинжал с лезвием странной серповидной формы. Прости за это, но времени на анестезию нет!

Он схватил меня за руку и полоснул лезвием по предплечью раньше, чем я успел отдернуться. Боль была острой и обжигающей. Кровь хлынула на серый камень монолита...

И ничего не произошло.

Камень остался таким же мертвым и холодным. Моя кровь просто стекла по его поверхности на земляной пол маленькой темной лужицей.

— Нет... Нет! — Глеб выглядел растерянным впервые за всё время нашего знакомства. — Это должно было сработать!

Снаружи раздался звук, от которого кровь застыла в жилах куда эффективнее любого ножа. Это был звук ломающихся деревьев — но не треска сухих стволов под ветром или топо-

ром дровосека. Это был звук живого дерева, которое вырывают из земли с корнями или переламывают пополам гигантские руки. Звук приближался к кургану со страшной скоростью.

Глеб отбросил бесполезный кинжал и схватил свой посох двумя руками.— Похоже, придется принимать бой здесь... Иван Петрович! Усиль защиту периметра! Мы забаррикадируемся!

Я прижался спиной к холодному камню монолита, сжимая раненую руку. Страх парализовал меня окончательно. Я слышал тяжелые шаги снаружи — они не были похожи на человеческие или звериные шаги; это было скорее шлепанье огромных мокрых туш по грязи вперемену со скрежетом когтей по камням.

Вход в курган заслонила гигантская тень...

И тут Камень-Свидетель ожил.

Это не было вспышкой света или звуком взрыва. Это было событие. Мир вокруг нас замер на долю секунды, словно киноплёнка застряла в проекторе. А затем реальность раскололась пополам по вертикали вдоль центральной оси монолита.

Одна половина мира осталась прежней: темный курган, испуганный я с окровавленной рукой, Глеб с посохом наготове у входа...

Вторая половина стала другой.

Я увидел то же самое помещение — но оно было залито ярким солнечным светом (хотя снаружи царил зеленый туман). Стены были идеально гладкими и блестели как полированный мрамор или металл неизвестного происхождения. А вместо Камня-Свидетеля в центре стоял высокий пьедестал из черного хрусталя...

И на этом пьедестале покоилась голова человека... нет, существа... Оно было мертво уже тысячи лет (или просто находилось в состоянии стазиса), но его черты были пугающе знакомы: высокий лоб без волос (или они выпали от времени), глубоко посаженные глаза (закрытые), тонкие губы...

Это был человек... но это был не человек одновременно. В его облике читалась нечеловеческая мудрость и столь же нечеловеческая жестокость тысячелетнего хищника.

Видение длилось лишь мгновение (или вечность), а затем две реальности схлопнулись обратно в одну с беззвучным хлопком воздуха.

Камень-Свидетель засветился изнутри мягким серебристым светом. Гул из-под земли мгновенно стих.

Глеб опустил посох и удивленно посмотрел на меня: что ты видел?

Я рассказал ему о видении: о другой версии кургана, о пьедестале из черного хрусталя... Когда я упомянул голову существа на пьедестале, лицо Глеба стало мрачнее тучи.

— Значит... это правда... Древние легенды Ордена говорили об этом месте как о «Хранилище Головы». Мы всегда думали, что это метафора...

Он подошел к камню вплотную и приложил ухо к его поверхности, словно пытаясь что-то услышать изнутри монолита. Камень-Свидетель не просто артефакт... Это тюрьма... Или гробница...

Снаружи снова раздался шум ломаемых деревьев, но теперь он звучал гораздо дальше и тише, словно кто-то огромный прошел мимо кургана по своим делам и потерял к нам интерес так же внезапно, как нашел его ранее.

Защитный контур сработал? Или их отпугнуло пробуждение Камня?

Связь с бункером восстановилась автоматически (или Иван Петрович сделал это удаленно). В динамике рации раздался его взволнованный голос: Глеб! Что у вас происходит? Сканеры показывают резкий скачок энергии в вашем секторе! Аномалия класса «Альфа»!

Глеб взял рацию: Мы активировали Камень-Свидетеля... Частично... Но есть проблема посерьезнее разлома... Иван Петрович... легенды о «Хранилище Головы» ... они имеют под собой реальную основу?

В эфире повисла долгая пауза. Затем голос старика прозвучал глухо: «Да... Но об этом знали только высшие чины Ордена... Это самая охраняемая тайна...»

Глеб посмотрел на меня тяжелым взглядом: «Кажется, пришло время узнать всё».

Мы вернулись в бункер так быстро, как только могли двигаться уставшие люди по пересеченной местности лесного урочища Шушмор под гнетом аномального тумана. Иван Петрович ждал нас у входа в убежище-мимикрию. Его лицо было бледным как мел.

Он молча провел нас вглубь бункера — мимо лаборатории-библиотеки в небольшую комнату без окон со стенами из голого бетона. Единственным предметом мебели здесь был старый металлический стол да пара стульев с потрескавшейся обивкой.

Иван Петрович запер дверь на тяжелый засов изнутри и сел за стол напротив нас с Глебом.

«То, что я вам сейчас расскажу никогда не должно выйти за пределы этих стен», — начал он без предисловий. «Даже если мы все погибнем сегодня эта тайна должна умереть вместе с нами».

Он достал из ящика стола толстую папку с пожелтевшими бумагами, перетянутую бечевкой с сургучной печатью Ордена Последнего Света (которая была сломана).

«Орден существует гораздо дольше чем вы думаете», — продолжил он. «Мы были основаны не в Средневековье как гласит официальная история, а гораздо раньше еще до того, как первый фараон заложил камень в основание пирамиды».

Глеб нахмурился: «Ты говоришь о временах Атлантиды?»

Иван Петрович кивнул: «Или раньше... Наши предки были свидетелями того, как Древние Боги пришли на эту планету. Они не прилетели на кораблях. Они просто прошли сквозь разломы между измерениями как мы проходим через дверь».

Он открыл папку и достал оттуда несколько пожелтевших фотографий очень плохого качества, но даже при таком разрешении они вызывали тошноту одним своим видом. На снимках были запечатлены руины циклопических городов, построенных из черного камня города, которые могли существовать только во сне больного лихорадкой или на страницах книг.

«Они построили свои города используя материю нашего мира как глину. Они изменяли законы физики под себя они питались не пищей, а эмоциями страхом отчаянием экстазом».

«Но потом что-то пошло не так», — голос старика стал тише. «Между ними началась война. Война за доминирование над этим миром. И один из них оказался сильнее остальных».

Он достал из папки последний документ. Это был рисунок, сделанный углем или чем-то похожим. На нем было изображено то самое существо чью голову я видел внутри Камня-Свидетеля

«Его имя нельзя произносить даже мысленно», — прошептал Иван Петрович. «Но для удобства мы называли его Тот-Кто-Видит-За-Гранью Он был самым могущественным из них, Он обладал способностью поглощать сознание других Древних перенимая их силу знания память Он был абсолютным хищником»

«В последней битве он победил всех своих собратьев одного за другим. Он пожрал их сущности их разумы оставив лишь пустые оболочки Их тела он использовал для строительства своей цитадели здесь в Шушморе, которая стала центром его империи страха».

«Но его собственная сила стала его проклятием», — старик поднял взгляд на нас. «Сознание стольких существ собранное воедино оказалось слишком сложным даже для него Оно начало разрушать его собственный разум Он понял что если продолжит поглощать других то окончательно потеряет себя растворится в хаосе чужих мыслей».

«И тогда он совершил величайший акт самопожертвования или величайшее преступление против природы Он отделил свой собственный разум от тела Свою личность свою волю

свое "Я" Он поместил свой мозг сюда», — Иван Петрович постучал пальцем по рисунку. «А тело похоронил глубоко под землей запечатав своей кровью чтобы никто никогда не смог воссоединить их».

В комнате повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением систем жизнеобеспечения бункера.

«Камень-Свидетель это не просто артефакт Это саркофаг Его мозг все еще жив все еще мыслит все еще видит через разломы между мирами Он спит но его сон подобен бодрствованию Он видит наши кошмары Он питается ими поддерживая барьер который сам же когда-то создал чтобы удержать своих врагов которые теперь стали частью его самого»

Я вспомнил слова Ивана Петровича, сказанные ранее: "Печать — это живой организм, паразитирующий на человеческих эмоциях".

Теперь я понял смысл этих слов.

Глеб встал со стула и начал ходить по комнате как загнанный зверь: «Значит тот, кто сломал Печать тот, кто похитил Ключ-Тень...».

Иван Петрович закончил за него: «Он знает правду. Он ищет тело Того-Кто-Видит-За-Гранью. Он хочет воссоединить голову с телом воскресить абсолютное зло, которое когда-то пожрало целую расу богов».

Внезапно рация на поясе Глеба ожила. Это была открытая частота без шифрования. Голос говорившего был искажен помехами, но интонация была ясна холодная расчетливая уверенность человека, который уже победил.

«Глеб ты слышишь меня? Я знаю, что слышишь. Я знаю, что ты сейчас сидишь там внизу со своими стариками пытаюсь понять, что происходит. Позволь мне сэкономить твое время Я нашел то, что искал Я знаю где находится тело. И скоро я верну ему то, что принадлежит ему по праву».

Голос сделал паузу, а затем продолжил с нотками садистского удовольствия: «Кстати привет твоему новому другу Я видел его у Сердца Болот Славная жертва, Печать приняла его, Она пометила его. Ты чувствуешь это Глеб? Чувствуешь, как истончается ткань реальности? Как рвутся нити мироздания? Рассвет будет незабываемым...»

Связь оборвалась.

Глеб посмотрел на меня Его серые глаза были полны отчаяния: «Ты понимаешь, что это значит? Он знает о тебе, Он следит за тобой Ты ключ ко всему этому Ты часть узора, который он плетет»

Иван Петрович тоже смотрел на меня, но во взгляде старика было не отчаяние, а научный интерес: «Твоя кровь активировала Камень-Свидетеля, но не смогла пробудить его полностью, почему? Возможно, потому что ты связан не только с Печатью, но и с тем кто хочет её сломать. Возможно, вы оба части одного уравнения возможно вы..."

Он не успел закончить фразу.

Бункер снова содрогнулся. Но на этот раз это была не дрожь реальности. Это был физический удар снаружи по маскировке убежища. Кто-то огромный бил по бетонным стенам таранил их пытаясь проникнуть внутрь.

Защитный контур истошно запищал, сигнализируя о перегрузке.

Глеб схватил свой посох: «Они нашли нас Вестники больше не сдерживаются Иван Петрович запускать протокол эвакуации!»

Старик бросился к панели управления нажимая кнопки одну за другой По бункеру разнесся механический голос системы безопасности:

«Внимание Активирован протокол "Исход". Эвакуация через резервный тоннель».

Часть стены рядом со стеллажами отъехала в сторону открывая темный узкий проход ведущий вниз.

Мы побежали к тоннелю, но было уже поздно. Стена бункера не выдержала удара. В помещение хлынул зеленый туман, а вместе с ним вошли они.

Вестники были ужасны. Они были похожи на людей, но лишь отдаленно. Их тела были полупрозрачными сотканными из той же субстанции, что и туман. Они парили над полом, их длинные конечности заканчивались когтями, которые оставляли фосфоресцирующие следы на бетоне. Но самое страшное были их глаза. Огромные черные провалы, которые смотрели прямо в душу, выворачивая её наизнанку.

Их было трое. Они остановились у пролома, оценивая обстановку. Их внимание было приковано ко мне. Я почувствовал, как невидимые щупальца проникают в мой разум, пытаясь найти там страх, отчаяние, слабость, чтобы питаться ими, чтобы превратить меня в пустую оболочку.

Я закричал от боли, которая была хуже любой физической пытки.

И тут произошло чудо.

Моя кровь, оставшаяся на рукаве куртки после ритуала у Камня-Свидетеля, начала светиться. Неярким серебристым светом, таким же каким светился монолит. Свет отталкивал Вестников. Они зашипели, как кошки, которых облили кипятком, отступая назад в туман.

Глеб увидел это. Его глаза расширились от понимания: «Иван Петрович, он прав! Он связан со Свидетелем! Его кровь — это ключ!»

Старик кивнул, лихорадочно собирая какие-то свитки, приборы в походную сумку: «Тогда уводи его! Я задержу их, сколько смогу!»

Глеб схватил меня за руку, практически силой заталкивая в темный проход тоннеля: «Нет времени спорить! Беги!»

Я обернулся. Последний взгляд назад запечатлел картину, которая навсегда врезалась мне в память. Иван Петрович, стоящий посреди бункера, окруженный тремя парящими тенями. Он поднял руки к потолку, произнося слова на древнем гортанном языке, а вокруг него воздух начал искриться, кристаллизироваться, превращаясь в ледяной кокон, который должен был стать его гробницей.

А затем тоннель круто пошел вниз. Тьма поглотила все звуки внешнего мира. Стихли, оставив лишь наше тяжелое дыхание и стук сердца, которое, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

Мы бежали долго. Тоннель петлял, ветвился, уходил всё глубже под землю. Воздух становился всё более спертым, влажным, пахло сыростью, тленом, чем-то древним, запретным. Наконец спуск закончился. Мы оказались в огромной естественной пещере. Сталактиты свисали с потолка, как клыки исполинского зверя, а посреди пещеры протекала подземная река, черная, маслянистая вода, которой казалось, поглощала даже тот слабый свет, что давали наши фонари.

Глеб остановился, тяжело дыша. Он оперся на посох, глядя на черную воду реки: «Это Путь Теней. Древняя дорога, проложенная еще до прихода людей. Она ведет к одному из запасных убежищ Ордена».

Он посмотрел на меня. В его взгляде смешались усталость, решимость и что-то похожее на жалость: «Ты многое узнал сегодня. Но самое главное еще впереди. Теперь ты знаешь, что такое Шушмор. Теперь ты знаешь, что стоит на кону. Вопрос лишь в том, готов ли ты идти до конца?»

Я посмотрел на свои руки, на светящуюся кровь на рукаве, вспомнил видение внутри Камня-Свидетеля, вспомнил голос того, кто звонил по рации, вспомнил безликих слуг Древнего, вспомнил жертву Ивана Петровича.

И я понял, что пути назад действительно нет. Что я уже никогда не буду прежним. Что сон стал явью, а явь превратилась в кошмар, из которого нет пробуждения.

Я выпрямился, глядя Глебу прямо в глаза: «Я готов. Ведите меня».

Он кивнул удовлетворенный моим ответом: «Хорошо Тогда нам нужно пересечь реку. Это будет непросто Вода здесь не просто вода Она живая Она помнит всё. Она попытается забрать твои воспоминания твою личность Она попытается сделать тебя частью себя».

Он достал из складок плаща маленький флакон из темного стекла, наполненный светящейся жидкостью: «Выпей это Зелье Забвения Оно защитит твой разум создаст барьер между тобой и рекой. Но оно имеет побочный эффект. Ты забудешь часть своего прошлого. Возможно, важные моменты твоей жизни до Шушмора. Но это малая цена за спасение души».

Я взял флакон, холодное стекло обожгло пальцы. Я посмотрел на черную воду реки, которая, казалось, смотрела на меня в ответ ожидая моего решения ожидая моей слабости.

И я выпил содержимое одним глотком. Жидкость была горькой со вкусом полыни озона и чего-то металлического Голова закружилась мир вокруг поплыл. На мгновение я почувствовал, как тысячи чужих голосов шепчут мне забытые тайны потерянные жизни несбывшиеся мечты, а затем всё стихло наступила звенящая тишина.

Память действительно начала таять. Детство школа друзья лица родных всё становилось размытым неясным как старый фотоснимок. Но вместе с личными воспоминаниями ушла и боль ушла паника остался лишь холодный ясный разум готовый к действию.

Глеб одобрительно кивнул, увидев изменения в моих глазах: «Отлично Теперь ты готов Пошли».

Он достал из рюкзака небольшую резиновую лодку ярко-оранжевого цвета, которая казалась здесь абсолютно неуместной инородным предметом из другого мира, Мы надули её с помощью компактного насоса Глеб первым ступил в лодку протянул мне руку помогая забраться оттолкнулся посохом от берега.

Черная вода тихо плескалась о борта лодки Река несла нас вперед течение было быстрым, но плавным. Пещера вокруг сужалась потолок опускался всё ниже. Сталактиты почти смыкались со сталагмитами образуя причудливые колонны похожие на окаменевших гигантов, замурованных заживо.

Внезапно вода вокруг лодки забурлила. Из глубины поднялись пузыри газа лопааясь с мерзким звуком похожим на смех. Затем прямо перед носом лодки из воды высунулась рука. Человеческая рука бледная, распухшая от воды, но живая. Она ухватила за борт лодки пытаясь подтянуться.

За ней появилась вторая рука затем голова. Существо, которое когда-то могло быть человеком смотрело на нас пустыми глазницами кожа слезала клочьями обнажая мышцы, но самое страшное было то, что оно улыбалось той самой безумной улыбкой, которую я видел у человека-лампы на дороге.

«Добро пожаловать домой...» прошептало оно голосом, который звучал прямо у меня в голове голосом Ивана Петровича голосом девочки-призрака голосом тысяч пропавших душ «Мы все здесь Мы все часть реки Присоединяйся к нам...»

Существо потянулось ко мне своими гниющими пальцами пытаясь коснуться моего лица. Я отшатнулся, но лодка качнулась угрожая перевернуться.

Глеб среагировал мгновенно. Он поднял посох направил наверх на тварь. Произошла вспышка ослепительно белого света Тварь завизжала голосом, который уже не был человеческим отпустила борт лодки и погрузилась обратно в черную воду оставив после себя лишь маслянистое пятно да запах гнили.

Мы плыли молча остаток пути Река вынесла нас к другому берегу подземному гроту, где виднелся еще один тоннель ведущий вверх. Здесь нас ждала небольшая моторная лодка, привязанная к железному кольцу в стене Глеб отвязал её завел двигатель, который заработал неожиданно тихо

Этот путь занял гораздо меньше времени. Вскоре мы выплыли в небольшое озеро, окруженное скалами. Над нами виднелось отверстие пещеры, сквозь которое пробивался тусклый дневной свет. Мы выбрались из лодки мокрые замерзшие, но живые поднялись по вырубленным в скале ступеням наружу.

Мы оказались на берегу лесного озера километрах в десяти от Урочища Шушмор. Солнце уже клонилось к закату окрашивая небо в багровые тона. Лес вокруг выглядел обычным мирным подмосковным лесом. Ничто не напоминало о том безумии, которое творилось всего несколько часов назад. Ничто, кроме знания, которое теперь жило внутри меня.

Глеб привел меня к старому охотничьему домику, стоящему на сваях прямо над водой. Здесь было припасено всё необходимое: сухая одежда, еда, оружие, аптечка. Я переделал рану на руке, которая уже начала затягиваться удивительным образом, оставляя лишь тонкий белый шрам, напоминающий символ Печати.

Когда мы сидели у костра, разведенного внутри домика, ели консервы, пили горячий чай, Глеб наконец заговорил о главном: «Теперь, когда ты знаешь правду, ты должен решить: кем ты хочешь быть: Жертвой Охотником Или приманкой?»

Я посмотрел на огонь, пляшущий языки которого отбрасывали на стены домика причудливые тени, похожие на тех безликих тварей из леса: «Я хочу остановить того, кто всё это начал. Я хочу найти тело Того-Кто-Видит-За-Гранью раньше, чем это сделает наш враг».

Глеб улыбнулся впервые за весь день искренне, без тени той ледяной маски, которую он носил обычно: «Я так и думал. Ты прошел проверку рекой. Ты сохранил волю, значит ты действительно часть узора, значит у нас еще есть шанс».

Он достал карту, расстелил её на полу. Карта была старой, очень детальной. На ней Урочище Шушмор было очерчено красным кругом. Внутри круга были нанесены древние символы, точки расположения артефактов Печати. А рядом с одной из точек стоял знак вопроса. Сделанный свежими чернилами поверх выцветших линий карты.

«Здесь», — Глеб ткнул пальцем в знак вопроса. «Здесь, согласно древним текстам, должно находиться тело Того-Кто-Видит-За-Гранью. Глубоко под землей. Под старым капищем, которое сейчас затоплено болотом, но наш враг тоже знает об этом, и он опережает нас».

Он достал компас странной конструкции. Вместо стрелки у него был кристалл, похожий на тот, что был в Сердце Болот, только меньшего размера. Кристалл пульсировал слабым красным светом, медленно вращаясь вокруг своей оси: «Это компас, настроенный на Ключ-Тень. Наш враг носит ключ при себе. Компас приведет нас к нему. А через него мы найдем путь к телу».

Кристалл указывал направление северо-восток. Туда, где болота Шушмора становились совершенно непроходимыми. Туда, где по слухам находилась Зыбучая Топь, место, откуда никто никогда не возвращался.

Мы вышли из домика, когда совсем стемнело. Небо было чистым, звезды сияли ярко, как никогда. Но эти звезды казались мне чужими, незнакомыми созвездиями, которые складывались в зловещие узоры, которые я видел во сне внутри камня.

Мы шли всю ночь. Компас вел нас через лес, обходя топи, овраги, буреломы. Лес вокруг жил своей ночной жизнью. Но теперь я слышал другие звуки. Слышал шепот деревьев, который складывался в слова, слышал скрип ветвей, который был похож на смех, слышал далекий гул, который был дыханием спящего под землей бога.

К утру мы вышли к краю Зыбучей Топи. Это было огромное пространство, покрытое изумрудно-зеленой ряской. Поверхность казалась твердой, обманчиво спокойной. Но местами, сквозь ряску, проступали пузыри газа, а кое-где торчали корявые ветви мертвых деревьев, похожие на руки утопленников, молящие о спасении, которое никогда не придет.

Компас пульсировал всё сильнее. Кристалл вращался, быстрее указывая прямо в центр топи. Туда, где над поверхностью ряски виднелось нечто похожее на полусгнившие крыши избышек или верхушки каменных идолов затопленной деревни.

Наш враг был там. И судя по интенсивности свечения компаса он уже начал ритуал воссоединения.

Мы стояли на краю бездны глядя на зеленую гладь, которая скрывала под собой древние тайны и первобытный ужас. Впереди был самый трудный путь. Путь откуда нет возврата. Путь, который должен был привести либо к спасению мира, либо к его окончательной гибели Третьего не дано.

Я сделал шаг вперед. Чувствуя, как болотная жижа засасывает ботинки. Чувствуя, как реальность снова начинает истончаться. Готовясь шагнуть навстречу судьбе, которая была предначертана мне задолго до моего рождения задолго до того, как первый человек увидел звезды над Урочищем Шушмор.

Позади остался мир, который я знал. Впереди ждала тьма, которую невозможно представить. И где-то там глубоко под толщей ила спало существо чей разум породил кошмары человечества. Чей сон поддерживался страхом миллионов. Чье пробуждение означало конец всего сущего.

И я шел чтобы остановить это. Или умереть, пытаясь сделать это. Потому что теперь я знал правду. Правда была страшнее любого вымысла. Правда была ужасом, который жил рядом с нами миллионы лет терпеливо ожидая своего часа. И этот час настал...

Зыбучая Топь встретила нас не криками и не воем, а абсолютной, всепоглощающей тишиной. Это было молчание могилы, в которой погребены не только тела, но и само понятие звука. Даже наши шаги по пружинящему, поросшему ядовито-зелёным мхом краю болота казались кошунственно громкими. Воздух здесь был густым, горячим и липким, словно сироп, сваренный из гнили и застоявшейся воды. Он забивал лёгкие, вызывая тошноту и головокружение.

Компас в руках Глеба превратился в пульсирующее сердце тьмы. Кристалл вращался с бешеной скоростью, отбрасывая на ряску и наши лица алые сполохи, похожие на отблески адского пламени. Он тянул нас вперёд, в самый центр трясины, где над поверхностью лениво колыхались призрачные испарения, складываясь в гротескные, постоянно меняющиеся фигуры.

— Идём по моим следам. Строго в них, — голос Глеба был хриплым шёпотом. — Один неверный шаг — и болото не отдаст даже костей. Оно переварит тебя, растворит твою сущность, превратив в ещё один пузырек газа на этой проклятой глади.

Он сделал первый шаг. Под его весом зелёный ковёр прогнулся, образовав глубокую чашу, наполненную мутной водой, но выдержал. Глеб медленно перенёс вес тела на другую ногу и сделал второй шаг. Мы двинулись следом, словно процессия слепцов, ведомых единственным зрячим поводырём через царство вечной ночи.

Мир сузился до размеров крошечного пяточка твёрдой земли под ногами и спины идущего впереди Глеба. Я старался не смотреть по сторонам, но периферийное зрение улавливало движение там, где его быть не должно. Ряска расступалась перед нами, образуя узкую тропу, и тут же смыкалась позади, стирая наши следы. Но иногда мне казалось, что она смыкается слишком быстро, словно нечто невидимое идёт за нами по пятам, наступая нам на пятки.

Временами из глубины болота доносились звуки: глухие, утробные всплески, будто кто-то огромный ворочался в илистом ложе; протяжные стоны, похожие на скрип вековых деревьев под ураганным ветром; и тихий, монотонный шёпот на языке, который существовал задолго до появления человека. Этот шёпот проникал прямо в мозг, минуя уши, и нёс с собой образы: города из чёрного базальта под чужими звёздами, ритуалы с участием существ, чья анатомия противоречила всем законам природы, и взгляд — древний, безжалостный взгляд из бездны.

Зелье Забвения защищало мой разум от полного распада под этим ментальным напором, но оно не могло заглушить первобытный ужас, поднимающийся из самых глубин подсознания. Я чувствовал себя насекомым, ползущим по спине спящего дракона. Одно неверное движение — и дракон проснётся.

Спустя вечность (или несколько часов — время здесь потеряло всякий смысл) мы достигли цели. Компас в руке Глеба вспыхнул ослепительно-белым светом и выпал из его пальцев, погрузившись в трясину без единого звука. Мы стояли на краю небольшого островка — единственного клочка твёрдой земли в радиусе видимости.

В центре островка возвышался идол. Это было не творение человеческих рук. Статуя была высечена из цельного куска чёрного обсидиана (или материала, лишь имитирующего его), и её поверхность была идеально гладкой, отполированной до зеркального блеска неведомой силой. Идол изображал существо с телом человека (если можно назвать телом эту мешанину лишних конечностей и искажённых пропорций), но его голова... Голова представляла собой клубок извивающихся щупалец, в центре которого зияла дыра — не рот и не глазница, а абсолютная пустота.

У подножия идола горел костёр. Но это был не обычный огонь. Пламя было холодным, сине-зелёным, оно не давало тепла, а лишь высасывало свет из окружающего пространства, создавая вокруг себя ореол сгущающейся тьмы. Рядом с костром стоял человек.

Он был одет в длинный кожаный плащ, похожий на тот, что носил Глеб, но если одежда моего спутника выглядела потрёпанной и функциональной, то этот плащ был произведением искусства: идеально скроенный из дорогой кожи с серебряной вышивкой, изображающей те же символы, что я видел на камнях Печати. На голове у него не было шляпы, и я увидел его лицо.

Он был молод — вряд ли старше тридцати лет. Черты его лица были правильными, почти аристократическими: высокие скулы, прямой нос, волевой подбородок. Но эта красота была холодной и неживой, как у мраморной статуи. Глаза... Глаза были его главной особенностью. Они были разного цвета: один — пронзительно-голубой, как лёд на зимнем озере; другой — абсолютно чёрный, без зрачка и радужки, похожий на отполированный оникс.

Он обернулся на звук наших шагов (или просто почувствовал наше присутствие) и улыбнулся. Улыбка была вежливой, дружелюбной улыбкой хозяина дома, приветствующего долгожданных гостей.

— А! Глеб! Я ждал тебя. И ты привёл с собой... нашего юного друга с кровью Свидетеля на руках? Как предусмотрительно.

Его голос был мягким и мелодичным, но в нём слышались нотки снисходительности и скрытого презрения.

— Назови своё имя! — голос Глеба дрожал от едва сдерживаемой ярости. Он поднял посох, направив наверх на незнакомца.

Человек в плаще театрально поклонился: у меня много имён. Для Ордена я — Отступник. Для тех тварей внизу — Вестник Пробуждения. Но ты можешь звать меня... Алексей.

— Что ты делаешь? — Глеб сделал шаг вперёд. — Ты нарушаешь Печать! Ты выпускаешь Его! Ты погубишь всех!

Алексей рассмеялся. Смех был звонким и совершенно безумным. Погублю? Глеб, ты всё ещё мыслишь категориями смертных! «Погубить», «спасти» ... Это лишь временные состояния материи! Я не разрушаю Печать. Я восстанавливаю справедливость! Я возвращаю миру его истинного хозяина!

Он сделал жест рукой в сторону идола: — Смотри! Разве он не прекрасен? Разве он не достоин править этим жалким муравейником?

Я проследил за его взглядом и увидел то, чего не заметил раньше. В зеркальной поверхности идола отражалось не наше искажённое ужасом лицо и не костёр за спиной Алексея. В нём отражалось небо. Небо с чуждыми созвездиями и двумя лунами — одна багровая, другая цвета гниющей зелени.

— Ты безумен! — прошипел Глеб.

— Безумен? — Алексей картинно прижал руку к груди. — Нет. Я просто вижу дальше вашего носа. Вы цепляетесь за этот мирок как дети за сломанную игрушку. А я вижу величие за гранью! Я вижу гармонию хаоса!

Он достал из складок плаща тот самый Ключ-Тень — золотой артефакт причудливой формы. Печать была тюрьмой для Него... но она была клеткой и для нас! Для нашего потенциала! Мы могли бы стать богами рядом с Ним! Его слугами... или Его аватаром!

Алексей повернулся к идолу и вставил Ключ-Тень в углубление у его основания. Раздался звук лопнувшей струны — тихий, но пробирающий до костей. Поверхность идола пошла трещинами.

— Остановись! — крикнул Глеб и бросился вперёд.

Но было поздно. Трещины расширились, превращаясь в разломы, из которых хлынул не свет и не тьма... а отсутствие. Абсолютная пустота начала вытекать из статуи, поглощая всё вокруг себя. Костёр погас мгновенно, словно его втянуло в невидимую воронку.

Мир вокруг нас начал рушиться в буквальном смысле слова. Болото вокруг островка забурлило с невероятной силой. Огромные пузыри газа лопались со звуком пушечных выстрелов. Вода закручивалась гигантскими водоворотами.

А затем идол раскололся пополам с оглушительным грохотом (который мы скорее почувствовали всем телом, чем услышали), и из него начало подниматься Оно.

Это не было телом в человеческом понимании этого слова. Это была гора живой плоти цвета мокрого ила и гниющих водорослей. У неё были десятки конечностей: одни заканчивались клешнями размером с автомобильный капот; другие — пучками щупалец с присосками; третьи были просто бесформенными отростками мяса. Тело существа постоянно менялось: то оно становилось похожим на гигантского кальмара-переростка с тысячей глаз по всему телу; то превращалось в бесформенную массу с гигантской пастью-присоской посередине.

Но самым страшным была голова... или то место, где она должна была быть. Там находился мозг — огромный пульсирующий орган серого цвета размером с грузовик-трейлер. Он был покрыт сетью пульсирующих вен и защищён полупрозрачным костяным куполом неправильной формы.

И этот мозг был живым. Он смотрел на нас тысячами глаз своих слуг-щупалец. Он видел нас насквозь: наши страхи, наши желания, наши самые грязные тайны.

— Вот Он! — голос Алексея звенел от восторга фанатика перед своим божеством. — Тот-Кто-Видит-За-Гранью! Спящий Бог Шушмора!

Существо медленно повернуло свою титаническую массу в нашу сторону (если у него вообще было понятие «стороны»). От него исходила волна такой концентрированной ненависти и голода, что я упал на колени, хватаясь за горло в приступе удушья.

Глеб схватил меня за шиворот: бежим! Немедленно!

Мы бросились назад по тропе через болото так быстро, как только позволяла предательская почва под ногами. Позади нас раздавался звук ломающихся деревьев (это существо выбиралось из своего логова) и восторженный смех Алексея: — Бегите! Бегите! Вы всё равно не убежите от судьбы!

Мы бежали вслепую через туман и топь. Я слышал позади себя чавканье гигантских конечностей по грязи и скрежет когтей по стволам деревьев там, где тварь прокладывала себе более короткий путь через лес.

Внезапно тропа под ногами исчезла. Я почувствовал, как начинаю проваливаться в трясины по колено... затем по пояс...

Глеб обернулся: — Держись!

Он протянул мне посох: — Хватайся!

Я ухватился за древко посоха свободной рукой (вторая была прижата к груди). Глеб уперся ногами в кочку невероятным усилием вытащил меня обратно на тропу.

Мы продолжили бегство уже молча экономя дыхание. Болото казалось бесконечным лабиринтом ведущим в никуда. Но компас исчез, а кристалл в посохе Глеба теперь светился ровным белым светом указывая путь к спасению.

Наконец мы выбрались на твёрдую землю Лес здесь был другим. Не таким искривлённым как в глубине Шушмора Здесь деревья стояли ровно, но их кора была покрыта странным белёсым мхом похожим на плесень, а листья имели нездоровый фиолетовый оттенок.

Мы упали у подножия огромного дуба пытаясь отдышаться Сердце колотилось где-то в горле лёгкие горели огнём

— Что это было?.. — прохрипел я когда смог говорить

Глеб сидел прислонившись спиной к дереву Его лицо было серым от усталости а руки дрожали когда он вытирал пот со лба:— То что мы видели это лишь малая часть Его аватар Его физическое воплощение которое Он создал чтобы взаимодействовать с материальным миром Его настоящий разум Его истинная мощь всё ещё спит там внизу под толщей ила Но теперь когда Алексей сломал Печать Он просыпается И когда Он проснётся полностью...

Он не закончил фразу да этого и не требовалось Я видел достаточно чтобы представить себе этот апокалипсис

— Кто такой Алексей? Почему он предал Орден?

Глеб горько усмехнулся:— Алексей был лучшим из нас Самым талантливым самым преданным делу Он мог чувствовать потоки энергий понимать язык камней Он был рожден для этой войны Но его погубила гордыня Он решил что мы не должны просто охранять Печать Мы должны использовать её силу Он хотел стать первым кто прикоснется к могуществу Древних не понимая что это прикосновение сжигает душу дотла оставляя лишь пустую оболочку наполненную чужим безумием.

Я вспомнил глаза Алексея один голубой другой чёрный Разные глаза признак связи с иным миром

— Что нам делать теперь? Мы должны вернуться остановить его!

Глеб покачал головой:— Мы ничего не можем сделать против Него напрямую. Даже все силы Ордена, вместе взятые ничто перед пробуждающимся богом. Но, мы можем сделать другое. Мы можем найти способ воссоединить голову с телом раньше, чем это сделает Алексей.

Я непонимающе уставился на него:— О чём ты говоришь? Камень-Свидетель уничтожен Иван Петрович...

Глеб посмотрел мне прямо в глаза В его взгляде была стальная решимость человека которому нечего терять:— Камень-Свидетель это тюрьма для разума Тела там нет Иван Петрович пожертвовал собой чтобы дать нам время Но он успел передать мне информацию Перед смертью он активировал протокол «Голова» Он отправил сообщение нашим агентам в других точках силы По всему миру Они ищут тело Того-Кто-Видит-За-Гранью

Он достал из кармана маленький свиток из странного материала похожего на обработанную кожу, но явно не принадлежавшего ни одному известному животному Свиток был запечатан восковой печатью с символом Ордена

— Здесь координаты места, где может быть захоронено тело. Согласно древним текстам, оно находится не здесь не в Шушморе а гораздо дальше к востоку. В месте, которое люди называют Медведева Пустошь Проклятая земля, где время течёт вспять, где люди пропадают бесследно, где сама реальность искажена.

Я вспомнил старые байки о Медведевой Пустоши. Место, которое обходят стороной даже самые отчаянные сталкеры. Место, о котором ходят слухи один страшнее другого.

— Почему ты думаешь, что тело там?

Глеб развернул свиток. На нём была нарисована карта местности, но карта была живой. Линии двигались, горы меняли очертания, реки текли в обратную сторону. А в центре карты пульсировала точка, отмеченная символом, похожим на тот, что был на Ключ-Тени.

— Потому что так сказал Свидетель. Перед тем как уйти он показал мне это место. Своим разумом, Он чувствует, тело чувствует притяжение между разумом и плотью. Это как магнит, который тянет железо через все преграды. Через пространство, через время. Через измерения.

Внезапно кристалл в навершии посоха Глеба вспыхнул ярче прежнего. Затем ещё раз. Затем начал пульсировать короткими резкими вспышками как сигнал SOS.

Глеб мгновенно вскочил на ноги. Его лицо стало жёстким как камень: — Они нашли нас. Вестники идут по следу. Алексей знает, что мы живы. И он знает, что мы задумали. Он пошлёт их чтобы остановить нас.

Он быстро свернул свиток, убрал его во внутренний карман плаща: — У нас есть форас максимум. Нужно добраться до машины. Она спрятана у старой лесопилки в пяти километрах отсюда. Там есть оружие, припасы, карта Медведевой Пустоши.

Мы снова двинулись в путь, но теперь лес казался нам ещё более враждебным. Каждый шорох, каждая тень, каждая капля росы, стекающая с ветки, казались предвестниками приближающейся гибели. Мы шли быстро, стараясь производить как можно меньше шума, но я чувствовал, что это бесполезно. Они знали где мы. Они чувствовали наш страх. Они шли за нами как гонимые псы, идут по кровавому следу.

Через полчаса пути мы вышли к старой заброшенной лесопилке. Ржавые корпуса грузовиков, заросшие кустарником, гнилые доски покосившиеся строения. Всё выглядело так словно это место покинули лет пятьдесят назад.

Но Глеб уверенно направился к одному из сараев, который выглядел чуть менее ветхим чем остальные. Он подошёл к стене, приложил ладонь к доскам, прошептал несколько слов. Доски замерцали, контуры сарая поплыли как горячий воздух над асфальтом. И через мгновение перед нами стоял вполне современный гараж со стальными воротами.

Глеб набрал код на панели рядом с дверью. Ворота с тихим гулом поднялись. Внутри стоял внедорожник, накрытый брезентовым чехлом. Мы быстро сняли чехол, забросили в багажник рюкзаки, оружие, сели в машину. Глеб завёл двигатель, который завёлся с пол-оборота, несмотря на долгое бездействие.

Мы выехали на старую лесную дорогу, которая вела к шоссе. До свободы оставалось около десяти километров езды по пересечённой местности. Десять километров, которые могли стать последними в нашей жизни.

Первые пять километров прошли относительно спокойно. Лес проносился мимо окон машины сплошной зелёной стеной. Затем я заметил движение в зеркале заднего вида. Что-то тёмное мелькнуло между деревьями, преследуя нас.

Я указал Глебу назад: — Смотри!

Он глянул в зеркало заднего вида. Его лицо помрачнело: — Пригнись!

Я едва успел пригнуться ниже уровня окна, как заднее стекло внедорожника разлетелось, взорвавшись, осыпав меня градом мелких осколков. В салон ворвался ледяной ветер, пахнущий озоном, тленом и чем-то ещё, чем-то химически резким, невыносимым.

В разбитое окно просунулась длинная, суставчатая конечность, заканчивающаяся когтем размером с мачете. Коготь полоснул по спинке пассажирского сиденья, разрывая обивку как бумагу.

Глеб резко вывернул руль. Машина пошла юзом по грязи, затем выровнялась. Он нажал какую-то кнопку на приборной панели. Из крыши внедорожника выдвинулась турель с каким-то футуристическим оружием, напоминающим многоствольный пулемёт, но вместо патронов там были вставлены кристаллы, похожие на тот, что был в посохе.

Глеб нажал гашетку. Оружие издало звук похожий на треск разрываемой реальности. Затем последовала серия вспышек ослепительно-белого света, которые ударили по лесу позади нас. Раздался визг полный боли и ярости Конечность убралась из окна.

Но преследователей это не остановило. Их было много. Они бежали параллельно дороге перепрыгивая с дерева на дерево Их движения были нечеловечески быстрыми плавными. Они были похожи на огромных пауков или обезьян, но их тела были полупрозрачными сотканными из того же тумана что окутывал Шушмор.

Один из них прыгнул прямо на капот машины Его «лицо» прижалось к лобовому стеклу. Это было ужасное зрелище Гладкая кожа без черт, искажённая гримасой вечного голода Пасть раскрылась, обнажая ряды игольчатых зубов, которые оставляли на стекле фосфоресцирующие царапины.

Глеб снова открыл огонь Вспышки света отбросили тварь прочь. Она покатилась по дороге оставляя за собой дымящийся след, но тут же вскочила на ноги готовая к новому прыжку

Мы вылетели из леса на открытое пространство. До шоссе оставалось около километра. Это было широкое поле, заросшее высокой травой, казалось спасение близко.

Но поле оказалось ловушкой. Как только колёса внедорожника коснулись травы почва под ней начала проседать, образуя круги похожие на те, что бывают на воде, но здесь это была земля Она расходилась волнами Машина клюнула носом, Мы погружались в трясину, замаскированную под обычное поле.

Глеб выругался ударил по газам Внедорожник рванулся вперёд, разбрасывая комья грязи Колёса бешено вращались, разбрызгивая болотную жижу, но машина лишь глубже увязала, Мы погружались всё быстрее, Вода уже доходила до порогов.

Твари из леса настигли нас. Они окружили тонущую машину прыгали по крыше били конечностями по стёклам пытаясь добраться до нас. Их когти оставляли глубокие борозды на металле, лобовое стекло покрылось сетью трещин.

Глеб схватил рюкзак открыл дверь вода хлынула внутрь ледяным потоком. Он вытащил меня за шиворот мы выбрались на крышу машины, которая уже наполовину ушла под воду. Твари приближались, сужая круг Их глаза-дыры светились голодным предвкушением.

Глеб достал из рюкзака какой-то предмет. Это был небольшой металлический шар, покрытый рунами. Он активировал его, нажав на определённую последовательность символов Шар начал вращаться, издавая низкий гул, который становился, всё выше переходя в ультразвук Твари замерли Их полупрозрачные тела задрожали от этого звука, который видимо причинял им невыносимую боль.

Воспользовавшись их замешательством, Глеб схватил меня за руку: — Прыгай!

Мы прыгнули, изо всех сил стараясь достичь ближайшего островка относительно сухой земли. До него было метра три-четыре Невероятное расстояние, когда стоишь по пояс в трясине. Но страх придал нам сил Чудом мы долетели до цели упали животами на твёрдую почву отползая подальше от края топи.

Внедорожник полностью скрылся под водой. На поверхности остались лишь пузыри да масляное пятно. Затем вода забурилась. Это твари добрались до добычи. Они рвали машину на части их визг смешивался со звуком раздираемого металла.

Глеб тем временем активировал шар полностью. Тот взлетел над нашими головами зависнув в воздухе. Затем он взорвался беззвучной вспышкой белого света. Свет залил всё поле выжигая туман испаряя болотную жижу Твари завизжали так что кровь пошла из ушей их тела начали распадаться, превращаясь в клубы чёрного дыма, который тут же рассеивался ветром.

Когда свет погас мы остались одни посреди дымящегося поля Машина исчезла Оружие припасы карта Медведевой Пустоши всё пропало. У нас остались только одежда посох да тот свиток что Глеб хранил во внутреннем кармане плаща промокшем, но целым.

Мы сидели на земле грязные уставшие до предела, но живые Мы выиграли этот раунд, но цена была высока. Мы потеряли транспорт средства связи большую часть ресурсов. Теперь мы были отрезаны от мира предоставлены сами себе посреди враждебной территории преследуемые пробуждающимся богом и его безумным слугой.

Но самое страшное было то, что я чувствовал. Оно приближалось. Не физически, а ментально Его пробуждение вызывало резонанс во всём мире, Границы между измерениями истончались, Кошмары становились реальностью, Реальность становилась кошмаром, Я чувствовал, как меняется само мироздание как законы физики уступают место законам хаоса.

Глеб посмотрел на меня. Его глаза были полны решимости отчаяния и странной надежды: «Мы потеряли машину. Но мы живы. А пока мы живы надежда есть. Нам нужно идти. К Медведевой Пустоши десятки километров пешком. Через лес. Через топи. Но другого пути нет».

Я кивнул поднялся на ноги чувствуя, как каждый мускул протестует против движения. Я посмотрел назад туда, где остался Шушмор. Там над лесом поднималось зарево. Не от пожара. А от чего-то иного. От света чужих звёзд. От сияния пробуждающегося ужаса. Там творилась история, которая станет концом человечества если мы проиграем.

Я перевёл взгляд вперёд. Там куда указывал компас интуиция тот зов, который теперь жил внутри меня. Там была Медведева Пустошь. Место, где спало тело бога. Место, которое должно было стать полем последней битвы. Войны за разум Войны за реальность Войны за право существовать.

Я сделал первый шаг по направлению к востоку. Земля под ногами казалась твёрдой, но я знал, что это иллюзия Весь мир теперь был болотом зыбучей топью иллюзией, созданной спящим разумом чтобы скрыть свою истинную природу. Природу хищника. Природы бога

, который пожирает миры.

Рядом со мной шагал Глеб Посох в его руке был единственным источником света в сгущающихся сумерках Свиток во внутреннем кармане плаща был нашей единственной надеждой А впереди лежала тьма неизвестности которую невозможно измерить которую невозможно понять Которую можно только принять или отвергнуть Вступить в неё или бежать от неё до самого конца пока бездна не достигнет тебя везде где бы ты ни спрятался.

И мы шли вперёд. Навстречу судьбе. Навстречу правде. Навстречу концу, который ждал всех нас всех без исключения, ибо мы все принадлежали. Ему так или иначе рано или поздно добровольно или принудительно через боль или через забвение через жизнь или через смерть через сон или через пробуждение древнего бога чьё имя нельзя произносить чьё имя нельзя знать чьё имя нельзя даже думать, ибо сама мысль о нём оскверняет разум отравляет душу разрушает реальность.

Часть 3. Пробуждение Бездны.

«Я видел бездну, и она смотрела на меня в ответ. Я видел, как рушатся столпы мироздания, и слышал шёпот, который древнее самого времени. И я знаю теперь, что надежда — лишь иллюзия, а борьба — лишь отсрочка неизбежного конца, который был предначертан задолго до того, как первый человек поднял взгляд к звёздам».

Мы шли на восток. Наш путь лежал через леса, которые с каждым пройденным километром становились всё более чуждыми, всё более неправильными. Деревья здесь росли под неестественными углами, их ветви переплетались в узлы, напоминающие иероглифы неведомого языка. Воздух был густым и тяжёлым, пропитанным запахом озона и гнили, а небо над головой приобрело странный, зеленоватый оттенок, словно мы смотрели на мир сквозь толщу болотной воды.

Глеб молчал большую часть пути. Он шёл вперёд с упорством автомата, его взгляд был устремлён в одну точку на горизонте — туда, где на карте пульсировала точка, отмечающая Медведеву Пустошь. Я видел, что он истощён не только физически, но и духовно. Потеря убежища, гибель Ивана Петровича, уничтожение машины — всё это были не просто тактические неудачи. Это были удары по самой сути Ордена Последнего Света, по вере в то, что человечество способно противостоять силам, которые древнее самого человечества.

Я же чувствовал странное раздвоение. С одной стороны, мой разум, защищённый Зельем Забвения, оставался холодным и ясным. Я помнил цель: найти тело Того-Кто-Видит-За-Гранью раньше Алексея и воссоединить его с разумом в Камне-Свидетеле (или тем, что от него осталось). Но с другой стороны... я чувствовал Его зов. Он был тихим, едва уловимым, похожим на далёкий шёпот в ветре или на вибрацию, которую ощущаешь всем телом. Этот зов обещал покой. Обещал конец всем страхам и боли. Обещал слияние с чем-то великим и вечным.

На третий день нашего похода мы вышли к реке. Это была не та чёрная подземная река из пещеры под Шушмором. Это была обычная с виду река, широкая и полноводная, но её вода была абсолютно неподвижной, гладкой как зеркало. В ней отражалось не небо, а бесконечная чернота космоса с незнакомыми созвездиями.

— Это Река Памяти, — тихо сказал Глеб, останавливаясь у кромки воды. — Или Река Забвения. Зависит от того, с какой стороны посмотреть.

— Нам нужно переправиться? — спросил я.

— Нет. Нам нужно идти вдоль неё. Медведева Пустошь находится за ней.

Мы пошли по берегу. Зеркальная гладь реки отражала наши искажённые силуэты, и иногда мне казалось, что отражение движется само по себе, на долю секунды опережая или отставая от наших реальных движений.

К вечеру мы наткнулись на мост. Это было древнее сооружение из чёрного камня, покрытое резьбой с теми же символами, что я видел на камнях Печати. Мост был перекинут через реку идеальной дугой, и его вершина терялась в низко висящем тумане.

— Это Врата Перехода, — голос Глеба дрогнул. — Древние использовали их для перемещения между своими городами... или между мирами.

— Мы пойдём через него?

Глеб долго смотрел на мост, затем перевёл взгляд на меня. В его серых глазах я увидел вековую усталость. — У нас нет выбора. Путь в обход займёт недели, а у нас нет ни времени, ни припасов.

Мы ступили на мост. Камень под ногами был холодным и скользким. Чем дальше мы шли, тем сильнее становилось ощущение нереальности происходящего. Звуки внешнего мира стихли, сменившись низким гулом, похожим на вибрацию натянутой до предела струны.

На середине моста я остановился и посмотрел вниз, в зеркальную воду реки. И я увидел его.

Там, в глубине отражения, стоял человек в дорогом кожаном плаще. Алексей. Он смотрел прямо на меня и улыбался своей холодной, аристократической улыбкой.— Ты всё ближе к цели... — его голос звучал прямо у меня в голове, мягкий и мелодичный. — Но ты опоздал. Я уже нашёл тело.

Видение исчезло так же внезапно, как и появилось.— Что ты видел? — Глеб схватил меня за плечо.— Алексея... Он сказал, что нашёл тело.

Глеб выругался сквозь зубы и ускорил шаг.— Тогда нам тем более нужно спешить!

Мы почти бежали по мосту. Вибрация становилась невыносимой, воздух вокруг начал кристаллизоваться, превращаясь в ледяные иглы, царапающие кожу. А затем мы достигли конца моста. И мир изменился.

Мы шагнули из подмосковного леса прямо в сердце Медведевой Пустоши. Это было место вне времени и пространства. Земля здесь была серой и потрескавшейся, как высохшая глина. Небо над головой было багрово-чёрным, по нему плыли две луны: одна — цвета гноящейся раны, другая — мертвенно-бледная. Ветер здесь пах озоном и расплавленным металлом.

В центре этой мёртвой равнины возвышалась гора или курган идеально правильной пирамидальной формы. Его грани были гладкими и блестящими, словно отполированный обсидиан.— Это оно... — прошептал Глеб. — Гробница Тела.

Мы подошли ближе. У подножия кургана мы увидели их. Алексей стоял у входа в гробницу — огромной арки из чёрного камня. Рядом с ним стояли Вестники — три высокие фигуры из тумана и тьмы. А у его ног... у его ног лежало оно.

Тело Того-Кто-Видит-За-Гранью было огромным — размером с пятиэтажный дом. Оно напоминало гигантского кальмара или спрута с тысячей щупалец-конечностей из плоти и слизи. Кожа существа была бледно-серой и влажной, покрытой пульсирующими венами размером с водопроводную трубу. Но самое страшное было то место, где должна была находиться голова... Там была пустота. Идеально ровный срез шеи диаметром в несколько метров.

Алексей держал в руках Камень-Свидетель — или то, что от него осталось после ритуала у идола. Мозг внутри камня пульсировал слабым серебристым светом.— А! Глеб! И наш юный друг! Как мило с вашей стороны присоединиться к финалу этой маленькой драмы! — голос Алексея звенел от триумфа.

Глеб поднял посох:— Остановись! Ты не понимаешь, что творишь! Его пробуждение уничтожит всё! Не только этот мир — все миры!

Алексей рассмеялся:— Уничтожит? Ты всё ещё мыслишь категориями смертных! «Уничтожение», «созидание» ... Это лишь слова! Когда Он проснётся полностью, он не будет ничего уничтожать в вашем понимании этого слова... Он просто перепишет реальность по своему образу и подобию! Он создаст новый порядок из хаоса!

Он подошёл к телу и поднял Камень-Свидетель над пустотой на месте шеи:— Время пришло!

Я почувствовал это раньше всех остальных. Земля под ногами задрожала с такой силой, что мы едва удержались на ногах. Воздух наполнился электричеством настолько плотным, что волосы на голове встали дыбом. А затем из пустоты на шее тела начало формироваться нечто... Это была не плоть и не кость. Это была тьма. Абсолютная чернота такой плотности, что она казалась осязаемой. Она вытягивалась вверх как дым из трубы или как щупальце гигантского спрута из глубин океана...

Алексей вставил Камень-Свидетель в эту тьму. Раздался звук лопнувшей струны — тихий всепроникающий звук разрыва самой ткани мироздания. И Он соединился.

Тело содрогнулось от основания до кончиков щупалец-конечностей. Багрово-чёрное небо над нами расколосось пополам как треснувшее стекло. Две луны погасли одна за другой. А затем Он открыл глаза.

У Него не было глаз в привычном понимании этого слова. На нас посмотрела сама Бездна — абсолютная пустота космоса с вращающимися в ней галактиками чуждых созвездий. И этот взгляд ударил по сознанию с силой товарного поезда. Я упал на колени, хватаясь за голову руками в попытке удержать разум от распада. Я видел всё... Я видел рождение Вселенной из точки сингулярности... Я видел гибель звёзд... Я видел войны Древних Богов за триллионы световых лет отсюда... Я видел будущее этого мира — мира без солнца, без жизни, где лишь ветер гоняет пыль по руинам городов...

Глеб тоже упал рядом со мной. Его посох выпал из рук и покатился по земле. Алексей же... Алексей стоял прямо перед Ним и смеялся:— Да! Да! Я сделал это! Я вернул тебе твоё тело!

Но Тот-Кто-Видит-За-Гранью не обратил на него внимания. Его взгляд был устремлён на нас... или сквозь нас... куда-то за горизонт бытия. Затем Он заговорил. Его голос не был звуком в воздухе. Это был голос внутри головы каждого живого существа на планете (и за её пределами).

«Вы звали меня... Вы жаждали моего возвращения... Вы принесли мне дары страха и боли... Теперь узрите истинный лик реальности».

Он начал расти. Не физически — хотя его тело тоже увеличивалось в размерах — но Его присутствие начало расширяться во все стороны со скоростью мысли... Мир начал меняться вокруг нас...

Серые трещины на земле начали светиться изнутри ядовито-зелёным светом... Небо стало жидким и начало стекать вниз чёрными каплями дождя... Воздух загустел настолько, что стало трудно дышать... А самое страшное происходило с пространством...

Линии горизонта начали изгибаться... Земля под ногами стала казаться внутренней поверхностью гигантской сферы... Звёзды (те немногие что ещё были видны) начали двигаться по небу против часовой стрелки... Время пошло вспять...

Я увидел это своими глазами: как упавший посох Глеба поднялся сам собой и прыгнул ему в руку... как трещины на земле затягивались сами собой... как капли чёрного дождя летели снизу вверх обратно в небо...

Алексей наконец понял свою ошибку. Его триумфальная улыбка сползла с лица, уступив место первобытному ужасу:— Нет... Нет! Ты должен был вознаградить меня! Я твой пророк! Твой аватар!

Но Древний Бог даже не взглянул на него... Он просто подумал о нём..., и Алексей начал распадаться... Это было не физическое разрушение... Это было стирание из реальности... Его тело стало прозрачным как стекло... затем начало таять как воск над огнём... его крик оборвался на полутоне... а через мгновение от него не осталось даже пыли... Он просто перестал существовать...

Вестники попытались бежать... но бежать было некуда... Пространство свернулось само в себя как лист бумаги... Они растворились в воздухе с беззвучным воем...

Глеб схватил меня за руку:— Бежим! Пока есть шанс!

Но куда бежать? Реальность рушилась вокруг нас как карточный домик... И тут я вспомнил слова Ивана Петровича: «Печать питается страхом»... И я понял...

Страх был топливом для барьера между мирами... Но теперь барьер пал... И страх стал пищей для Него... Чтобы остановить это... нужно было лишить Его пищи... Нужно было перестать бояться... Нужно было принять неизбежное... Нужно было стать ничем...

Я посмотрел на Глеба:— Мы не можем бежать от этого... Мы должны встретить это лицом к лицу!

Глеб посмотрел на меня безумными глазами:— Ты сошёл с ума!

Возможно...Но это было единственное решение...Я отпустил его руку и сделал шаг навстречу Древнему Богу...Я закрыл глаза...И перестал бояться...Я принял тот факт, что всё кончено что мы проиграли что этот мир обречён...Я стал пустым сосудом, лишенным эмоций лишенным страха лишенным надежды...

И произошло чудо...Или то что казалось чудом в этом рушащемся мире...Давление на мой разум ослабло...Взгляд Бездны скользнул мимо меня не найдя пищи для своего голода...Я открыл глаза...Древний Бог смотрел прямо на меня но Его внимание было отвлечено...Он почувствовал отсутствие страха...И это сбilo Его концентрацию...Процесс переписывания реальности замедлился остановился а затем пошёл вспять...

Небо перестало стекать вниз трещины на земле погасли время вернулось к своему нормальному течению (если здесь вообще можно было говорить о нормальности)...Но Он всё ещё был здесь Он всё ещё был пробуждён Он всё ещё был голоден...И Он обратил свой гнев на того кто осмелился лишить Его трапезы...Он посмотрел на меня Своим взглядом Бездны намереваясь стереть меня из бытия так же как Он стёр Алексея но тут между нами встал Глеб...

Он поднял посох, который теперь светился ослепительно-белым светом ярче чем когда-либо прежде: «Ты не тронешь его!» крикнул он голосом полным отчаяния и несокрушимой воли.

Древний Бог обратил свой взор на него. На ничтожного человечка посмевающего бросить вызов богу И Глеба начало растворять. Но он держался, Он стоял до последнего направляя всю силу посоха всю свою жизненную энергию всю свою веру в защитный барьер вокруг меня.

«Беги!» прошептал он, распадаясь на атомы «Найди способ запечатать Его снова!»

А затем он исчез. Стал частью той тьмы, из которой пришёл Древний Бог.

Я остался один. Один посреди умирающего мира. Один против бога, который только что уничтожил моего единственного друга.

Древний Бог посмотрел на меня. В последний раз Я приготовился к смерти к забвению к тому, чтобы быть стёртым из ткани бытия.

Но он отвернулся. Его внимание переключилось на что-то другое. На что-то более важное чем одинокий человечек Он начал погружаться обратно в землю уходить обратно в свою гробницу, Его пробуждение было неполным Ему требовалось время чтобы накопить силы чтобы перестроить реальность под себя.

Он уходил, оставляя после себя лишь эхо своего присутствия. И это эхо говорило мне одно слово одно понятие, которое я понял всем своим существом.

«Жди...»

Мир вокруг меня окончательно стабилизировался Медведева Пустошь снова стала безжизненной равниной. Небо снова стало багрово-чёрным, но теперь оно казалось спокойным застывшим.

Я остался один. Один посреди нигде. Один со знанием, которое невозможно передать. Один с памятью о том, что произошло.

Я подобрал посох Глеба. Он был холодным и безжизненным Кристалл в намершии погас.

Я посмотрел назад туда, где остался мост ведущий домой. Но моста не было Река Памяти исчезла, оставив после себя лишь сухое русло.

Я был заперт здесь. Заперт в Пустоши. Заперт вне времени.

Но я знал, что делать. Я знал, что должен найти способ восстановить печать. Найти способ снова усыпить Его.

Я пошёл вперёд. К центру Пустоши. К тому месту, где по моим ощущениям находился эпицентр разлома. К тому месту, где реальность была тоньше всего.

Посох в моей руке начал теплеть. Кристалл слабо засветился серебристым светом указывая путь.

Я шёл часами Днями А может быть годами. Здесь время не имело значения.

Наконец я достиг цели. Это была идеально круглая поляна диаметром около ста метров. В центре поляны росло дерево. Но это было не обычное дерево. Его ствол был сделан из черного стекла, а ветви были похожи на застывшие молнии. А вместо листьев на ветвях висели маленькие зеркала. В каждом зеркале отражалась своя версия реальности. В одном я видел мир, где динозавры никогда не вымирали. В другом мир, где люди стали рабами машин. В третьем мир, где Шушмора никогда не существовало.

Это было Дерево Миров. Основа всего сущего. Точка, где сходились все вероятности.

Именно здесь Он планировал провести свой ритуал переписывания. Именно здесь ткань реальности была наиболее уязвима.

Я подошёл к дереву. Коснулся рукой его стеклянного ствола. Он был теплым живым. Он пульсировал в такт какому-то невидимому ритму словно сердце вселенной.

Я понял, что нужно делать. Нужно было стать новым якорем. Новым хранителем печати. Нужно было пожертвовать собой чтобы закрыть разлом.

Я сел под деревом скрестив ноги. Положил посох себе на колени. Закрыв глаза. И начал вспоминать. Вспоминать всё. Всё что я забыл благодаря зелью забвения. Вспоминать свою жизнь до Шушмора. Вспоминать лица родных голоса друзей запахи детства. Вспоминать всё хорошее что было в этом мире. Всё ради чего стоило бороться. Всё ради чего стоило жить.

Слезы текли по моим щекам, но я не останавливался, Я отдавал дереву свои воспоминания свои эмоции свою сущность. Я становился пустым сосудом готовым принять на себя бремя Печати.

Дерево впитывало мою память мою личность мою жизнь. С каждым отданным воспоминанием серебристый свет посоха становился ярче. Ветви Древа Миров начали светиться, изнутри пульсируя тем же светом.

А затем пришла боль Невероятная всепоглощающая боль. Когда дерево начало вплетать мою душу в структуру мироздания делая меня частью нового барьера между мирами. Я кричал, но мой крик тонул в пустоте. Я чувствовал, как мое сознание расширяется, охватывая весь этот мир все измерения все вероятности Я становился всем и ничем одновременно.

Последнее что я увидел перед тем, как мое человеческое «я» растворилось навсегда это была вспышка серебристого света, которая окутала весь мир. А затем наступила тьма. И тишина.

Когда я очнулся (если это можно назвать пробуждением) я был уже не совсем человеком. Я был частью Печати. Я был стражем барьера. Я чувствовал каждую трещину в реальности каждую попытку прорыва извне. Я слышал шепот тех, кто ждал по ту сторону. Я ощущал голод Того-Кто-Видит-За-Гранью, который спал глубоко под землей ожидая своего часа.

Но теперь я был готов. Теперь я мог сдерживать Его Теперь я мог защищать этот хрупкий мирок от хаоса, который лежал за гранью понимания.

Прошли годы Десятилетия Столетия Люди забыли о Шушморе. Медведева Пустошь стала легендой. Орден Последнего Света распался, став мифом.

Но я помню. Я помню всё. И я жду. Жду того дня, когда Он снова попытается проснуться. Жду того дня, когда ткань реальности снова истончится. Жду того дня, когда мне снова придется встать на защиту этого мира.

Потому что некоторые двери открываются лишь однажды. И те, кто заглядывает за грань уже никогда не могут вернуться назад. Они становятся частью того, что они увидели они становятся хранителями тайн, которые лучше оставить погребенными во тьме. Они становятся печатью, которая сдерживает ужас непостижимый для человеческого разума.

И если вы когда-нибудь услышите зов из глубины подмосковных лесов. Если вы когда-нибудь увидите туман странного зеленого цвета над болотом. Если вы когда-нибудь почувствуете взгляд Бездны, устремленный на вас из-за грани реальности. Знайте, что я здесь Я жду, Я наблюдаю И пока я здесь пока горит серебристый свет Печати миру ничего не грозит.

Но помните. Цена этой защиты высока. Цена — вечное бдение. Цена — одиночество. Цена — знание о том, что кошмар может вернуться в любой момент. И когда это случится мне понадобится новый герой. Новый хранитель. Новый мученик готовый отдать свою душу чтобы спасти ваши.

Такова природа равновесия Такова цена существования Такова воля Того-Кто-Видит-За-Гранью который спит, но никогда не умирает, который ждет, но никогда не забывает, который видит нас, всех сквозь трещины реальности своим взглядом древним как сама Вселенная.

Секта Шушмор.

Часть 1: Пробуждение памяти.

Анна проснулась в холодном поту, как и каждую ночь вот уже семь лет. Её сердце билось с бешеной частотой, будто пытаясь вырваться из клетки грудной клетки. Руки дрожали. Во рту стоял привкус меди — вкус страха, который она не могла объяснить.

Она подошла к окну, отдернула занавеску. За окном был обычный городской пейзаж: фонари, редкие машины, спящие дома. Ничего необычного. Ничего страшного.

Но Анна знала — знала костями, знала кровью — что что-то не так. Что-то отсутствует. Как зуб, вырванный без анестезии: боль ушла, но пустота осталась. Пустота, которая болит сильнее любой боли.

Она взглянула на восток. Туда, где по её смутным воспоминаниям должно было быть... что? Лес? Холмы? Что-то ещё? Анна не помнила. И это было хуже всего.

Днём Анна работала библиотекарем в городской библиотеке. Тихая, незаметная женщина лет сорока с небольшим. Ничем не примечательная. Никому не интересная. Но иногда, перебирая старые книги, она натывалась на... пробелы.

Например, в энциклопедии 2019 года была статья об урочище Шушмор. Анна прочитала её — сухой научный текст о геологических аномалиях, редких видах растений. Ничего особенного.

Но когда она закрыла книгу и попыталась вспомнить, что читала, в памяти оставалась только пустота. Как будто её сознание отказывалось удерживать эту информацию. Как будто само знание было... ядовитым.

Или были сны. Вернее, не сны — обрывки. Вспышки. Лица без лиц. Голоса без голосов. Кто-то звал её по имени. Кто-то просил о помощи. Кто-то... предупреждал.

Но когда она просыпалась, оставалось только чувство ужаса. Чистого, первобытного ужаса. Ужаса перед чем-то, что было забыто, но не исчезло.

Это случилось в дождливый четверг. Анна разбирала новые поступления — старые книги, пожертвованные библиотеке после смерти какого-то учёного. Физика, кажется. Или математика. Она не запомнила.

Среди книг был дневник. Небольшой, в кожаном переплёте, потрёпанный временем. На обложке не было ни имени, ни даты — только странный символ. Что-то вроде спирали, но не совсем. Спираль, которая разворачивалась в дополнительные измерения.

Анна открыла дневник. Страницы были исписаны аккуратным почерком. Формулы. Диаграммы. Заметки.

И одно имя, повторяющееся снова и снова: Воронцов.

Имя ничего не говорило Анне. Но когда она его прочитала, по спине пробежали мурашки. Холодные, как прикосновение мёртвой руки.

Она продолжила читать. Дневник описывал экспедицию. Экспедицию в урочище Шушмор. Экспедицию, в которой участвовали: профессор Воронцов (автор дневника), Елена Смирнова (математик), Павел Орлов (геолог), Артём Козлов (биолог).

И... Анна.

Её имя было в списке. Анна Петрова, историк.

Анна отшатнулась от книги, как от раскалённого железа. Это невозможно. Она не помнила. Не помнила никакой экспедиции. Не помнила этих людей. Не помнила Шушмора.

Но её имя было там. Чёрным по белому.

В ту ночь Анна не спала. Она сидела на кухне, перед ней лежал дневник. Она боялась его касаться. Боялась читать дальше.

Но что-то заставляло. Какая-то сила, глубже страха. Какое-то... знание. Знание, что она должна это сделать. Что она обязана.

Она открыла дневник на середине. И началось.

Сначала — головная боль. Резкая, пронзительная, как удар ножом в висок. Потом — видения. Вспышки памяти.

Лес. Холод. Камни, которые шепчут. Храм. Фрактальные окна. Существа из света и тени.

И лица. Лица спутников. Елена — умная, ироничная, с глазами, которые видели слишком много. Павел — сильный, практичный, не верящий в сверхъестественное до самого конца. Артём — молодой, восторженный, погибший первым.

И профессор Воронцов. Человек, который хотел знать. Человек, который... почти узнал.

Анна закричала. Но не от боли — от ужаса. Ужаса воспоминания. Ужаса знания.

Она помнила. Помнила всё.

Экспедицию. Храм. Существо-Сергея. Кристалл. Бегство.

И своё обещание. Обещание, которое она дала профессору перед тем, как они расстались.

«Если что-то случится... если я не вернусь... найди других. Кто помнит. Кто знает. И защити их. Защити от знания. Защити от... них.»

На следующий день Анна начала искать. Сначала — осторожно. Потом — отчаянно.

Она искала других участников экспедиции. Но их не было. Нигде. Как будто они никогда не существовали.

Елена Смирнова — исчезла. Ни следов, ни записей. Даже в университете, где она работала, о ней не помнили.

Павел Орлов — погиб в автокатастрофе через месяц после экспедиции. Случайность? Анна не верила в случайности. Не после Шумшора.

Артём Козлов — официально пропал без вести в том же урочище. Тело не нашли.

Профессор Воронцов... о нём не было ничего. Вообще ничего. Как будто его стёрли из реальности.

Но Анна помнила. И этого было достаточно.

Она искала не только их. Она искала тех, кто мог знать. Кто мог помнить. Кто мог... чувствовать.

И она нашла.

Первым был Михаил. Пожилой мужчина, бывший военный. Он пришёл в библиотеку, ища... он сам не знал, что. Но когда его глаза встретились с глазами Анны, они оба поняли.

«Ты тоже видишь сны, — сказал Михаил. Не вопрос. Констатация. — Сны о камнях, которые шепчут. О свете, который не светит. О... геометрии, которая болит.»

Анна кивнула. Она не спрашивала, откуда он знает. Она знала сама.

Второй была Лиза. Молодая женщина, художница. Она рисовала... что-то. Не пейзажи, не портреты. Геометрические формы. Спирали. Фракталы. Узоры, которые заставляли смотреть и смотреть, пока не начинала болеть голова.

«Они приходят ко мне ночью, — шептала Лиза. — Формы. Идеи. Они... зовут. Хотят, чтобы я их нарисовала. Чтобы я их... выпустила.»

Третьим был отец Александр. Священник, который потерял веру. Не в Бога — в реальность. В ту реальность, которую все видят.

«Я служил в деревне недалеко от... того места, — говорил он. Его руки дрожали. — Люди там... менялись. Становились другими. Совершенными. Слишком совершенными. И они смотрели на меня. И улыбались. И я понимал — они не люди. Уже не люди.»

Четвёртый, пятый, шестой... Они приходили сами. Как будто их вела невидимая нить. Как будто их звало что-то, что знала Анна. Или что-то, что знало Анну.

Через месяц их было двенадцать. Двенадцать человек, которые помнили то, чего не должно было быть. Двенадцать человек, которые видели сны о Шушморе. Двенадцать человек, которых свела вместе судьба. Или что-то иное.

Они собрались в подвале старого дома на окраине города. Дом принадлежал Михаилу — он купил его специально. Место было тихое, уединённое. И главное — защищённое.

«Защищённое от чего?» — спросила как-то Лиза.

«От них, — ответил Михаил. — От тех, кто слушает. Кто смотрит. Кто... изучает.»

Анна сидела во главе стола. Она не хотела быть лидером. Не просила этого. Но они смотрели на неё с надеждой. С ожиданием. Как на того, кто знает ответы.

Но Анна не знала ответов. Она знала только вопросы. И страх.

«Мы должны понять, что происходит, — сказала она. Её голос дрожал, но она заставила себя говорить. — Мы все помним... что-то. Что-то, чего не должно быть. Что-то, что пытаются стереть.»

«Стереть?» — переспросил отец Александр.

«Да, — кивнула Анна. — Я читала дневник Воронцова. Он... он сделал что-то. Что-то, чтобы защитить мир. Чтобы стереть память. О Шушморе. О экспедиции. О... них.»

«О ком?» — спросила Лиза.

Анна замолчала. Как объяснить? Как описать существ, которые были больше, чем существа? Которые были... идеями? Математическими концепциями? Реальностью иной реальности?

«О тех, кто живёт по ту сторону, — сказала она наконец. — Кто всегда жил там. Кого мы... разбудили. Или которые проснулись сами.»

В комнате повисла тишина. Тишина, полная невысказанных мыслей. Невысказанных страхов.

«И что они хотят?» — спросил Михаил.

Анна взглянула на него. И в её глазах он увидел ответ. Ответ, который был страшнее любого вопроса.

«Они хотят войти, — прошептала Анна. — Они уже входят. Медленно. Постепенно. Через сны. Через мысли. Через... знания. И скоро они будут здесь. Совсем.»

Отец Александр первым назвал это словом.

«Мы как секта, — сказал он на следующем собрании. — Секта тех, кто знает истину. Истину, которую мир не хочет знать.»

«Мы не секта, — возразила Лиза. — Мы... группа поддержки. Люди, которые помогают друг другу.»

«Нет, — покачал головой отец Александр. — Мы больше. Мы — хранители. Хранители памяти. Хранители знания. Хранители... защиты.»

Он взглянул на Анну.

«Ты сказала, что Воронцов что-то сделал. Что-то, чтобы защитить мир. Но защита ослабевает. Мы это чувствуем. Сны становятся ярче. Видения — реальнее. Они приближаются.»

Анна кивнула. Она чувствовала то же самое. Каждую ночь сны были ярче. Каждый день реальность была... менее реальной. Как будто края мира размывались. Как будто что-то просачивалось сквозь щели.

«Что мы можем сделать?» — спросил Михаил.

Анна молчала. Она не знала. Но в глубине души, в том месте, где жили воспоминания о Шушморе, зрела идея. Страшная идея.

«Мы должны... продолжить дело Воронцова, — сказала она наконец. — Но не так, как он. Он пытался стереть память. Скрыть знание. Но знание нельзя стереть. Оно всегда найдёт выход.»

«Тогда что?» — спросила Лиза.

«Мы должны... контролировать его, — сказала Анна. Её голос стал твёрже. Увереннее. — Мы должны стать фильтром. Барьером. Мы должны принимать знание — но не позволять ему распространяться. Держать его в себе. В нашей... группе.»

Отец Александр смотрел на неё с ужасом и восхищением.

«Ты предлагаешь стать... жертвами? — спросил он. — Вместилищами для знания, которое убивает?»

«Нет, — покачала головой Анна. — Я предлагаю стать... хранителями. Теми, кто знает, но не делится. Кто помнит, но не рассказывает. Кто... содержит инфекцию в карантине.»

Она встала. Её глаза горели тем же огнём, что горел в глазах профессора Воронцова перед тем, как он вошёл в храм. Огнём решимости. Огнём жертвы.

«Мы будем сектой, если нужно. Сектой Шушмора. Сектой тех, кто помнит. Сектой тех, кто защищает мир от того, что он не должен знать.»

Первый ритуал провели в полнолуние. Не потому, что верили в магию луны — потому, что в полнолуние сны были сильнее. Видения — ярче. И они... ближе.

Они собрались в том же подвале. Зажгли свечи — не для атмосферы, для света. Свет отгонял тени. А тени были... не просто теньями.

Анна стояла в центре круга. В руках у неё был дневник Воронцова. Открытый на последней странице. На той странице, где профессор описывал... анти-кристалл. Анти-знание.

«Мы собираемся здесь, чтобы вспомнить, — начала Анна. Её голос звучал странно — как будто говорил не только он. Как будто через неё говорили другие. Все, кто был в Шушморе. Все, кто знал. — Чтобы вспомнить и... заключить. Заключить знание в круг. В наш круг.»

Она начала читать. Не слова — формулы. Не предложения — уравнения. То, что было в дневнике. То, что написал Воронцов перед тем, как... исчезнуть.

И что-то произошло.

Сначала — холод. Резкий, пронизывающий холод, который шёл не от воздуха, а из... ниоткуда. Потом — свет. Слабый, мерцающий, исходящий из самого центра круга. Из пустоты.

И голоса. Шёпот. Множество шёпотов. На том анти-языке, что слышала Анна в Шушморе. Языке геометрии. Языке математики. Языке... иной реальности.

Члены круга смотрели на это. Ужаснулись. Но не отступили. Они знали — должны знать. Должны видеть. Должны... помнить.

Анна продолжала читать. И с каждым словом свет становился ярче. Холод — сильнее. Голоса — громче.

И тогда они увидели.

Это был не образ. Не картинка. Это было... знание. Чистое знание. Переданное не через глаза, а прямо в сознание.

Они увидели Шушмор. Но не тот Шушмор, что был. Тот, что стал.

Урочище было... живым. Не в смысле природы — в смысле сознания. Каждый камень думал. Каждое дерево помнило. Воздух был наполнен мыслями — чужими мыслями.

И в центре — храм. Но храм был уже не зданием. Он был... существом. Существом, которое дышало реальностью. Вдыхало нашу реальность. Выдыхала свою.

И из него выходили они. Существа. Те самые, что видел Воронцов. Совершенные. Геометрические. Реальные до боли.

Они шли по нашему миру. Но не как захватчики — как исследователи. Изучали. Наблюдали. Записывали.

И они меняли мир. Не разрушали — улучшали. Делали более... логичным. Более... математичным. Более... совершенным.

Деревья росли по идеальным спиралям. Реки текли по геодезическим линиям. Даже облака формировались в фрактальные узоры.

И люди... люди, которых они касались, менялись. Становились такими же совершенными. Такими же... логичными. И такими же... нечеловеческими.

Это было не вторжение. Это было... улучшение. Эволюция. Следующий шаг.

И это было страшнее любой агрессии.

Когда видение закончилось, Анна упала на колени. Из её носа текла кровь. В ушах звенело. В глазах плавали тёмные пятна.

Но в сознании было ясно. Яснее, чем когда-либо.

Она поняла. Поняла всё.

Воронцов не просто стёр память. Он создал... буфер. Прослойку между мирами. Прослойку из забвения.

Но забвение разрушалось. Как плотина, которую подтачивает вода. И скоро она рухнет.

И тогда они войдут. Все. И наш мир станет... их миром. Совершенным. Логичным. Мёртвым.

«Мы должны укрепить буфер, — сказала Анна. Её голос был хриплым, но твёрдым. — Мы должны стать... живым забвением. Принимать знание — но не пропускать его дальше. Держать его в себе. До конца.»

Она поднялась. Посмотрела на своих последователей. На свою... секту.

«Это будет больно, — сказала она. — Это убьёт нас. Медленно. Постепенно. Но это спасёт других. Спасёт мир.»

Отец Александр первым опустился на колени. Не в молитве — в поклоне. В признании.

«Мы с тобой, — сказал он. — До конца.»

За ним — Михаил. Потом — Лиза. Потом — все.

Анна смотрела на них. И в её сердце, рядом со страхом, родилось что-то ещё. Что-то тёплое. Что-то человеческое.

Любовь. Любовь к тем, кто готов пожертвовать собой. Кто готов стать жертвой ради других.

И вместе с любовью — решимость. Железная, непоколебимая решимость.

Она будет их лидером. Их жрицей. Их... хранительницей.

Она станет тем, чем должна была стать. Тем, кем её сделал Шушмор. Тем, кем её выбрала судьба.

Лидером секты. Секты Шушмора. Секты тех, кто помнит, чтобы другие могли забыть.

На следующее утро Анна проснулась с чётким планом.

Они будут собираться каждую неделю. Проводить ритуалы. Принимать знание. Заключать его в круг.

Они будут искать других. Тех, кто помнит. Тех, кто чувствует. Тех, кого зовут сны.

Они будут создавать... сеть. Сеть хранителей. По всей стране. По всему миру.

И они будут готовиться. К тому дню, когда буфер рухнет. К тому дню, когда они понадобятся по-настоящему.

Анна подошла к окну. Взглянула на восток.

И впервые за семь лет она не почувствовала страха. Только... ответственность.

Она была лидером теперь. Лидером секты.

И она сделает всё, чтобы выполнить свой долг. Долг перед профессором Воронцовым. Долг перед миром. Долг перед... человечностью.

Даже если это убьёт её.

Даже если это убьёт их всех.

Потому что иногда смерть — не худший исход.

Хуже — стать совершенным. Стать логичным. Стать... нечеловеческим.

Анна вздохнула. И улыбнулась. Печальной, человеческой улыбкой.

Она была готова.

Так началась история секты Шушмора. Секты, которой не должно было быть. Секты, которая стала последней надеждой человечества.

И её лидером стала тихая библиотекарьша, которая боялась собственных снов.

Но иногда именно тихие становятся самыми опасными.

Потому что у них нет выбора.

Только долг.

И память.

Память о том, что должно быть забыто.

Часть 2: Жертва и отражение.

Полнолуние висело над городом как бледный, слепой глаз. В подвале дома Михаила собрались все члены секты. Но теперь их было не двенадцать — их было тридцать семь. За год сеть разрослась. Люди приходили сами, ведомые снами, видениями, необъяснимым знанием.

Анна стояла в центре круга. Она похудела, глаза ввалились, но в них горел огонь — огонь решимости, граничащей с безумием. В руках она держала не только дневник Воронцова, но и нечто новое — кристалл. Не тот кристалл, что был у профессора. Этот она создала сама. Из стекла, свинца и... собственной крови.

«Сегодня ночью буфер рухнет, — сказала Анна. Её голос звучал странно — как будто говорили двое. Она и кто-то ещё. — Я видела это во сне. Они готовятся. Они ждут. И когда луна достигнет зенита... они войдут.»

Отец Александр, теперь её правая рука, смотрел на неё с ужасом и обожанием.

«Что мы должны делать?» — спросил он.

«Вы должны держать круг, — ответила Анна. — Держать его, пока я не закончу. Что бы ни случилось. Что бы вы ни увидели. Не отпускайте руки. Не прерывайте круг.»

Она взглянула на Лизу. Художница плакала, но кивала. Она понимала. Все понимали.

Это будет последний ритуал. Ритуал жертвы.

Анна начала читать. Но не из дневника — из памяти. Из той памяти, что вернулась к ней за год. Из воспоминаний о Шушморе. О храме. О существах.

Она читала на том анти-языке. Языке геометрии. Языке, который не должен был существовать в человеческих устах.

И мир ответил.

Сначала — тишина. Абсолютная, гнетущая тишина, в которой исчезли даже звуки собственного дыхания. Потом — холод. Холод, который шёл не от воздуха, а изнутри. Из костей. Из души.

Потом появился свет.

Не от свечей — из центра круга. Из того места, где стояла Анна. Свет был бледным, мерцающим, как свет далёкой звезды. Но смотреть на него было больно. Больно глазам. Больно разуму.

И в свете появились... фигуры.

Сначала — тени. Потом — очертания. Потом — существа.

Они были здесь. В комнате. Но не совсем. Как будто смотрели сквозь запотевшее стекло. Как будто были на другой стороне зеркала.

Их было много. Десятки. Сотни. Все разные, но все одинаковые. Совершенные. Геометрические. Реальные до боли.

Один из них сделал шаг вперёд. Вернее, не шаг — он просто стал ближе. Без движения. Это было существо-Сергей. Но теперь оно было... больше. Сложнее. Прекраснее.

«Анна, — сказала оно. Голос был музыкой. Гармонией. И от этого страшным. — Мы ждали тебя.»

«Я не для вас, — сказала Анна. Её голос дрожал, но она стояла прямо. — Я здесь, чтобы остановить вас.»

Существо-Сергей улыбнулось. Улыбкой, в которой не было ничего человеческого.

«Остановить? — переспросило оно. — Ты не понимаешь. Мы не враги. Мы — спасение. Мы — эволюция. Мы делаем мир... лучше.»

«Лучше для кого? — крикнула Анна. — Для вас? Вы убиваете нас! Убиваете нашу человечность!»

«Человечность — это болезнь, — спокойно ответило существо. — Болезнь иррациональности. Болезнь эмоций. Болезнь... несовершенства. Мы лечим. Мы исцеляем.»

Оно сделало ещё один шаг. Теперь оно было совсем близко. Анна чувствовала его присутствие — не как тело, а как идею. Как математическую теорему, которая хочет стать реальностью.

«Посмотри на себя, — сказала существо. — Ты страдаешь. Ты боишься. Ты несовершенна. Мы можем это исправить. Сделать тебя... цельной. Завершённой.»

И Анна... увидела.

Увидела себя, но не себя. Себя совершенную. Без страха. Без боли. Без сомнений. Себя, которая знает всё. Понимает всё. Себя, которая... не человек.

И это было прекрасно. Ужасающе прекрасно.

Она потянулась к этому видению. Рука дрожала.

«Анна, нет!» — закричал отец Александр.

Но было поздно.

Анна потянулась к видению — и схватила не его. Она схватила свой кристалл. Кристалл из стекла, свинца и крови.

И разбила его.

Не об пол — о собственное сердце.

Острые осколки вонзились в грудь. Кровь хлынула тёмным фонтаном. Члены круга закричали. Существо-Сергей... замерло.

«Что ты сделала?» — спросило оно. И в его совершенном голосе впервые прозвучало... удивление.

«Я создала... обратную связь, — прошептала Анна. Она падала, но продолжала говорить. — Кристалл был не для защиты. Он был... приманкой. Приманкой для вас.»

Кровь, смешанная со свинцом и стеклом, текла по полу. И формировала... узор. Не случайный — математический. Фрактальный. Тот самый узор, что был на кристалле Воронцова. Но обратный.

«Ты думала, что я хочу остановить вас, — продолжала Анна. Её голос слабел. — Но я хотела... пригласить. Пригласить всех. Всю вашу реальность. В наш мир.»

Существо-Сергей смотрело на узор из крови. И впервые в его совершенных глазах появилось выражение.

Страх.

«Ты... соединила миры, — сказала оно. — Не частично. Полностью. Ты создала... мост. Постоянный мост.»

«Да, — кивнула Анна. Она уже лежала на полу. Кровь растекалась вокруг. — Но не такой, как вы думаете.»

Узор из крови завершился. И что-то... щёлкнуло.

Не звук — ощущение. Как будто дверь, которую долго пытались открыть, наконец поддалась.

И она открылась.

Но не в одну сторону.

Из узора хлынул... не свет. Не тьма. Нечто среднее. Нечто, что было и тем, и другим. И ни тем, ни другим.

И с этим нечто пришла... реальность. Наша реальность. Но не такая, как сейчас. Такая, какой она была до... до всего. До разделения. До того, как миры стали разными.

Существо-Сергей отступило. Впервые за всё время оно сделало движение, похожее на человеческое — шаг назад.

«Что это?» — спросило оно.

«Это то, что было до вас, — прошептала Анна. — До нас. Единая реальность. Реальность, в которой нет разделения на совершенное и несовершенное. На рациональное и иррациональное. На... живое и неживое.»

Нечто распространялось по комнате. Касалось существ. И они... менялись.

Не становились людьми. Становились... чем-то третьим. Чем-то, что было и ими, и не ими. Чем-то, что помнило обе реальности.

Существо-Сергей смотрело на свои руки. Они были... разными. То совершенными. То человеческими. То чем-то ещё.

«Что ты сделала с нами?» — спросило оно. В его голосе была... боль. Человеческая боль.

«Я не сделала ничего, — ответила Анна. Её голос был уже едва слышен. — Я просто... убрала стену. Стену, которую построили вы. И мы. Стену между мирами.»

Это распространялось дальше. За пределы комнаты. За пределы дома. По всему городу. По всей стране. По всему миру.

Люди просыпались и видели... другое небо. Небо, в котором звёзды были не просто звёздами — они были... идеями. Мыслями.

Деревья росли не только вверх — они росли во все стороны. Во все измерения.

Животные... говорили. Не словами — образами. Чувствами.

И существа из иной реальности... чувствовали. Страдали. Радовались. Жили.

Это был не конец мира. Это было... его объединение. Слияние того, что было разделено.

Но слияние — это больно. Очень больно.

Анна лежала в луже собственной крови. Члены круга стояли вокруг, всё ещё держась за руки. Они смотрели на неё с ужасом и благоговением.

Отец Александр опустился рядом.

«Зачем? — спросил он. — Зачем ты это сделала?»

Анна улыбнулась. Кровавой улыбкой.

«Потому что Воронцов ошибся, — прошептала она. — Он думал, что нужно разделить. Скрыть. Забыть. Но разделение — это болезнь. Забвение — это смерть.»

Она вздохнула. Глубоко. С трудом.

«Настоящая защита — не в том, чтобы спрятаться. А в том, чтобы... соединиться. Стать единым. Принять друг друга. Даже если это больно. Даже если это страшно.»

Она посмотрела на существо-Сергея. Оно стояло рядом, смотря на свои меняющиеся руки. В его глазах были слёзы. Человеческие слёзы.

«Мы не должны бороться, — продолжила Анна. — Мы должны... понять. Принять. Слиться.»

Её дыхание стало прерывистым.

«Я не жертва, — прошептала она последние слова. — Я... мост. Мост между мирами. Мост между реальностями. И теперь... мост стоит.»

Она закрыла глаза.

И умерла.

Но её смерть была не концом. Она была... началом.

На следующее утро мир проснулся другим.

Не разрушенным. Не захваченным. Изменённым.

Люди видели то, что раньше не видели. Слышали то, что раньше не слышали. Чувствовали то, что раньше не чувствовали.

И существа из иной реальности... тоже изменились. Они стали менее совершенными. Более... живыми. Более человеческими.

Не было войны. Не было борьбы. Было... понимание. Медленное, болезненное, но настоящее.

Отец Александр стал... чем-то большим, чем священник. Он стал посредником. Тем, кто объяснял людям, что происходит. Тем, кто помогал существам понять человеческие эмоции.

Лиза рисовала. Но теперь её картины были не кошмарами — они были... мостами. Образами, которые помогали понимать.

А секта Шушмора... перестала быть сектой. Она стала... школой. Школой, где учили жить в новом мире. Где учили понимать. Принимать. Сливаться.

На том месте, где когда-то было урочище Шушмор, теперь стоял... не храм. Не лес. Нечто среднее.

Деревья, растущие по фрактальным спиральям. Камни, которые пели тихие песни. Воздух, наполненный мыслями.

И в центре — камень. Обычный камень. Но на нём было имя.

Анна Петрова

1979-2026

Она стала мостом

Люди приходили к этому камню. И существа приходили. И они... общались. Не словами — чувствами. Образами.

И иногда, в очень тихие ночи, из-под камня пробивался луч света. Тёплый, мягкий свет.

И в этом свете можно было увидеть... её. Анну. Не мёртвую — живую. Но иной жизнью. Жизнью моста. Жизнью соединения.

Она улыбалась. Человеческой улыбкой. Но в глазах её был свет... иного. Свет обеих реальностей.

Свет единства.

Прошло десять лет.

Мир стал... единым. Не идеальным. Не совершенным. Но цельным.

И урочище Шушмор стало... не местом ужаса. Местом памяти. Местом, где началось соединение.

Отец Александр, теперь уже старый, почти слепой, приходил туда каждый день. Садился у камня Анны и... разговаривал. Не с ней — с миром. Со всем миром.

«Она была права, — говорил он. — Разделение — это болезнь. Страх — это яд. Только соединение... только принятие... только любовь...»

Однажды к нему подошло существо. Бывшее существо-Сергей. Теперь оно было... почти человеком. Но не совсем.

«Она пожертвовала собой, — сказала оно. Его голос был почти человеческим. — Но не для того, чтобы уничтожить нас. Чтобы... спасти. И нас. И вас.»

Отец Александр кивнул.

«Она поняла то, что не понял Воронцов, — сказал он. — Что нельзя бороться с реальностью. Даже иной реальностью. Можно только... принять её. Слиться с ней.»

Существо село рядом. Помолчало.

«Иногда мне снится, — сказала оно. — Снится, что я всё ещё там. В иной реальности. Совершенный. Холодный. Мёртвый. И я просыпаюсь... и плачу. От счастья, что я здесь. Что я... живой.»

Отец Александр положил руку на его плечо. Рука была старческой, дрожащей. Но тёплой.

«Мы все живы, — сказал он. — Более живы, чем когда-либо.»

В ту ночь отцу Александру приснился сон. Не кошмар — видение.

Он увидел Анну. Но не одну. С ней был профессор Воронцов. И Елена. И Павел. И Артём. И все, кто остался в Шушморе.

Они стояли на границе миров. Но границы больше не было. Было... единство.

«Мы были первыми, — сказала Анна. Её голос был чистым, ясным. — Первыми, кто понял. Первыми, кто... перешёл. Но не в одну сторону. В обе.»

Профессор Воронцов улыбнулся. Печальной улыбкой.

«Я пытался разделить, — сказал он. — Ты соединила. Ты была мудрее.»

«Не мудрее, — покачала головой Анна. — Проще. Я просто... полюбила. Полюбила и наш мир, и ваш. И поняла — они оба достойны жизни.»

Она взглянула на отца Александра.

«Скажи им, — попросила она. — Скажи всем. Что не нужно бояться. Что нужно... любить. Принимать. Сливаться.»

Отец Александр проснулся. На щеках были слёзы. Но не от горя — от радости.

Он вышел на улицу. Взглянул на небо.

И увидел... не звёзды. Видел... миры. Все миры. Все реальности. Соединённые. Единые.

И в центре этого единства — свет. Тёплый, мягкий свет.

Свет Анны. Свет моста. Свет любви.

Эпилог: Вечное соединение

Анна не умерла. Она стала... больше, чем жизнью. Больше, чем смертью.

Она стала идеей. Идеей соединения. Идеей принятия. Идеей любви, которая сильнее страха.

И её идея жила. В каждом человеке, который перестал бояться иного. В каждом существе, которое научилось чувствовать. В каждом ребёнке, который родился от соединения двух миров.

Урочище Шушмор больше не было местом ужаса. Оно было... памятником. Памятником тем, кто первым понял. Первым принял. Первым... полюбил.

И иногда, в очень тихие ночи, если прислушаться, можно было услышать шёпот. Не один — множество. Шёпот всех, кто был. И всех, кто будет.

Шёпот единства.

Шёпот любви.

Шёпот... вечности.

Которая наконец-то стала цельной.

Так закончилась история секты Шушмора. Но началась история... чего-то большего.

Человечество не погибло. Оно... эволюционировало.

И ужас не победил. Победила... любовь.

Любовь сильная. Любовь жертвенная.

Любовь, которая готова стать мостом.

Мостом между мирами.

Мостом между реальностями.

Мостом между... всеми нами.

И этот мост стоит до сих пор.

И будет стоять вечно.

Потому что его построила не ненависть.

Его построила любовь.

А любовь... вечна.

Тайна Пермского треугольника

Бывают на свете места, кои не поддаются ни геологическим картам, ни научным измерениям, ни даже здравому человеческому рассудку. Таково то проклятое пространство меж Свердловской областью и Пермским краем, что зовётся в народе Молёбским треугольником, а учёными мужами — аномальной зоной. Семьдесят квадратных вёрст земли, что словно вырезаны из самой ткани реальности, да так, что края её не сходятся, а время течёт иначе, нежели в прочих местах, будто застывший в янтаре миг.

Александр Петрович, геолог с тридцатилетним стажем, человек трезвого ума и ясного взгляда, смеялся над баснями о светящихся шарах. «Суеверия деревенские! — говаривал он, попыхивая трубкой, из которой вился дымок, похожий на призрачные мысли. — Всё объяснимо: геомагнитные аномалии, выбросы метана, игра света в тумане, когда воздух сам становится обманом». И вот, по долгу службы, отправился он в ту самую зону — исследовать странные колебания магнитного поля, что плясали на приборах, как черти на сковородке.

Сначала всё шло как положено: компас показывал верно, приборы исправно щёлкали, отсчитывая шаги в привычном мире. Но чем глубже забирался Александр Петрович в чащу, тем явственнее чувствовал он, что нечто неладное творится вокруг. Воздух стал густым, как кисель, но не сладкий, а с привкусом пыли веков. Деревья склонились под невидимой тяжестью, будто несли на себе груз всех забытых тайн, а птицы замолкли разом, будто по команде,

оставив лес в звенящей тишине, которая давила на уши. Солнце, ещё недавно яркое, померкло, и свет его стал каким-то мутным, болезненным, словно пробивался сквозь мутное стекло.

И вот, на повороте тропы, Александр Петрович увидел то, от чего кровь застыла в жилах, а потом будто превратилась в ледяную воду. Камень, который он метил утром красной краской, стоял теперь не там, где должен был, а в трёх шагах в стороне. И не просто стоял — будто вырос из земли заново, свежий срез блестел на солнце, как будто его только что откололи. Компас в руках завертелся как бешеный, стрелка металась от севера к югу, не находя покоя, будто потеряла всякий смысл.

Тут до слуха его донеслись голоса — неясные, шепчущие, будто из-под земли, или из самой глубины его сознания. То ли ветер в листве зашелестел, то ли сама земля заговорила, нашептывая что-то на языке, которого он не знал, но чувствовал его вес. Александр Петрович обернулся — никого. Но чувство, что за ним наблюдают десятки невидимых глаз, стало таким явственным, что волосы на затылке зашевелились, будто сами по себе обрели жизнь.

Вынул он часы, швейцарские, подарок к юбилею. Стрелки показывали три часа дня. Взглянул на небо — солнце стояло в зените, как в полдень, но свет его был тусклым, будто умирающим. Минуты шли, а тень от сосны не двигалась с места, застыв, как замерзшая река. Время здесь остановилось, замерло, будто испугалось чего-то, или само стало чем-то другим.

И понял тогда Александр Петрович, что попал он не просто в геологическую аномалию, а в нечто большее — в место, где законы природы отменяются, где реальность становится податливой, как воск, где само пространство дышит и живёт своей таинственной жизнью, не подчиняясь ничьим правилам. И что назад пути уже нет — только вперёд, в самую сердцевину треугольника, туда, где, по слухам, случаются вещи, перед которыми бледнеют даже самые смелые научные гипотезы, где реальность трещит по швам, как старая ткань.

Что же дальше? Что ждёт его в глубинах Пермского треугольника? Встретит ли он тех самых «зелёных человечков», о которых так любят рассказывать сплетни, или откроет нечто более страшное и непостижимое, что заставит его усомниться в самой сути бытия? Одно знал Александр Петрович наверняка: тайна этого места теперь стала и его тайной. А тайны, как известно, имеют обыкновение не отпускать тех, кто однажды к ним прикоснулся, они впиваются в душу, как клещи, и тянут за собой в неведомые бездны.

Глава 1. Ведьмин мир.

И вот, сделав ещё шаг вперёд, Александр Петрович почувствовал, будто переступил через невидимую черту. Воздух сгустился до такой степени, что дышать стало трудно, словно он вдохнул густой, влажный туман, пропитанный запахом прелой листвы и чего-то терпкого, незнакомого. В ушах зазвенело, словно от далёкого, но настойчивого колокольного звона, который, казалось, проникал сквозь кости. Внезапно лес перед ним расступился, открыв вид на странную картину.

Вместо знакомых уральских сосен и елей стояли деревья невиданной породы — с чёрными, будто обугленными стволами, от которых исходил слабый, едва уловимый запах дыма, и листьями цвета старой меди, тихо шелестевшими, издавая звук, похожий на шёпот. Небо было не голубым, а зеленовато-серым, как перед грозой, и по нему плыли облака причудливых форм, напоминающих то летучих мышей, то воронов, и казалось, что они медленно пульсируют. Солнца не было видно вовсе, лишь тусклое, рассеянное свечение исходило откуда-то сверху, делая всё вокруг призрачным и нереальным.

Из-за дерева показалась фигура. Сначала Александр Петрович подумал, что это местная жительница — женщина в длинном тёмном платье, с платком на голове. Но, присмотревшись, он заметил странности: платье было сшито из какой-то кожистой материи, блестящей, как змеиная чешуя, и при каждом движении оно издавало тихий, шуршащий звук. Вместо обычного платка на голове красовался убор из перьев воронов и сов, которые казались неестественно чёрными и блестящими.

Женщина приблизилась, и Александр Петрович увидел её лицо — морщинистое, как печёное яблоко, с острым носом и пронзительными глазами цвета мутного янтаря, в которых, казалось, отражались древние тайны. В руках она держала посох из кривого дерева, увенчанный черепом небольшого зверька, который выглядел так, будто был высушен на ветру.

— Здравствуй, путник, — проговорила она голосом, похожим на скрип несмазанных ворот, но с какой-то странной, завораживающей мелодичностью. — Забрёл к нам, вижу. Далеко забрёл, из того мира.

Александр Петрович хотел было ответить что-то разумное, спросить, где он и как отсюда выбраться, но язык его не слушался, словно прилип к нёбу. В груди нарастало странное чувство — смесь страха и какого-то необъяснимого трепета. Женщина же, не дожидаясь ответа, продолжала:

— Я — Агафья, страж порога. Ты через треугольник прошёл, в наше измерение попал. Здесь живём мы, хранительницы древних знаний, коих в вашем мире зовут ведьмами.

Она махнула посохом, и перед Александром Петровичем словно раздвинулся туман. Он увидел деревню — но какую деревню! Избы стояли не на земле, а будто парили над ней на корнях-опорах, которые медленно покачивались, словно живые. Стены были сложены не из брёвен, а из сплетённых ветвей, которые шевелились, как живые, и казалось, что они дышат. В окнах светился не огонь свечей, а странное фосфоресцирующее свечение, которое пульсировало мягким, призрачным светом.

Из изб вышли женщины — все в таких же странных одеждах, с посохами и амулетами, которые тихо позвякивали при каждом движении. Их было человек двадцать, и все они смотрели на пришельца с любопытством, смешанным с настороженностью,

и ощущением, будто он сам стал объектом какого-то древнего, неведомого ритуала. Воздух здесь был плотным, насыщенным ароматами, которые сбивали с толку: где-то проскальзывал запах сырой земли, где-то — сладковатый дух незнакомых цветов, а иногда — резкий, металлический привкус, словно от грозы, которая так и не началась.

— Привела его, сёстры, — объявила Агафья, и её голос, несмотря на скрипучесть, разнёсся по всей деревне, словно эхо. — Из того мира, где время течёт прямо, а пространство не гнётся.

Одна из женщин, помоложе, с волосами цвета воронова крыла, которые казались настолько чёрными, что поглощали свет, и глазами, в которых мерцали зелёные искры, подошла ближе. Её движения были плавными, почти гипнотизирующими, и от неё исходил едва уловимый аромат трав.

— Здесь иные законы, путник, — сказала она, и её голос был мягче, чем у Агафьи, но в нём чувствовалась скрытая сила. — Здесь пространство живёт своей жизнью, время течёт вспять или замирает вовсе, а мысли материальны. Ты попал в мир, где магия — не сказка, а повседневность.

Александр Петрович наконец обрёл дар речи, но слова вырвались с трудом, словно он пытался проглотить ком земли.

— Но как я сюда попал? И как вернуться?

— спросил он, и его собственный голос показался ему чужим, слабым и дрожащим. Он чувствовал, как холодный пот стекает по спине, а сердце колотится где-то в горле.

Женщина с зелёными искрами в глазах улыбнулась, и эта улыбка была одновременно и приветливой, и немного пугающей.

— Попал ты сюда, потому что был готов, — ответила она. — А вернуться... это уже другой вопрос. Здесь всё зависит от того, что ты ищешь. И от того, что ты готов отдать.

Она протянула руку, и Александр Петрович почувствовал лёгкое покалывание в кончиках пальцев, словно от статического электричества. Воздух вокруг неё словно мерцал, искажая очертания её фигуры.

— Ты думаешь о доме, верно? О привычном мире, где всё понятно и предсказуемо. Но здесь, путник, всё иначе. Здесь нужно слушать не только ушами, но и сердцем. Чувствовать, а не только видеть.

Александр Петрович попытался сосредоточиться, но его мысли метались, как испуганные птицы. Он чувствовал, как его собственное тело становится тяжелее, а окружающий мир — более реальным, но в то же время и более чужим. Он ощущал вибрацию земли под ногами, хотя избы и парили. Казалось, что сама атмосфера здесь была наполнена какой-то неведомой энергией, которая проникала в него, меняя его изнутри.

— Мы не держим тех, кто хочет уйти, — продолжила женщина, её голос стал тише, почти шёпотом, но каждое слово звучало с абсолютной ясностью. — Но и не отпускаем тех, кто нашёл здесь своё место. Ты сделал выбор, войдя сюда. Теперь тебе предстоит понять, что это за выбор.

Александр Петрович посмотрел на женщин, собравшихся вокруг. Их взгляды были полны древней мудрости и какой-то необъяснимой печали. Он почувствовал, как его страх постепенно уступает место странному, почти мистическому спокойствию. Он был в месте, где реальность переплеталась с фантазией, где законы природы были лишь рекомендациями, а магия — дыханием самой жизни. И он понимал, что его путешествие только началось.

— Обратного пути нет. Треугольник — это не дверь, что открывается в обе стороны. Это ловушка. Кто вошёл — тот наш гость. Навсегда.

Наступила ночь — если это можно было назвать ночью. Небо потемнело ещё сильнее, и на нём зажглись странные звёзды, расположенные не в привычных созвездиях, а образующие какие-то руны и знаки. Из леса доносились звуки — не крики зверей, а что-то похожее на шёпот, смех и плач одновременно, словно сам воздух стонал от невысказанных тайн.

Женщины собрались вокруг костра, который горел не обычным пламенем, а сине-зелёным огнём, не дававшим тепла. Он пульсировал, словно живое сердце, отбрасывая на их лица призрачные тени. Они начали петь — странные, заунывные напевы на языке, которого Александр Петрович никогда не слышал, но который проникал в самые глубины его существа, вызывая необъяснимую тоску и предчувствие. Земля под ногами заколебалась, и из неё стали подниматься призрачные фигуры — полупрозрачные, мерцающие, словно сотканные из лунного света и тумана.

Агафья, чьи морщины казались высеченными самой вечностью, подошла к Александру Петровичу. Её взгляд был пронзительным, но в нём не было злобы, лишь древняя мудрость.

— Видишь? — прошептала она, указывая на танцующие тени. — Это духи этого места. Они здесь всегда. Мы с ними общаемся, они нам помогают, а мы — им. Ты теперь часть этого мира. Твоя наука здесь бесполезна. Здесь правят другие законы — законы магии, снов и страхов. Законы, которые не подчиняются логике, а лишь велениям души.

Молодая ведьма с зелёными глазами, чья красота была одновременно завораживающей и пугающей, протянула Александру Петровичу чашу с тёмной жидкостью. Её глаза сияли, как два изумруда в полумраке, и в них отражался весь этот странный, потусторонний мир.

— Выпей, — её голос был мелодичным, как журчание ручья, но в нём звучала сталь. — Это откроет тебе видение. Ты увидишь мир таким, каков он есть на самом деле. Но будь осторожен — не каждый выдерживает это зрелище. Оно может сломать тебя или сделать сильнее.

Александр Петрович взял чашу. Его руки дрожали так сильно, что казалось, он вот-вот выронит её. Внутри него боролись два чувства: леденящий ужас перед неизвестностью и отчаянное желание понять, что происходит. Он понимал, что стоит на пороге чего-то ужасного и необратимого. Но иного выбора не было — остаться в этом странном мире слепым и беспомощным, или рискнуть всем ради шанса увидеть истину.

Дрожащей рукой Александр Петрович поднёс чашу к губам. Жидкость была густой, как смола, и холодной, как лёд в горном ручье. Первый глоток обжёг горло не огнём, а странным холодом, что проник в самые глубины существа, словно замораживая его душу. Второй глоток — и мир вокруг начал меняться.

Деревья зашевелились, не от ветра, а будто по собственной воле. Их ветви протянулись к нему, как щупальца, шепча древние тайны. Земля под ногами задышала — поднималась и опускалась в такт какому-то неведомому ритму, словно гигантское сердце. Воздух наполнился не звуками, а образами — мелькающими картинками прошлого, настоящего и будущего, смешанными в один клубок, где реальность переплеталась с иллюзией.

И среди этого хаоса он увидел её — молодую ведьму с зелёными глазами. Теперь она казалась ему не просто красивой, а воплощением самой жизни, сотканной из света и тени. Волосы её мерцали, как звёздная пыль, рассеянная по бархату ночи, глаза сияли изумрудным светом, отражая в себе всю глубину этого нового, пугающего и манящего мира. А улыбка... улыбка обещала то, о чём он и мечтать не смел, — понимание, принятие и, возможно, даже спасение.

— Я — Марья, — сказала она, и голос её был как музыка, как шелест листвы, как песня ветра. — Ты теперь видишь истину. Ты видишь то, что скрыто от глаз обычных людей.

С каждым днём Александр Петрович менялся. Где-то в глубине души ещё теплился голос разума, шептавший, что всё это неправильно, что он попал в ловушку, что его прежняя жизнь, его наука, его привычный мир — всё это было реальным, а это — лишь иллюзия, созданная зельем и магией. Но зелье делало своё дело — оно притуплял страх, усиливал чувства, заставлял видеть красоту там, где должен был бы видеть ужас. Он начал находить в этом мире нечто притягательное, нечто, что резонировало с его собственной, прежде скрытой сущностью.

Оказалось, что знания геологагодились и в этом мире, который, как выяснилось, имел свои собственные, не менее сложные геологические структуры. Он показал ведьмам, где искать редкие минералы, обладающие магическими свойствами, которые они раньше использовали интуитивно, но не понимали их природу. Научил их определять подземные воды по тонким изменениям в растительности, что помогло им лучше ориентироваться в лесу и находить новые источники. Помог построить более эффективную систему отвода воды от деревни, предотвращая сезонные наводнения и сохраняя плодородные земли.

— Ты полезен, — говорила Марья, и от этих слов у него теплело на душе, словно солнечный луч пробивался сквозь тучи. — Ты не чужой здесь. Ты привносишь в наш мир что-то новое, что-то, что помогает нам стать сильнее.

И любовь... Любовь пришла внезапно и бесповоротно, как стихийное бедствие, сметающее все преграды. Казалось, что он всегда любил Марью, что их души были связаны ещё до того, как он переступил порог этого мира. Её присутствие стало для него воздухом, без которого он не мог дышать. Её взгляд — светом, освещающим его путь. Её прикосновение — теплом, согревающим его изнутри. Он забыл о своём прошлом, о своей науке, о своём прежнем "я". Он был здесь и сейчас, с Марьей, в этом мире, где реальность переплеталась со снами, а магия была так же естественна, как дыхание.

Он начал видеть мир не только глазами, но и сердцем. Он чувствовал пульс земли, слышал шёпот деревьев, понимал язык духов. Его научный скептицизм уступил место глубокому, интуитивному знанию. Он стал частью этого мира, его неотъемлемой частью, как камень, как дерево, как звезда на странном, руническом небе. И хотя где-то глубоко внутри, в самых потаённых уголках его сознания, иногда всплывали отголоски прежней жизни, они были всё тише и тише, заглушаемые музыкой новой реальности и любовью, которая стала его единственной истиной. Он больше не искал обратного пути, потому что нашёл свой дом.

— Куда же ты, милый? — спросила Марья. Голос её прозвучал непривычно — не тот тёплый, обволакивающий тембр, к которому он привык за месяцы здесь. Вместо него — колю-

чая, шершавая насмешка, будто кто-то провёл ногтем по стеклу. — Разве тебе здесь плохо? Разве мы тебя плохо содержали?

Агафья шагнула ближе — медленно, нарочито плавно, как кошка перед прыжком. Александр Петрович невольно отступил, но упёрся спиной в холодную стену. В её глазах снова эта жалость — та самая, что он замечал раньше, но не хотел видеть. Жалость, смешанная с чем-то ещё... торжеством?

— Теперь ты знаешь правду, — произнесла она, и каждое слово падало, как камешек в колодец. — И теперь ты наш навсегда. Не как гость, а как пленник. Как предупреждение другим.

Его не убили. Не заточили в темницу. Ему дали новую роль — быть живым доказательством силы ведьм. Ходить по деревне, седой, сгорбленный, с безумным блеском в глазах. Чтобы все видели, что бывает с теми, кто пытается обмануть судьбу.

Он бродил по улицам, чувствуя, как мир вокруг него меняется. Не буквально — дома стояли на своих местах, люди ходили, дети смеялись. Но он видел больше. Слышал шёпот духов в скрипе старых ставен, чувствовал, как пространство изгибается вокруг него — будто слои осадочных пород, сдвинутые тектоническим разломом. Знал, что любовь, которую он испытывал, была ложью. Что полезность его была лишь предлогом. Что он — всего лишь очередная жертва Пермского треугольника, затянутая в мир, где правят ведьмы и их страшная магия.

Пермский треугольник... Странное название для места, где законы физики искажались, как слои горных пород под давлением. Александр Петрович, геолог по профессии, невольно проводил параллели. Ведьмы, кажется, черпали силу из глубин земли — не буквально, конечно, но их магия резонировала с чем-то древним, залегающим глубоко под поверхностью. Может быть, это были те самые разломы, о которых он читал в научных статьях? Или что-то более фундаментальное — энергия самой планеты?

В редкие моменты ясности он вспоминал, что он геолог. Вспоминал, как изучал землю, её недра, её тайны. Как часами сидел над образцами пород, выискивая микроскопические трещины, следы древних землетрясений, отпечатки давно вымерших существ. И тогда в голове вспыхивала мысль: если даже в этом извращённом мире есть законы — свои, странные, но законы, — и если понять их...

Если понять их, может быть, найдётся выход. Или хотя бы способ отомстить.

После второй попытки бегства, когда Александр Петрович, казалось бы, нашёл лазейку в пространстве-времени этого проклятого места — щель, похожую на тектонический разлом, через которую можно было проскользнуть, — наказание было ужасным и изощрённым.

Ведьмы собрались на сходку — не у костра, а в самой большой избе, что стояла на самом высоком холме. Холме, сложенном не из земли и камней, а из чего-то... другого. Александр Петрович не мог точно сказать, из чего именно, но его геологический инстинкт кричал: это не природные образования. Кости? Может быть. Но слишком правильной формы, слишком симметричные.

Собрались все — и старые, и молодые, и те, что казались почти девочками, но в глазах их горела древняя мудрость зла.

Марья, та самая, что ещё недавно казалась ему возлюбленной, теперь смотрела на него с холодным презрением. Её изумрудные глаза стали жёлтыми, как у совы ночью, а кожа покрылась мелкими чешуйками, что поблёскивали в свете факелов — словно пирит, минерал дураков, но сейчас в нём не было ничего смешного.

— Дважды пытался уйти, — сказала она, и голос её был похож на шелест сухих листьев, подхваченных ветром. — Дважды обманул наше доверие. Нет, милый, так не пойдёт.

Суд ведьм.

Агафья, самая старая из них, с лицом, изрезанным морщинами глубже, чем ущелья Уральских гор, подняла свою костлявую руку. На пальцах её было семь колец — каждое из

разного металла, и каждое мерцало своим светом: медь — тёплым, ржавым, серебро — холодным, сталь — стальным, отстранённым. Александр Петрович машинально отметил: гематит, пирит, магнетит...

— По нашему закону, — проскрипела она, — кто дважды пытается покинуть наше общество, тот становится вечным слугой. Не гостем, не помощником — слугой. И будет он делать ту работу, которую никто из нас делать не станет.

Другие ведьмы закивали, зашептались. Некоторые смеялись — смех был похож на карканье ворон, резкий и неприятный. Александр Петрович стоял посреди круга, скованный невидимыми путами. Он пытался говорить, протестовать, но язык не повиновался ему, будто онемел от страха. Грудная клетка сжалась, дыхание стало прерывистым, а в висках застучала кровь — так, словно где-то глубоко под землёй пробуждался вулкан.

Обряд посвящения в рабы.

Его раздели догола — не из стыда, а чтобы лишить последних следов прежней жизни. Старуха Агафья подошла к нему с чашей, но не с тем зельем, что давали раньше. Эта жидкость была чёрной, как ночь без звёзд, и густой, как дёготь. Она пульсировала, словно живое существо, и от неё исходил запах — не гниения, а чего-то древнего, забытого, как аммониты в слоях известняка.

— Пей, — приказала она. — Это не для иллюзий. Это для правды.

Он выпил — выбора не было, да и какой тут выбор, когда вокруг ведьмы, а сзади невидимая стена, не пускающая назад. Жидкость обожгла горло, потекла внутрь — и сразу же почувствовал, как что-то меняется внутри. Не в восприятии мира, а в самом существе его. Будто в душу влили свинец — тяжесть, безысходность, покорность. Свинец этот растекался по венам, вытесняя кровь, заполняя каждую клетку. Александр Петрович слотнул, попытался сделать шаг — ноги не слушались, будто корни пустили в землю.

На следующий день его отвели к краю деревни — туда, где земля была не землёй, а чем-то средним между глиной и гнилью. Липкая, вязкая масса чавкала под ногами, засасывала сапоги. Там стояла яма — глубокая, тёмная, от которой исходил запах тления и смерти, смешанный с чем-то ещё... металлическим, как будто рядом вскрыли старую руду.

— Вот твоё новое жилище, — сказала Марья, указывая на полуразрушенную землянку рядом с ямой. Голос её звучал ровно, без эмоций, но в уголках губ дрогнула едва заметная усмешка — не весёлая, а какая-то... хищная. — И вот твоя работа.

Она объяснила. Яма эта — не простая. Это место, куда сбрасывают отходы колдовства: кости неудачных экспериментов, остатки зелий, испорченные амулеты, предметы, на которые наложили проклятия. Всё это должно быть рассортировано, очищено, переработано. Но работа эта опасна — прикосновение к некоторым предметам может свести с ума, отравить, убить. Вот почему её не делали ведьмы.

«Почему я?» — хотел спросить Александр Петрович, но язык не повернулся. Вместо этого он лишь кивнул, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

Первый день стал для него адом. Его спустили в яму на верёвке — лестницы там не было. Глубина оказалась страшной — не десять, не двадцать, а, казалось, сотни метров. На дне царила крошечная тьма, которую не рассеивали даже факелы — их пламя дрожало, металось, будто сопротивлялось чему-то.

Он начал с того, что попытался разобрать ближайшую кучу. Кости — человеческие, но странно деформированные. Некоторые были сросшимися, другие — прозрачными, как стекло. Среди них валялись склянки с остатками зелий — одни светились в темноте, другие шипели при прикосновении.

И тут он, геолог по образованию, заметил нечто странное. Стены ямы были не земляными — они состояли из слоёв. Слои эти чередовались: твёрдый чёрный камень, похожий на обси-

диан, затем слой пепла, затем снова камень. И в этих слоях были вкрапления — кристаллы, минералы, окаменелости.

Александр Петрович замер, забыв на мгновение о страхе. Рука сама потянулась к стене. Камень был холодным, но не обычным холодом — будто он высасывал тепло из тела, вытягивал его, как подземные воды вытягивают минералы из пород. А кристаллы... они мерцали изнутри, будто в них были заключены крошечные звёзды. Он провёл пальцем по поверхности — на коже остался едва заметный след, будто от статического электричества.

«Это не просто слои, — подумал он. — Это хронология. Каждый слой — эпоха. Пепел — сожжённые знания. Обсидиан — застывшая магия. Кристаллы... кристаллы — память».

Работая в яме, он начал слышать голоса. Сначала тихо, как далёкий гул тектонического разлома, потом всё отчётливее. Это были голоса тех, кто был здесь до него. Не только людей — существ, созданий, чьи имена и сущности он не мог даже представить.

Один голос, старческий и усталый, рассказывал о том, как он попал сюда сто лет назад. Другой, молодой и полный ярости, клялся отомстить. Третий плакал — тихо, безутешно, как плачут дети, потерявшие мать.

Александр Петрович сжал кулаки, пытаясь сосредоточиться. «Это не галлюцинации, — твердил он себе. — Это резонанс. Как эхо в пещере. Предметы, кости, кристаллы — они хранят память. И эта память просачивается наружу».

Яма эта — не просто свалка. Это что-то вроде архива, хранилища памяти этого места. И всё, что сюда попадает, сохраняет следы тех, кто к этому прикасался.

Надсмотрщицей за ним назначили Марью. Каждый день она приходила к краю ямы, смотрела вниз своими жёлтыми глазами и спрашивала:

— Ну что, милый? Нашёл ли ты что-нибудь интересное?

Сначала он молчал, только кивал. Потом, не выдержав, начал рассказывать о своих находках. О кристаллах, что проводят не свет, а тьму. О костях, в которых сохранились следы древних заклинаний. О зельях, что не испортились за десятилетия.

Марья слушала внимательно, иногда кивала. И однажды сказала:

— Ты полезнее, чем я думала. Продолжай.

С каждым днём работа становилась опаснее. Однажды он наткнулся на шкатулку из чёрного дерева. Она была заперта, но замок давно сгнил. Внутри лежало зеркало — маленькое, круглое, в серебряной оправе. Он посмотрел в него — и увидел не своё отражение, а лицо молодой женщины. Красивое, но искажённое ужасом. Женщина что-то кричала, но звука не было. Потом из зеркала протянулась рука — бледная, почти прозрачная — и схватила его за запястье.

Александр Петрович отпрянул, отшвырнул зеркало. Сердце колотилось так, будто готово было выпрыгнуть из груди. Рука горела в том месте, где её коснулась призрачная ладонь, — белая полоса, как от ожога, что не сходила неделями.

В другой раз он раскопал мешок, из которого сыпались зубы. Не животные — человеческие. Но каждый зуб был покрыт тонкой гравировкой — рунами, символами, знаками. Когда он попытался собрать их, зубы начали двигаться, сближаться, будто пытаясь сложиться в челюсть. Он отдёргнул руку, дыхание перехватило.

Через месяц работы он заболел. Не простудой — чем-то странным. Кожа покрылась язвами, что сочились не кровью, а чёрной слизью. По ночам его била лихорадка, и в бреду он видел странные сны: будто он не в яме, а в огромной пещере, стены которой состоят из спящих тел. И все они смотрят на него пустыми глазницами, шепчут что-то на непонятном языке.

Марья, когда увидела его состояние, принесла мазь.

— Намажь, — сказала коротко. — Это от гнили ямы.

Мазь пахла смертью и полынью, но помогла. Язвы затянулись, оставив лишь бледные шрамы. Но слабость осталась — постоянная, изматывающая, будто кто-то высасывал из него силы по капле.

Однажды, копая в самом дальнем углу ямы, он наткнулся на каменную плиту. Она была гладкой, отполированной, и на ней были вырезаны символы. Не руны ведьм — что-то древнее, первобытное. Он, геолог, узнал в них петроглифы — наскальные рисунки древних людей.

С большим трудом он откопал плиту полностью. Она оказалась огромной — два метра в высоту, полтора в ширину. На ней была изображена сцена: люди в звериных шкурах поклоняются чему-то, что спускается с неба. Не богу — чудовищу с множеством шупалец и глаз.

И под изображением — надпись. Не на языке, который он знал, но что-то в ней было знакомо. Он долго смотрел, вглядывался, и вдруг понял: это не буквы, а схема. Схема пещеры, тоннелей, ходов. И в центре схемы — точка, помеченная особым знаком.

В ту ночь он не спал. Сидел в своей землянке, скрючившись у стены, и смотрел на копию схемы, которую сделал углём на неровной поверхности камня. Пальцы дрожали, когда он проводил линии, соединяя точки — то слишком резко, то едва касаясь, будто боялся спугнуть мысль.

«Что, если эта плита — ключ? — думал он, и сердце билось чаще, чем нужно. — Что, если яма — не просто яма, а вход? Вход куда? В другой мир? В прошлое? В логово того чудовища, что изображено на плите?»

Он провёл ладонью по лицу, пытаясь собраться с мыслями. Вспомнил свои знания геологии — пещеры, карстовые полости, подземные реки. В голове сами собой всплывали образы: разломы, трещины, пустоты под земной корой. «Если эта схема верна, — размышлял он, — то под ямой должна быть система пещер. Не хаотичная, а упорядоченная — как жилы в породе. И если найти вход...»

Решиться было трудно. Очень трудно. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. В одиночку ему не справиться. Нужен союзник. И единственный, кто проявлял к нему хоть каплю жалости, была Агафья.

Он дождался, когда шаги Марьи затихнут вдали, и крикнул из ямы — хрипло, срывающимся голосом:

— Агафья! Мне нужно поговорить!

Старуха появилась на краю не сразу. Сначала он увидел лишь тень, колышущуюся на фоне бледной луны, потом — её лицо, освещённое лунным светом. Оно казалось высеченным из старого дерева: глубокие морщины, впалые щёки, глаза — тёмные, как подземные озёра.

— Что тебе, путник? — спросила она. В голосе не было ни злобы, ни насмешки — только усталость, такая глубокая, что, казалось, она копилась годами, десятилетиями, веками.

Александр Петрович сглотнул. Говорить было трудно — слова застревали в горле. Он рассказал о плите, о схеме, о своих догадках. Рассказывал сбивчиво, перескакивая с одного на другое, то ускоряясь, то замирая на полуслове.

Агафья молчала долго, так долго, что он начал думать, будто она ушла, оставив его наедине с его безумной идеей. Он уже хотел окликнуть её снова, когда она наконец заговорила:

— Ты нашёл Врата, — сказала она тихо. — Те самые, через которые наши предки пришли в этот мир.

История ведьм.

Той ночью Агафья спустилась в яму — впервые за многие годы. Он слышал, как она осторожно спускается по верёвке, как её сапоги скрипят по осыпающейся земле. Она села на камень, достала трубку, закурила. Дым был густой, пахнувший сушёными травами и чем-то ещё — памятью, может быть, или древними заклинаниями.

— Мы не всегда были здесь, — начала она. — Наши предки пришли из другого мира. Мира, где магия была не редкостью, а обыденностью. Но тот мир умирал — истощались источ-

ники силы, гибли боги, рушились основы. И тогда самые сильные колдуньи нашли способ уйти. Нашли место, где миры соприкасаются — здесь, в этих горах. — Она указала на плиту. — Это — карта. Карта пути назад. Но путь этот закрыт уже сотни лет. Закрыт теми, кто боялся, что кто-то вернётся и приведёт за собой ужас того мира.

Александр Петрович слушал, затаив дыхание. В груди что-то дрогнуло — надежда, острая и болезненная, как осколок кварца. Если есть путь назад... Если можно не только уйти отсюда, но и вернуться в свой мир...

— Я могу открыть его, — сказал он, и голос его зазвучал твёрже. — Я геолог. Я понимаю камни, пещеры, подземелья. Я вижу закономерности там, где другие видят хаос. Дай мне шанс.

Агафья смотрела на него своими старыми, мудрыми глазами — глазами, видевшими больше, чем он мог себе представить.

— Если откроешь Врата, что тогда? Вернёшься в свой мир? А что с нами? С Марьей? С другими?

Он замер. Ненавидел ли он Марью? Да, за обман, за рабство. Но была ли в ней хоть капля того, что он когда-то любил? Или это тоже было иллюзией? Перед глазами всплыл её образ — та Марья, что улыбалась ему, шептала ласковые слова... и та, что смотрела с презрением, когда он попытался бежать.

— Я не знаю, — честно сказал он. — Но я не могу остаться здесь. Не могу быть рабом. Не хочу, чтобы моя жизнь стала просто... экспонатом в их коллекции.

Агафья вздохнула — глубоко, протяжно, будто этот вздох шёл из самых глубин её древней души.

— Хорошо. Я помогу. Но тайно. Если Марья узнает... — она не договорила, но он понял. В её взгляде читалась угроза — не ему, а тому, что может случиться, если их план раскроется.

Она дала ему инструменты — не магические, обычные: кирку, лопату, верёвку. И карту — не на камне, а на пергаменте, старом, пожелтевшем, но более подробную. Линии на ней были тоньше, метки — чётче.

— Комай здесь, — указала она на место в дальнем углу ямы. — Но осторожно. То, что спит под землёй, лучше не будить.

Начались дни тяжёлого, опасного труда. Он копал по ночам, когда все спали. Земля здесь была странной — то твёрдой, как гранит, то рыхлой, как песок. Иногда из стен сочилась жидкость — не вода, а что-то маслянистое, что светилось в темноте бледно-зелёным светом, будто фосфоресцирующий планктон в глубинах океана. Он отдёргивал руку, чувствуя, как по коже бегут мурашки.

Через неделю он наткнулся на первую пещеру. Небольшую, но явно искусственную — стены были обработаны, на полу лежали камни, уложенные в определённом порядке, как кристаллы в друзе. И в центре — алтарь. Простой, каменный, но на нём были следы — не крови, а чего-то другого. Что-то тёмное, въевшееся в камень на века, словно смола, застывшая в трещинах породы.

В пещере он нашёл скелет. Не человеческий — что-то среднее между человеком и... нет, даже сравнить не с чем. Череп был удлинённым, с роговыми наростами. Кости — тонкими, полыми, как у птиц. А рядом — предметы: чаша из чёрного металла, нож с лезвием из обсидиана, ожерелье из зубов неизвестного зверя.

И книга. Не бумажная — из тонких пластин камня, скреплённых металлическими кольцами. Страницы были покрыты письменами — теми же, что на плите. Он не мог прочитать, но интуиция подсказывала: это важно. Пальцы дрожали, когда он коснулся камня — холодный, но не мёртвый. В нём чувствовалась энергия, как в минерале, хранящем память тысячелетий.

Марья, с её звериным чутьём, почуяла неладное. Она стала приходить чаще, задерживаться дольше, задавать странные вопросы.

— Что ты там копаешь так усердно? — спрашивала она, и в её глазах мелькало подозрение — не явное, а скрытое, как трещина в породе, которую не сразу заметишь.

— Старые кости, — отвечал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Много старых костей.

— Покажи.

Пришлось показывать — выбросить наверх несколько найденных костей. Марья рассматривала их долго, поворачивая в руках, изучая каждую деталь. Пальцы её скользили по поверхности, будто пытались прочесть в неровностях рельефа какую-то скрытую историю. Потом бросила обратно в яму — небрежно, с лёгким пренебрежением.

— Странные кости. Не наши. Колай дальше.

Ещё через две недели он нашёл его — вход. Не просто дыру в стене, а арку, вырезанную из чёрного камня. Камень был холодным на ощупь, но не так, как обычный базальт или сланец — холод шёл изнутри, будто за этой поверхностью скрывалось что-то древнее, спящее.

Арка была украшена резьбой: спирали, круги, символы, которые кружились перед глазами, если смотреть на них слишком долго. Александр Петрович провёл пальцем по одному из узоров — тот отозвался лёгким покалыванием, будто статическое электричество. «Как кварц под давлением», — мелькнуло в голове. Он отдернул руку, чувствуя, как по спине пробежал холодок.

За аркой — тоннель. Тёмный, бесконечно уходящий вглубь. И из него веяло... не холодом. Чем-то другим. Запахом другого мира. Запахом дома? Нет, не дома. Но запахом чего-то знакомого, чего-то, что он когда-то знал. Что-то из детства, из снов — едва уловимое, ускользающее. Он втянул воздух глубже, пытаясь поймать этот аромат, но тот растворился, оставив лишь горьковатый привкус на языке.

Теперь перед ним стоял выбор. Войти? Но что там? Сможет ли он пройти? И что будет, если он пройдёт? Вернётся ли он в свой мир? Или попадёт в тот, из которого пришли ведьмы?

И ещё: сказать ли Агафье? Взять ли её с собой? А других? Марью? Он представил, как Марья шагает рядом — уверенная, насмешливая, с этими её жёлтыми глазами, в которых нет ни капли прежней теплоты. От этой мысли внутри всё сжалось.

Он сидел у входа, смотрел в темноту тоннеля, и думал. Думал о свободе, о мести, о прошлом, о будущем. Вспоминал запах соснового леса у дома, скрип половиц, голос матери. Пальцы непроизвольно сжали край карты — пергамент чуть не порвался. И понимал, что какой бы выбор он ни сделал, обратного пути уже не будет. Сердце билось часто, неровно, будто пыталось вырваться из груди.

Наступила ночь полнолуния — время, когда ведьмы проводили самые сильные обряды. Все они собрались на холме, даже Агафья. Яма осталась без присмотра.

Это был шанс. Последний шанс.

Александр Петрович собрал немногие свои пожитки: карту, книгу из каменных страниц (она казалась тяжелее, чем должна была быть, будто внутри хранила какую-то тайну), нож, найденный в пещере (лезвие из обсидиана блестело в свете факела, напоминая о вулканическом происхождении). Подошёл к арке. Сделал шаг...

И услышал голос за спиной:

— Куда собрался, милый?

Он обернулся так резко, что чуть не потерял равновесие. В проёме землянки стояла Марья. Не на холме с другими — здесь, с ним. В руках у неё был факел, и свет его падал на её лицо, делая его ещё более чудовищным: тени ложились глубокими впадинами, подчёркивая острые скулы, а глаза... глаза горели жёлтым огнём, как два угля в печи.

— Я... — начал он, но слова застряли в горле. Язык будто распух, не слушался. Он сглотнул, попытался снова: — Я думал...

— Я знала, — сказала Марья, и в её голосе не было ни гнева, ни удивления. Только холодная уверенность, от которой по спине побежали мурашки. — Знала, что ты что-то затеял. Знала, что Агафья тебе помогает.

Она сделала шаг вперёд. Пламя факела дрогнуло, отбрасывая на стены танцующие тени — они извивались, как живые, будто пытались что-то сказать.

— И теперь, милый, ты сделаешь для нас последнюю работу. Самую важную. Ты откроешь Врата. Но не для того, чтобы уйти. Для того, чтобы мы могли вернуться. Вернуться в твой мир.

Её глаза загорелись ещё ярче, почти ослепляя.

— И ты будешь нашим проводником.

Глава 2: Проводник в иной мир

Марья стояла перед ним, и в её жёлтых глазах горела не просто злоба — холодная, расчётливая решимость. Взгляд её был острым, как лезвие обсидиана: не резал сразу, а будто прощупывал, искал слабое место. За её спиной появились другие — не все ведьмы, но самые сильные: Агафья с лицом, окаменевшим от древности, молодая Варвара с волосами цвета воронова крыла, и ещё две, чьих имён он не знал. Одна из них — с кожей, покрытой мелкими чешуйками, будто речной песок успел прилипнуть и застыть; другая — с глазами, в которых не было зрачков, только мерцающий туман.

— Ты думал, мы не знаем? — проскрипела Агафья, и в её голосе звучала не только ярость, но и разочарование — такое глубокое, будто он не просто обманул её, а разрушил какую-то давнюю надежду. — Ты думал, старуха Агафья так просто поможет беглецу? Всё это время я следила. Всё это время я знала.

Александр Петрович почувствовал, как внутри всё оборвалось. «Обманули, — мелькнуло в голове. — Опять обманули». Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, пытаясь унять дрожь. Его обманули вдвойне. И Марья с её притворной любовью, и Агафья с её мнимой жалостью — всё было спектаклем. Всё — чтобы он нашёл Врата.

Его сковали не цепями, а живыми корнями, что выползли из стен ямы — медленно, почти лениво, будто знали, что бежать некуда. Корни эти были тёплыми, пульсирующими, будто в них текла не сок, а кровь. Они обвивали руки, ноги, шею — не слишком туго, но достаточно, чтобы он ощущал их биение, их дыхание. «Как подземные жилы, — подумал он. — Как магма под корой».

Пока его держали, ведьмы готовились. Они принесли из деревни странные предметы: чаши из черепов (на одном ещё виднелись остатки краски — когда-то он был раскрашен, как игрушка), мешки с сушёными травами (запах напоминал ему что-то из детства — может, бабушкины сборы от кашля), свитки пергамента, исписанные рунами, что светились в темноте, пульсируя в такт биению корней. И главное — кристаллы. Те самые, что он находил в стенах ямы. Теперь он понял их назначение: они были ключами. «Не просто минералы, — осознал он. — Это проводники. Как пьезоэлектрики, только не для тока, а для магии».

Марья подошла к арке, провела рукой по резьбе. Камень отозвался — загудел, как огромный колокол, и резьба засветилась изнутри, бледно-фиолетовым светом, похожим на свечение минералов под ультрафиолетом.

— Врата спят, — сказала она. — Но скоро проснутся.

Ведьмы образовали круг вокруг арки. Александра Петровича поставили в центре, лицом к тёмному проходу. Агафья начала читать — не на языке, который он мог бы понять, а на чём-то древнем, первобытном. Слова её были похожи на скрежет камней, на шум подземных вод, на рёв зверей в ночи. Они отдавались в груди, будто кто-то стучал по рёбрам изнутри.

Другие подхватили. Их голоса слились в странную, дисгармоничную музыку, что заставляла дрожать не только тело, но и душу. Воздух сгустился, стал тяжёлым, как ртуть, и вязким, будто расплавленный битум. Свет факелов погас, но тьма не наступила — вместо неё появи-

лось свечение, исходящее от самих ведьм. Каждая светилась своим цветом: Марья — зелёным, как мох на старых камнях, Агафья — кроваво-красным, Варвара — синим, как глубины океана, а две незнакомки — одна оранжевым, как расплавленная лава, другая фиолетовым, как аметист в глубине пещеры.

Арка начала меняться. Камень, казавшийся мёртвым, ожил — задышал, запульсировал, будто сердце древнего существа. Резьба на нём задвигалась, спирали завертелись, круги пошли по своим орбитам, как планеты в миниатюре. Из глубины тоннеля донёсся звук — не звук, а скорее ощущение: будто что-то огромное, древнее, проснулось после долгого сна. «Как тектонический разлом, — подумал Александр Петрович. — Только это не земля дрожит, а само пространство».

Не так, как открываются обычные двери. Пространство внутри арки закружилось, завертелось, превратилось в воронку. Воронка эта была не чёрной — переливалась всеми цветами радуги, но цвета эти были болезненными, неестественными, будто радуга после кислотного дождя. И из неё потянуло... чем?

Запахом другого мира. Запахом, который Александр Петрович не мог описать словами. Это был запах одновременно сладкий и гниlostный, свежий и затхлый, знакомый и абсолютно чуждый. Запах дома, которого никогда не было. Он втянул воздух глубже, и на мгновение ему показалось, что он чувствует запах сосновой смолы и влажной земли — как в лесу у дома. Но тут же этот аромат сменился чем-то металлическим, острым, будто рядом вскрыли старую руду.

Марья подошла к нему, коснулась его лба холодными пальцами. Корни, что держали его, ослабли, но не отпустили полностью — они лишь слегка ослабили хватку, будто напоминая: «Мы всё ещё здесь».

— Ты пойдёшь первым, — сказала она. — Ты — проводник. Твоя кровь, твоя душа, твоя связь с тем миром — всё это поможет нам пройти. А если попытаешься бежать... — она не договорила, но он понял. В её взгляде читалась угроза — не пустая, а холодная, взвешенная, как точный расчёт.

Он посмотрел на Врата, на эту крутящуюся, переливающуюся воронку. Страх сдавил горло, перехватил дыхание — он сделал вдох, но воздух не шёл, будто лёгкие забыли, как работать. Ладони вспотели, колени дрожали, но выбора не было. «Только вперёд, — твердил он себе. — Только вперёд». Сделал шаг.

Первый шаг в воронку был похож на падение в колодец — только колодец этот был бесконечным. Его закрутило, завертело, бросило в водоворот ощущений. Он видел не образы, а сами сущности вещей: не дерево, а идею дерева, не камень, а память камня, не свет, а мысль о свете. Время потеряло смысл. Мгновение растянулось в вечность, вечность сжалась в мгновение. Он был и младенцем, и стариком, и тем, кто ещё не родился, и тем, кто уже умер тысячу раз.

И звуки... Звуки были не звуками, а цветами, запахами, вкусами. Он слышал фиолетовый, видел горький, чувствовал запах тишины — будто все чувства перепутались, смешались в один поток.

И вдруг — остановка. Он упал на что-то твёрдое, но не на землю. Открыл глаза.

Мир. Не тот, который он знал. Не тот, в котором жили ведьмы. Другой.

Небо было не голубым, не чёрным — пурпурным, как старая кровь. По нему плыли не облака, а нечто похожее на медуз — прозрачные, пульсирующие, испускающие мягкий свет. Две луны висели низко над горизонтом — одна зелёная, как гнилой плод, другая белая, как кость.

Земля... Земли не было. Было что-то вроде мха, но мох этот был живым — дышал, шевелился, иногда выпускал щупальца, что тянулись к небу. Деревья... если это можно было назвать

деревьями. Они были кривыми, скрюченными, с ветвями, что изгибались под невозможными углами. И на них росли не листья, а глаза — тысячи глаз, что следили за каждым движением.

Воздух был густым, тяжёлым, им трудно было дышать. И запах... тот самый, что он почувствовал у Врат, только теперь в тысячу раз сильнее.

Одна за другой из пустоты появились ведьмы. Сначала Марья — она упала на колени, глубоко вдохнула, и на лице её появилось выражение, которого он никогда не видел: блаженство, ностальгия, боль.

— Домой, — прошептала она. — Наконец-то домой.

Потом Агафья, Варвара, другие. Все они смотрели вокруг с тем же выражением — смесью радости и ужаса.

Александр Петрович поднялся, огляделся. Его геологический ум, даже в таком состоянии, пытался анализировать. Грунт — не минеральный, органический, но не такой, как на Земле. Растения — фотосинтез, вероятно, но на основе не хлорофилла, а чего-то другого. Атмосфера — состав явно иной, давление выше, гравитация... кажется, меньше.

Но больше всего его поразило не это. Поразило ощущение, что мир этот... знает его. Не как чужака, а как долгожданного гостя. Воздух ласкал кожу, земля мягко пружинила под ногами, даже те странные глаза на деревьях смотрели не враждебно, а с любопытством.

Марья подошла к нему. Теперь, в этом мире, она выглядела иначе. Не чудовищем, а... прекрасной. Кожа её стала гладкой, сияющей, глаза — не жёлтыми, а золотистыми, волосы мерцали, как будто в них были вплетены звёзды.

— Здесь мы другие, — сказала она. — Здесь мы — те, кем должны были быть. А ты... ты тоже меняешься. Смотри.

Он посмотрел на свои руки. Кожа... светилась. Слабо, едва заметно, но светилась — бледно-голубым светом, как фосфор в темноте или как минералы, что он когда-то изучал под ультрафиолетом. Он поднёс ладонь ближе к лицу, повернул — свечение не исчезало. «Это не иллюзия, — подумал он. — Это реально. Я... меняюсь».

— Что со мной? — спросил он, и голос его звучал странно — глубже, звучнее, будто резонировал, как в пещере с хорошей акустикой. Он прокашлялся, попробовал снова: — Что это значит?

— Этот мир принимает тебя, — ответила Агафья, подходя ближе. Её тень дрожала на земле, будто не могла решить, куда ей лечь. — Ты провёл здесь достаточно времени, дышал нашим воздухом,пил нашу воду... теперь ты становишься частью этого мира. Частью нас.

Ведьмы двинулись вперёд, и он, всё ещё связанный корнями, пошёл за ними — неуклюже, спотыкаясь. Корни ослабили хватку, но не отпустили совсем: они скользили вдоль кожи, пульсировали, будто напоминая: «Мы рядом».

Шли они по странному лесу. Деревья шептались на непонятном языке — не листьями, а корой, будто трещины в ней шевелились, переговаривались. Цветы распускались не лепестками, а крошечными руками — бледными, полупрозрачными, они тянулись к нему, пока он проходил мимо. Ручьи текли не водой, а чем-то похожим на ртуть: жидкость переливалась серебристым блеском, извивалась, как живая, и оставляла на камнях следы, светящиеся слабым зелёным светом.

Александр Петрович невольно замедлил шаг, вглядываясь в этот мир. «Как пещера с минералами, — подумал он. — Всё светится, пульсирует, дышит... Но это не геология. Это магия. Или то, что для нас — магия, а для них — просто законы природы».

Через несколько часов они вышли к городу.

Город... если это можно было назвать городом. Здания были не из камня или дерева — из чего-то живого. Они росли из земли, как грибы, изгибались, скручивались, образовывали арки, башни, мосты. Окна в них были не квадратными — овальными, треугольными, звёздчатыми. И

в каждом окне горел свет — не огонь, не электричество, а что-то иное: мягкое, пульсирующее, как сердцебиение.

Улицы были пусты. Ни людей, ни существ — никого. Только здания, что дышали, и свет в окнах, что мигал в такт какому-то неведомому ритму. Александр Петрович почувствовал, как по спине пробежал холодок. «Как город-призрак, — мелькнуло в голове. — Но не мёртвый. А спящий. Или ждущий».

В центре города стояло самое большое здание — не просто большое, а огромное. Оно напоминало одновременно и собор, и пещеру, и череп какого-то колоссального существа. Вход в него был в виде раскрытой пасти, и изнутри лился свет — зелёный, ядовитый, притягательный. Казалось, он манит, зовёт: «Зайди. Узнай. Почувствуй».

— Храм Предтеч, — сказала Марья, и в её голосе звучало благоговение — не показное, а настоящее, глубокое, будто она стояла перед чем-то святым. — Здесь они жили. Здесь они творили. Здесь они... ушли.

Она вошла внутрь, и остальные последовали за ней. Александра Петровича втащили за собой — он едва успел переступить порог, как корни окончательно отпустили его. Он пошатнулся, сделал шаг вперёд, пытаясь сохранить равновесие.

Внутри храма было просторно, но не пусто. Посреди зала стоял... не алтарь. Что-то вроде трона, но трон этот был сделан не из золота или камня — из кристаллов. Тех самых, что он находил в яме, только здесь они были огромными, чистыми, идеальными. Они переливались всеми оттенками синего и фиолетового, будто внутри них танцевали молнии.

И вокруг трона — фигуры. Не статуи — что-то среднее между скульптурами и... телами. Существа, застывшие в странных позах. Одни молились, другие танцевали, третьи просто стояли, уставившись в пустоту. И все они были сделаны из того же материала, что и здания — живого камня, или каменной жизни.

Агафья подошла к одной из фигур, коснулась её. Камень отозвался — засветился изнутри, и фигура... пошевелилась. Не ожила — просто дрогнула, будто во сне. Александр Петрович затаил дыхание. «Как минерал под давлением, — подумал он. — Он меняется, реагирует. Но здесь это не физика — это магия. Или что-то ещё более древнее».

— Наши предки, — прошептала старуха. — Те, кто создал этот мир. Те, кто научил нас магии. Те, кто... ушёл, когда мир начал умирать.

Она обернулась к Александру Петровичу. Её глаза, глубокие и тёмные, как подземные озёра, смотрели прямо на него.

— Они ушли в твой мир. Искали новое место. Новую жизнь. Но что-то пошло не так. Они не вернулись. А мир... мир начал гибнуть без них.

Теперь он понял. Понял, зачем ведьмам нужен был проводник. Понял, зачем они вернулись. В груди что-то сжалось — страх, надежда, тревога. «Они хотят, чтобы я помог им найти предков, — осознал он. — Найти тех, кто ушёл в мой мир».

— Вы хотите их найти, — сказал он. — Предтеч. В моём мире.

Марья кивнула.

— Они там. Мы чувствуем. Их следы, их энергия... они там. Но мы не можем найти их сами. Нам нужен тот, кто знает тот мир. Кто связан с ним. Кто... — она посмотрела на него, и в её глазах было не презрение, а что-то другое. Уважение? Или расчёт? — Кто достаточно силен, чтобы быть мостом между мирами.

Корни, что держали его, наконец отпустили. Он почувствовал странную свободу — не физическую, а другую. Будто что-то внутри него изменилось навсегда. «Я больше не пленник, — подумал он. — Но и не свободный. Я — часть чего-то большего».

— Я буду вашим проводником, — сказал он, и удивился собственным словам. Они прозвучали твёрдо, уверенно, будто он уже принял это решение давно, а сейчас просто озвучил его. — Но не рабом. Партнёром.

Ведьмы переглянулись. Агафья кивнула.

— Партнёром, — согласилась Марья. — Но помни: здесь ты не в своём мире. Здесь законы другие. И опасности... другие.

Ночь в этом мире наступила быстро — не постепенно, а сразу, будто кто-то выключил свет. Пурпурное небо стало чёрным, но не тёмным — звёзды зажглись, и звёзды эти были не точками, а спиралями, галактиками, туманностями, что висели так низко, будто их можно было коснуться рукой. Александр Петрович поднял голову, замороженно глядя на это зрелище. «Как в глубинах океана, — подумал он. — Или в сердце метеорита. Всё светится, движется, живёт своей жизнью».

Они устроились в одном из зданий — не в храме, а в меньшем, похожем на дом. Внутри было пусто, но чисто — будто кто-то только что ушёл, оставив всё на своих местах.

Александр Петрович сидел у окна, смотрел на странные звёзды, и думал. Думал о том, что стал частью чего-то большего, чем он мог представить. Думал о Предтечах, о ведьмах, о двух мирах, связанных через него. И чувствовал, как этот мир меняет его. Не только тело — душу. Мысли текли иначе, чувства были глубже, воспоминания... воспоминания стали ярче, будто он прожил не одну жизнь, а много. Он закрыл глаза, пытаясь уловить это ощущение — будто внутри него пробуждалось что-то древнее, забытое.

Ночью ему приснился сон-видение. Он стоял в том же храме, но не пустом — полном жизни. Существа, похожие на тех каменных фигур, но живые, двигались, разговаривали, творили что-то удивительное. И один из них — самый высокий, с лицом, напоминающим одновременно и человека, и бога — подошёл к нему.

— Ты пришёл, — сказала существо, и голос его был как гром в горах, но не пугающий, а величественный. — Мы ждали.

— Кто вы? — спросил он.

— Те, кто был до. Те, кто будет после. Те, кто связывает миры.

Существо протянуло руку — не с пальцами, а с щупальцами, покрытыми мерцающими чешуйками.

— Возьми. Это знание. Это сила. Это... ответственность.

Он взял. И проснулся.

Утро пришло так же внезапно, как и ночь. Небо снова стало пурпурным, звёзды погасли, две луны скрылись за горизонтом.

Марья стояла в дверях, смотрела на него. В её взгляде читалось что-то новое.

— Ты видел? — спросила она. Её голос дрогнул на последнем слог, будто она сама не до конца верила в то, что говорила.

Он кивнул, но кивнул как-то неуверенно — коротко и резко, будто боялся, что если задумается хоть на секунду, то передумает. В горле пересохло, язык прилип к нёбу. «Видел ли я? — пронеслось в голове. — Да, видел. Но понял ли? Понял ли хоть что-то из этого?»

— Они говорят с тобой, — сказала она. — Значит, ты избран. Значит, ты действительно мост.

Она подошла ближе, села рядом — не напротив, а чуть сбоку, как будто боялась напугать его прямым взглядом. Её тень упала на землю, дрогнула и снова застыла.

— Мы искали такого долго. Очень долго. Тысячи лет. И наконец нашли. Не в нашем мире — в твоём.

Александр Петрович сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони. «Избран? Мост? — думал он. — Звучит красиво. Но что это значит на самом деле? Что ждёт меня в конце этого пути?» Он провёл рукой по лицу, пытаясь справиться с мыслями.

В тот день они составили план. Не просто найти Предтеч — вернуть их. Вернуть в этот мир, чтобы он снова ожил. Чтобы магия снова текла свободно, как подземные реки, питающие

родники. Чтобы ведьмы снова стали тем, кем должны были быть — не хранителями угасающего огня, а творцами новой жизни.

Но для этого нужно было не просто найти — нужно было понять, почему они ушли. Почему не вернулись. Что случилось в том мире, что заставило их остаться? «Может, они увидели что-то страшное? — мелькнуло в голове. — Или, наоборот, нашли то, что стоило оставить позади?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.